

355

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. С. СОКОЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. С. СОКОЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

I

БЕЛУДЖСКИЙ, КУРДСКИЙ,
ТАЛЫШСКИЙ, ТАТСКИЙ
ЯЗЫКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

И. И. ЗАРУБИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
В МОСКОВСКОМ РАЙОНЕ

1954

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своих трудах по вопросам языкознания товарищ Сталин дает исключительно высокую оценку звуковой стороне языка, указывая, что: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей».¹

Это значит, что у основных единиц языка — морфем, слов и предложений — нет и никогда не было иных средств для своего выявления, кроме звуковых. Следовательно, наряду с изучением лексической и грамматической сторон языка, следует обратить самое серьезное внимание и на изучение фонетического его строя, без знания которого не может быть серьезных успехов в изучении основных сторон языка и его истории.

Со времени создания русскими учеными теории фонемы изучение фонетики встало на твердую почву и дало уже ощутительные результаты. Однако все же для многих языков фонетика остается еще малоизученной областью, что относится и к иранским языкам.

Фонетика живых иранских языков до сих пор не была еще предметом специальных исследований. Поэтому по многим из них специалисты не располагают даже основными фонетическими сведениями: далеко не для всех языков (особенно бесписьменных) фонологический состав можно считать установленным, а описательная часть по определению качества и диапазона фонем почти вовсе не разработана.

Публикуемые очерки являются результатом систематического изучения фонетики живых иранских языков, проводившегося в течение 1947—1950 гг., и, заполняя в известной мере указанный пробел, ставят своей задачей дать специалистам необходимые сведения по фонетике каждого языка, т. е. установить состав фонем и дать их необходимую фонетическую характеристику.

Исследование проводилось в местах распространения языков, среди населения, с применением в нужных случаях фонетических аппаратов (кимографа и искусственного неба).

В настоящем выпуске представлены очерки по четырем языкам: белуджскому, курдскому, талышскому и татскому. Работы проводились в 1947—1948 гг. в Туркмении (белуджский и курдский языки) и в Азербайджане (талышский и татский языки). Каждый очерк состоит из предваряющих сведений по данному языку и из описания его вокализма и консонантизма с приложением образцов фонологической записи связной речи. Охват и детализация материалов по каждому

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 46.

языку не всегда равномерны, что зависит от различных задач, поставленных предшествующим исследованием, а также от доступности языков непосредственному наблюдению. Наибольшее место в книге по объему занимает белуджский язык, что объясняется необходимостью детального рассмотрения количественных взаимоотношений в его вокализме, хорошо сохранившем, в отличие от большинства других иранских языков, деление на долгие и краткие гласные. Важность детального рассмотрения белуджского вокализма усиливается еще тем, что он целиком совпадает с вокализмом среднеперсидского языка, установленного по письменным памятникам.

Приложенные к очеркам тексты преследуют чисто фонетическую цель — дать образцы точной записи, отражающей фонемный состав слова, без обозначения незначимых (вариантных) звучаний. Для наглядности и большего удобства сравнения, наряду со вновь записанными текстами, приводятся также (для талышского и татского языков) и старые тексты из опубликованных ранее Б. В. Миллером, которые были им записаны хотя хорошо разработанной, но все же не вполне фонологической транскрипцией.

В изложении применяется транскрипция, принятая в иранистике. Транскрипция, отражающая фонемный состав слова без обозначения вариантов фонем, дается курсивом. Транскрипция, употребляемая при описании фонем с обозначениями их вариантов, дается прямым шрифтом в кавычках. В основу описания фонем положены классификационные принципы Л. В. Щербы. При определении качества гласных используется таблица в 6 ступеней подъема с соответствующими знаками для гласных, используемыми в «Очерках».

Ниже приводятся указанная таблица и список дополнительных транскрипционных знаков.

Классификационная таблица гласных

Передний ряд	Смешанный ряд	Задний ряд
У	и	и
У	ь	у
и	ы	у
ө	ө	о
е	э	о
э	э	о
æ	ə	ə
а	а	а

Примечание. Общий знак ө, обозначающий как передний, так и смешанный гласный 4-го подъема, принят во избежание излишней знаковой усложненности, поскольку эти звуки в рассматриваемых языках никогда не бывают разными фонемами. То же относится к знаку у, обозначающему огубленные гласные 6-го и 5-го подъемов переднего ряда.

Дополнительные транскрипционные знаки

Для гласных

— (o)	сужение
— (o)	расширение
— (a)	назализация
— (a)	долгота
— (a)	краткость
— (ou)	дифтонгичность
— (i)	неслоговой
	гласный

Для согласных

- (ɖ) ретрофлексная артикуляция
- (d') палатализация
- (ɭ) веляризация
- (t') придыхательность
- (ɖ̥) оглушение
- (ʂ) заднеязычная артикуляция (второго фокуса)
- (ʃ̥) среднеязычная артикуляция (второго фокуса)
- (k̟) среднеязычная артикуляция

Общие

=(o-)	продвижение вперед
=(i-)	продвижение назад
=o(Λ°)	огубленность
=(gē-tir)	слогоделение
=(gētīr)	ударение

Subscription price, Five Dollars per Annum in Advance. Single Copies, Fifteen Cents.
Entered as Second-Class Matter, October 3, 1917. Postpaid at Special Rate of \$3.75 per Annum.
Acceptance for mailing at Special Rate of Postage provided for in Act of October 3, 1917.
Postpaid at Chicago, Ill., under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Published by THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Copyright, 1919, by The American Medical Association

Second-Class Postage Paid at Chicago, Ill.
Postmaster: This publication is entered as second-class matter under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Subscription price, Five Dollars per Annum in Advance. Single Copies, Fifteen Cents.
Entered as Second-Class Matter, October 3, 1917. Postpaid at Special Rate of \$3.75 per Annum.

Acceptance for mailing at Special Rate of Postage provided for in Act of October 3, 1917.
Postpaid at Chicago, Ill., under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Published by THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Copyright, 1919, by The American Medical Association

Second-Class Postage Paid at Chicago, Ill.
Postmaster: This publication is entered as second-class matter under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Subscription price, Five Dollars per Annum in Advance. Single Copies, Fifteen Cents.
Entered as Second-Class Matter, October 3, 1917. Postpaid at Special Rate of \$3.75 per Annum.

Acceptance for mailing at Special Rate of Postage provided for in Act of October 3, 1917.
Postpaid at Chicago, Ill., under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Published by THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Copyright, 1919, by The American Medical Association

Second-Class Postage Paid at Chicago, Ill.
Postmaster: This publication is entered as second-class matter under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Subscription price, Five Dollars per Annum in Advance. Single Copies, Fifteen Cents.
Entered as Second-Class Matter, October 3, 1917. Postpaid at Special Rate of \$3.75 per Annum.

Acceptance for mailing at Special Rate of Postage provided for in Act of October 3, 1917.
Postpaid at Chicago, Ill., under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Published by THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Copyright, 1919, by The American Medical Association

Second-Class Postage Paid at Chicago, Ill.
Postmaster: This publication is entered as second-class matter under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Subscription price, Five Dollars per Annum in Advance. Single Copies, Fifteen Cents.
Entered as Second-Class Matter, October 3, 1917. Postpaid at Special Rate of \$3.75 per Annum.

Acceptance for mailing at Special Rate of Postage provided for in Act of October 3, 1917.
Postpaid at Chicago, Ill., under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Published by THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Copyright, 1919, by The American Medical Association

Second-Class Postage Paid at Chicago, Ill.
Postmaster: This publication is entered as second-class matter under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Subscription price, Five Dollars per Annum in Advance. Single Copies, Fifteen Cents.
Entered as Second-Class Matter, October 3, 1917. Postpaid at Special Rate of \$3.75 per Annum.

Acceptance for mailing at Special Rate of Postage provided for in Act of October 3, 1917.
Postpaid at Chicago, Ill., under Post Office No. 265, dated May 1, 1919.

Published by THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Copyright, 1919, by The American Medical Association

БЕЛУДЖСКИЙ ЯЗЫК

Язык белуджей Советского Союза, живущих в пределах Туркменской ССР, принадлежит к той группе белуджских диалектов, которую принято называть южной или, точнее, юго-западной, противостоящей северной или северо-восточной группе. Основным отличительным свойством юго-западных белуджских диалектов в области фонетики является сохранение смычных и отсутствие придыхательных согласных. Первое изучение советских белуджей, в частности первая характеристика их языка была дана И. И. Зарубиным в его работе «К изучению белуджского языка и фольклора» (Записки Коллегии востоковедов, V, Л., 1930), в которой путем сравнения устанавливается принадлежность их языка к южной группе, но также отмечается и известная языковая обособленность от других диалектов этой группы, что дало возможность автору заключить, что «язык белуджей Туркмении представляет особый диалект южной группы».

Вслед за указанной работой, в 1932 г. вышли в свет собранные И. И. Зарубиным белуджские тексты,¹ характеризующиеся выдержанной фонологической транскрипцией, в которой хотя и допускается обозначение вариантов фонем, но их принадлежность к той или иной фонеме специально оговаривается.

С этого времени фонемный состав языка белуджей Туркмении следует считать установленным. Последующее исследование было направлено на выяснение качественного диапазона фонем и их взаимоотношений.

Такого рода исследование было организовано И. И. Зарубиным в 1936 г. в фонетической лаборатории Ленинградского университета при непосредственном участии Л. В. Щербы, а основные его результаты изложены в предисловии ко второй части «Белуджских сказок», вышедших в свет в 1949 г. Это исследование, давшее более точное представление о звуках белуджской речи, не решило все же многих фонологически существенных вопросов. Наиболее важным из них был вопрос о взаимоотношении количества и качества гласных при их противоположении. Длительность гласных является вообще одним из кардинальных вопросов при сравнительном изучении фонетики иранских языков. Известно, что как древнеперсидский, так и среднеперсидский вокализм характеризуется противоположением кратких и долгих.² Известно также, что для современных иранских языков характерным становится качественное противоположение фонем, например, для персидского языка.³ Для ряда языков вообще

¹ И. И. Зарубин. Белуджские сказки, ч. I. Л., 1932.

² Древнеперсидский вокализм: *ā—ā; ī—ī; ū—ū; ai; au*. Среднеперсидский вокализм: *ā—ā; ī—ī; ū—ū; ē; ö*.

³ Новоперсидский вокализм: *a—æ; i—e; u—o*.

трудно говорить о количественном противополжении гласных. При исследовании вокализма таджикского языка выявилась весьма своеобразная картина использования признака длительности: в нем противополжение гласных строится не по признаку «долгота—краткость», а по признаку «устойчивость—неустойчивость» с одновременным противополжением по качеству.¹ Поэтому белуджский вокализм, сохранивший исторические долготы и фонологически тождественный по своему составу среднеперсидскому (*ā, a, ī, i, ū, u, ō, e*), нуждался в детальном рассмотрении в этом плане. Проводившееся в семинаре исследование как раз и выдвинуло вопрос о взаимоотношении качества и длительности при противополжении гласных.

Оставалось неясным—сопровождается ли количественное противополжение пары *ā—a* качественным? Также оставалось неясным взаимоотношение качества и количества в противополжении фонем *i* и *u* их долгим парам. В частности, возникал вопрос, в пару к какой долгой фонеме отнести краткое *i*, имеющее широкий диапазон по подъему,—к фонеме *ī* или к фонеме *ē*, а краткое *u*—к фонеме *ū* или *ō*? Л. В. Церба относил *i* в пару к фонеме *ē*, а *u* в пару к *ō*.² Таким образом, возник вопрос о взаимоотношении качественного и количественного признаков гласных, а вместе с тем и об общей системе противополжений в белуджском вокализме. Поэтому основное внимание в настоящем очерке уделено именно этой теме, с детальным рассмотрением количественных изменений фонем и их взаимоотношений в различных фонетических положениях по данным кимографических записей.

Что касается работ по языку зарубежных белуджей, осуществленных западноевропейскими учеными, то в области фонетики они дают лишь общие сведения, при этом не всегда надежные, поскольку фонологический подход в них отсутствует. В перечисление звуков речи, сопровождающееся минимальным их описанием, по преимуществу акустическим, попадают, наряду с фонемами, и варианты их звучания. Даже в тех случаях, когда все исследователи согласно отмечают один и тот же звук, можно сомневаться в его фонологичности, что относится, например, к церебральному *ɟ*. Как показывают исследования по советским белуджам, этот звук есть лишь вариант церебрального (ретрофлексного) *d*, а не самостоятельная фонема. В общем, доступные работы по группе северо-восточных белуджей не дают достаточной разработки как вокализма, так и их богатого консонантизма с наличием придыхательных и развитием щелевых.

В настоящее время советские белуджи живут в Туркменской ССР в нескольких районах Марыйской области (преимущественно в Куйбышевском, Туркменкалийском и Йолотанском), образуя свои национальные колхозы, и занимаются главным образом культурой хлопка. Численность белуджей достигает 10 тысяч. Население не составляет компактной массы, белуджские аулы (колхозы) вкраплены среди туркменских. Кроме родного языка, белуджи пользуются персидским и туркменским, владея ими в разной степени. Персидский знает и понимает лишь старшее поколение, туркменским языком пользуются

¹ Таджикский вокализм: *a, u, i* (неустойчивые); *o, e, y* (устойчивые).

² Как можно видеть из предисловия ко второй части «Белуджских сказок», И. И. Зарубин решает этот вопрос иначе и говорит о противополжении краткого обоним долгим.

все, но вполне владеет им лишь молодежь, которую уже можно считать двуязычной. Заметного влияния туркменский язык на белуджский не оказывает, какой-либо ассимиляции белуджей с окружающим населением не наблюдается. Напротив, с белуджами ассимилируются другие иранские народности, менее многочисленные и более разрозненные. Так, вливаясь в белуджские колхозы, ассимилируются с белуджами таджикоязычные бербери и другие выходцы из Ирана и Афганистана, называющие себя парси.

Сбор материалов проводился в сентябре 1947 г. в белуджском колхозе Накундайхан, Туркменкалийского района. Для проверки привлекались материалы из колхоза имени Куйбышева того же района. При работе применялся кимограф с двумя барабанчиками: ртовым и гортанным. За единицу длительности гласных принята сигма (0.01 сек.). Кимографическая запись производилась у трех человек: Каримшахова, Нурмамада (из колхоза Накундайхан, 22—23 лет) и Мамаднура (из колхоза имени Куйбышева, около 40 лет). Основные записи произведены у Каримшахова, они и положены в основу исследования. Записи у двух других лиц производились выборочно и приводятся в изложении лишь для сравнения, под буквами М. и Н. Данные по записям Каримшахова приводятся или без обозначения или под буквой К.

Значение белуджских слов, записанных на кимографе и приводимых в разделе количественной характеристики гласных, дается в отдельном списке, приложенном после текстов.

ВОКАЛИЗМ

КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ

ФОНЕМЫ *a*, *ā*

Примеры

<i>a</i>		<i>ā</i>	
<i>dap</i>	рот	<i>āp</i>	вода
<i>bas(s)</i>	хватит	<i>bāg</i>	сад
<i>šap</i>	ночь	<i>mār</i>	змея
<i>šar(r)</i>	хорошо	<i>mās</i>	мать
<i>bastā</i>	завязанный	<i>zāntun</i>	я знал
<i>dāstē</i>	некая рука	<i>dāstā</i>	имевший
<i>dast</i>	рука	<i>dāstun</i>	я имел
<i>jāti</i>	он ударил	<i>pādišā</i>	царь
<i>kāme</i>	немножко	<i>rāst</i>	правда
<i>agār</i>	если	<i>dāti</i>	(он) дал
<i>a jāb</i>	удивительный	<i>ādink</i>	зеркало
<i>ta</i>	ты	<i>āsīl</i>	урожай
<i>giptā</i>	схваченный	<i>balā</i>	наверху

Гласные *a* и *ā* противоплагаются по двум признакам: долготе и качеству. Признак долготы наиболее отчетливо проявляется в открытых слогах в начале и середине слова: *ādink* 'зеркало', *āsīl* 'урожай', *bāzēn* 'большой', *dāti* '(он) дал', *bāgē* 'некий сад', где долгота *ā* слышна совершенно отчетливо. В этом положении качественное различие между *a* и *ā* может скрадываться вовсе: *ādink* 'зеркало' и *adāb* 'воспитание'.

dāpē 'некий вход' и *dātī* '(он) дал'; *dapā* косв. пад. от *dap* и *dātā* 'данный' и т. д. В этом положении и *a*, и *ā* можно определить как гласные нижнего подъема нейтрального (смешанного) ряда; язык плоско лежит на дне полости рта, как и при артикуляции русского ударенного *a* между твердыми (например, в слове *дан*), с которым и можно сблизить белуджские *a* и *ā* в открытых слогах; в этом положении различие в качестве обоих *a* и *ā* может выявляться лишь как добавочный, несущественный момент: *ā* может артикулироваться с незначительным продвижением языка назад, попадая в сферу заднего ряда, но слабо выраженного, а *a* может артикулироваться с продвижением языка вперед, попадая в сферу переднего ряда, тоже слабо выраженного. Такое качественное расхождение *a* и *ā* в этом положении возникает обычно лишь в неполном стиле речи.

Таким образом, в указанных положениях для различения фонем *a* и *ā* достаточным оказывается их количественное противопоставление.

Другая картина наблюдается в закрытых слогах, где длительность *ā* сокращается.¹ Необязательное для предыдущего положения качественное различие *ā* и *a* становится здесь существенным, поскольку признак длительности ослабляется. Слова *dap* 'рот' и *āp* 'вода' для полного стиля речи могут быть записаны фонетически как «*dap*» и «*āp*»; слова *šar* 'хорошо' и *šār* 'город' как «*šar*» и «*šār*». В этом положении длительность обеих фонем может сближаться или даже стать равной (в двусложных словах), поэтому их качество должно быть различным. Так, в слове *dāstā* 'имевший' *ā* может сократиться («*dāstā*»), но не может быть продвинуто вперед, а в слове *gaštā* («*gaštā*») *a* не может быть продвинуто назад.

В неполном стиле речи качественное изменение *a* в закрытых слогах становится особенно заметным: *a* достигает иногда 2-й ступени подъема, оставаясь в пределах смешанного ряда или переходя в передний ряд в зависимости от соседних согласных: «*dréxtæy sarā bala būt*» '(он) поднялся на верхушку дерева'; «*tī čæm kōr būtant*» 'твои глаза стали слепыми'. Особенно заметно продвигается *a* вперед в положении перед согласным *y*, достигая даже 3-й ступени подъема и образуя дифтонг: «*bdæj*» или «*bdæj*» 'дай'; «*wéila gārdæj*» '(ты) ходишь напрасно'. В полном стиле, однако, восстанавливается в «*bday*» и «*wayla garday*». В неударенном положении возникающий в речи дифтонг может стягиваться даже в звук *ē*: «*dēin*» (< *dayin*) 'я даю'; «*bē kūtigēta*» (< *kūtigaytā*) 'в арбузе'. Однако это *ē* есть результат небрежной речи, и в зависимости от отчетливости произношения восстанавливается в «*ej*», затем в «*æj*» и наконец в «*ay*»: «*kūtigæjta*» и «*kūtigaytā*».

Заметно продвигаться вперед фонема *a* может также в неударенном исходе слога, вплоть до варианта «*æ*» в быстрой речи, а иногда даже сужаясь до «*ε*». Так что и в этом положении качественное различие *ā* и *a* может быть отчетливо выражено: «*drōga bgušīn*» (фонологически: *drōgā bgušīn*) 'я расскажу небылицу' и «*jōdæ kanīn*» (*jōda kanīn*) 'я приготавливаю'.

Есть случаи, когда *a* и *ā* в закрытом слоге качественно совпадают, как и в рассмотренных выше открытых слогах. Это происходит под влиянием составляющих закрытый слог согласных; согласные заднего

¹ Сокращение долгих в закрытом слоге — общераспространенное фонетическое явление.

ряда мешают *a* продвигаться вперед, а согласные со среднеязычной артикуляцией (*č*, *j*, *š*, *y*) мешают *ā* продвигаться назад. В результате, в таких словах, как *kaptā* 'схваченный', *katra* 'капля', *kas* 'некто', *a* остается гласным нейтрального ряда, который характерен для открытых слогов полного стиля речи, т. е. остается равным по качеству *ā*: «*kaptā*, *katrā*» и т. д. А поскольку в закрытом слоге, особенно неударенном, долгое *ā* сокращается и количественное противоположение фонем таким образом ослабляется, то непереднее качество краткого *a* в приведенных словах сближает его с фонемой *ā*. Возникает, таким образом, смешение фонем и дублетное произношение: *kaptā* || *kaptā* 'упавший'; *katrā* || *kātrā* 'капля'; *arrāg* || *arrāg* 'пила'. Фонема *a* в соседстве с согласными *č*, *j*, *š* под влиянием их среднеязычной артикуляции может продвинуться вперед и качественно совпасть с характерным для закрытого слога вариантом фонемы *a* — звуком «а». Например, в слове *pač* 'открытый' *a* может продвинуться вперед и дать вариант «а» («*pač*») с сокращением долготы, характерным для закрытого слога. Вначале это происходит в неполном стиле речи, а затем распространяется и на полный стиль, что дает дублетное произношение *pač* || *pač*.

В результате, рассмотрение обеих фонем показывает, что диапазон качественных изменений для фонемы *a* значительно шире, чем для фонемы *ā*. Артикуляция *a* колеблется в полном стиле речи между «а» (смешанный ряд нижнего подъема) и «æ» (передний ряд 2-го подъема), в то время как фонема *ā* качественно почти не меняется (смешанный ряд нижнего подъема, с возможным незначительным продвижением назад), а дает лишь количественные варианты. В неполном стиле речи качественный диапазон *a* еще шире (варианты: «а, а, æ, е, э»).

Эти варианты по фонетическим положениям можно распределить следующим образом.

1) Вариант «а» (смешанный ряд нижнего подъема). Характерен для открытых слогов в середине слова.

2) Вариант «а» (передний ряд нижнего подъема). Характерен для закрытых слогов и безударного исхода слова.

3) Вариант «æ» (передний ряд 2-го подъема). Характерен для положения *a* перед *y* или гласным *i*.

4) Вариант «э» (смешанный ряд 2-го подъема). Возникает в неполном стиле речи, обычно в безударных слогах, в положении перед двумя согласными, преимущественно перед увулярными, глухими смычными и *г*. В полном стиле восстанавливается в вариант «а» и «а».

5) Вариант «е» (передний ряд 3-го подъема). Возникает в неполном стиле речи перед *y*, *i*. В полном стиле восстанавливается в вариант «æ».

ФОНЕМЫ *i*, *ī*, *ē*

Примеры

<i>i</i>		<i>ī</i>		<i>ē</i>	
<i>dil</i>	сердце	<i>pīr</i>	старый	<i>bēd</i>	ива
<i>gis</i>	дом	<i>tīr</i>	стрела	<i>dēb</i>	див
<i>pis</i>	отец	<i>bit</i>	будет	<i>dēm</i>	лицо
<i>bgir</i>	возьми	<i>šīr</i>	молоко	<i>dēr</i>	поздний
<i>jīstī</i>	он вскочил	<i>dīstī</i>	он увидел	<i>prēt</i>	он бросил
<i>nistā</i>	севший	<i>dīstā</i>	увидевший	<i>spētēn</i>	белый

<i>jīnik</i>	девушка	<i>bībī</i>	имя собств.	<i>sēbe</i>	одно яблоко
<i>šikār</i>	охота	<i>širā</i>	сладость	<i>gētīr</i>	хороший
<i>ādīnk</i>	зеркало	<i>čīze</i>	нечто	<i>ōdē</i>	товарищ
<i>zardīk</i>	морковь	<i>gušīn</i>	я говорю	<i>amē</i>	этот самый
<i>ki</i>	союз подч.	<i>dātī</i>	он дал	<i>ē</i>	этот
<i>hi</i>	предлог направ.				

Фонема *i* — верхнего подъема, качественно очень устойчива и заметных вариантов не имеет. Может лишь несколько расширяться в закрытых слогах перед смычными.

Фонема *ē* — узкого образования, ее диапазон по подъему колеблется от 4-й до 5-й ступени. В своих узких вариантах (обычно рядом с согласными со среднеязычной артикуляцией) может чрезвычайно сближаться с *i*: «*čī*» 'что', «*yī*» 'этот' (фонологически *čē*, *ē*).

Качественный диапазон фонемы *i* весьма широк: она колеблется от «*i*» высокого подъема, сливаясь по качеству с *ī* в открытых слогах: «*pīsā*» косв. пад. от *pis* 'отец', «*girīn*» 'я возьму', «*dīlē*» 'некое сердце' до краткого «*ē*» в закрытых слогах: «*ādēnk*» 'зеркало', «*bgēt*» 'возьми', «*dēl*» 'сердце'. Перед заднеязычными и увулярными согласными в закрытых слогах фонема *i* может несколько продвигаться назад: «*zardē k*» 'морковь'. Выходит, что наиболее благоприятным положением для качественного различия *i* и *ī* является тоже закрытый слог, где при сокращении длительности долгого *ī* краткое *i* расширяется, т. е. существенным становится качественное противоположение. Однако, расширяясь, *i* в этих положениях попадает в сферу фонемы *ē*, имеющей узкое звучание, от которого *i* может отличаться здесь лишь признаком длительности. Но поскольку *ē* в закрытом слоге короче, чем в других положениях, то чтобы противоположение между *i* и *ē* сохранилось, *i* должно быть здесь особенно кратким. Таким образом, *i* краткое одновременно противопологается двум долгим фонемам — *ī* и *ē*. В этом фонема *i*, в основном аналогичная фонеме *a*, от нее отличается: *a*, продвигаясь вперед и вверх в закрытых слогах, не сливается качественно с какой-либо другой фонемой, так как ближайшая по качеству фонема *ē* отстоит от *a* далеко на лестнице подъема; качественный признак *a* оказывается достаточным для отличия его как от *ā* («*ā*»), так и от *ē*. Что касается фонемы *i*, происходит качественное сближение ее то с *ī*, то с *ē*, благодаря чему краткое *i* должно быть более кратким, чем *a* (что и подтверждается измерениями длительности гласных).

Помимо характера слога, на качество *i* влияют и другие фонетические причины. Широкий вариант *i* («*ě*») характерен также для безударного исхода слова: «*kě*» подчинительный союз, «*bě*» предлог направления, где фонема *i* резко расходится по качеству с фонемой *ī*, которая в этом положении может лишь незначительно расширяться: «*dātī*» 'он дал'. Но зато в этом положении звучание фонемы *i* может чрезвычайно сближаться с фонемой *ē*, которая здесь сильно сокращается, особенно в быстрой речи: «*kāmē*» (фонологически *kāmē*) 'немного', «*yak wāxtē*» (фонологически *yak wāxtē*) 'одно время'. При отчетливом произношении звучание *ē* восстанавливается. Однако в тех случаях, когда составные части слова не ощущаются и различие *i* и *ē* для его значения не играет роли, безразличное употребление обеих фонем распространяется и на полный стиль речи. Примером такого случая

может служить слово *dēdi* || *dēdē* 'как раз'. Ударенного *i* в исходе не засвидетельствовано.

Степень расширения фонемы *i* в закрытых слогах связана с влиянием окружающих согласных. Смычные и особенно сонанты *n*, *r*, *l* способствуют расширению *i*, — фонема *i* между смычными в закрытом слоге закономерно имеет широкий вариант «е»: «*del*» 'сердце', «*bger*» 'возьми', «*čel(l)*» 'сорок'. Согласные щелевые, напротив, мешают расширению *i*, и оно в соседстве с ними сохраняет «i»-образное звучание: «*jisti*» 'он вскочил', «*gis*» 'дом', «*pis*» 'отец', «*dištar*» 'невеста'. В слогах, закрытых двумя согласными, *i* расширяется во всех случаях, даже в соседстве со щелевыми: «*ništun*» 'я сел', но «*nešt*» 'он сел', «*jistun*» 'я вскочил', но «*ješt*» 'он вскочил'. Наиболее сильно расширяется фонема *i* в слоге, закрытом двумя согласными перед сонантами: «*ādēnk*» 'зеркало', «*mōrēnk*» 'муравей'.

Общим фактором, благоприятным для расширения *i*, является неударенность слога, однако этот фактор подчинен стилю речи, в полном стиле его действие устраняется.

Таким образом, мы имеем следующие варианты фонемы *i*.

1) Вариант «i» (колеблется от верхнего до 5-го подъема). Характерен для открытых слогов и слогов, закрытых одним согласным, в соседстве со щелевыми согласными.

2) Вариант «е» (колеблется от 5-го до 4-го подъема). Характерен: а) для закрытых слогов, в соседстве со смычным и сонантами *n*, *l*, *r*, б) для всякого слога, закрытого двумя согласными, в) для безударного исхода слова.

3) Вариант «е.» (отодвинут назад). Возникает лишь в неполном стиле речи, преимущественно в закрытых слогах рядом с заднеязычными согласными. В полном стиле восстанавливается в вариант «е».

4) Вариант «е» (4-й подъем и ниже). Возникает лишь в неполном стиле речи в слогах, закрытых двумя согласными, перед сонантами *n*, *l*, *r*. В полном стиле восстанавливается в вариант «е».

ФОНЕМЫ *u*, *ū*, *o*

Примеры

<i>u</i>		<i>ū</i>		<i>o</i>	
<i>šut</i>	(он) ушел	<i>būt</i>	(он) стал	<i>gōk</i>	корова
<i>gul</i>	цветок	<i>nūn</i>	теперь	<i>gōš</i>	ухо
<i>oguš</i>	скажи	<i>mūd</i>	волос	<i>rōč</i>	день
<i>gušt</i>	(он) сказал	<i>zūrtun</i>	(я) взял	<i>rōd</i>	река
<i>uštūr</i>	верблюды	<i>sūčēn</i>	игла	<i>gōšt</i>	мясо
<i>dušmān</i>	враг	<i>būti</i>	он стал	<i>kōnāg</i>	старый
<i>gūdan</i>	потом	<i>būtā</i>	ставший	<i>pōsti</i>	его шкура
<i>šūti</i>	он ушел	<i>tū</i>	большой	<i>gōkān</i>	коровы
<i>gušin</i>	я говорю	<i>kadū</i>	тыква	<i>gō</i>	предлог
					совместности
<i>du</i>	два			<i>kō</i>	гора

Все гласные заднего ряда образуются с выдвинутой вперед подъязычной костью. Особенно заметно это сказывается на качестве *ū*, которое часто (преимущественно в закрытых слогах) несколько про-

двигается вперед: «pū_p» 'теперь', «bū_t» '(он) стал'. По подъему $\bar{u}$ заметных вариантов не имеет.

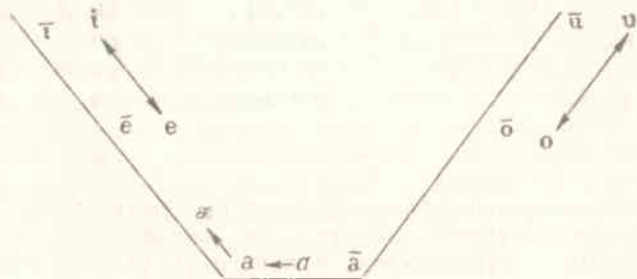
Фонема $\bar{o}$, будучи узким гласным, может заметно варьироваться по подъему в зависимости от фонетического положения. Более открытым $\bar{o}$ является в закрытых слогах, где оно может быть несколько ниже 4-го подъема: «gōg» 'могила', «gōš» 'ухо', «rōd» 'река'; в открытых же слогах оно может значительно сужаться (до 5-го подъема): «jōf» 'готовый', но «jōda || jūda». Однако эти изменения для полного стиля речи не характерны. В полном стиле восстанавливается вариант « $\bar{o}$ ». Факультативно в закрытых ударенных слогах $\bar{o}$ может становиться дифтонгоидным « $^u\bar{o}$ »: «g $^u\bar{o}$ s» 'ухо'. Случается это преимущественно после заднеязычных.

Отношение u к обоим долгим в общем аналогично отношению i к своим долгим парам. Диапазон u широк — от верхнего до 4-го подъема (от « u » до « o »). « u »-образное звучание характерно для открытых слогов, а также для закрытых в соседстве с гласными: «gušin» 'я говорю', «xurōs» 'петух', «gūli» 'его цветок', «gūdān» 'потом', «aurton» 'я принес' (<awurtun). В этих положениях фонема u может качественно совпадать с $\bar{u}$. Для закрытых слогов (особенно закрытых двумя согласными) характерно « o »-образное звучание фонемы u : «bgōš» 'скажи', «gōšt» 'он сказал', «gol» 'цветок', «šot» 'он пошел', «uštōr» 'верблюды'. В конце слова u также расширяется: «do» 'два', «po» 'девять'.

Аналогично фонеме i , фонема u противостоит сразу двум долгим — $\bar{u}$ и $\bar{o}$, благодаря чему качественные изменения u ведут к качественному совпадению ее то с фонемой $\bar{u}$, то с фонемой $\bar{o}$. Поэтому, чтобы не произошло смешения фонем, для фонемы u , как и для i , в любом фонетическом положении важна краткость звучания.

При общем аналогичном выявлении в речи фонем u и i между ними есть одно отличие, именно: « o »-образное звучание u , возникшее вначале в строго определенных фонетических положениях (эти положения такие же, как и для широкого варианта i), становится характерным и для других фонетических положений, а в неполном стиле речи — для всех. Иначе говоря, для фонемы u « o »-образный вариант становится более частым и встречается чаще, чем широкий вариант фонемы i . Так, вариант « o » характерен для любого закрытого слога и распространяется также на неударенные открытые слоги, а в быстром темпе речи даже и на ударенные. Таким образом, хотя фонема u еще противостоит, несомненно, двум фонемам, но она отходит от $\bar{u}$ все дальше (почти постоянное противоположение) и попадает в более тесную пару к $\bar{o}$.

В заключение приводится артикуляторная таблица вокализма (стрелки означают диапазон кратких гласных).

Следует добавить, что, помимо качества и количества, для противопоставления долгих и кратких существенным является еще следующее. Все долгие гласные произносятся при слабом выдохе и характеризуются большой чистотой звучания и отсутствием шума, почему их можно назвать полновзвучными. Краткие же гласные произносятся при сильном выдохе, отчего они более шумны, и иногда даже с несколько затемненным, благодаря большой шумности, тембром.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

ФОНЕМЫ $\bar{a}$, a

Закрытый слог

1. В односложном слове

В односложном слове нормальная длительность фонемы $\bar{a}$ колеблется в среднем между 25 и 35¹ в зависимости от влияния окружающих согласных, с одной стороны, и индивидуального произношения — с другой.

В зависимости от фонетических причин длительность гласного меняется следующим образом. Более долг гласный между звонкими. Так, средняя длительность $\bar{a}$ в словах *bāg* 'сад' и *zāg* 'сын' в произношении К. по трем записям равна: 35.1(6),² 34.0(11) и 35.4(8), что в общей средней составляет 34.7(25). Не сокращают заметно длительность $\bar{a}$ и щелевые глухие: $\bar{a}$ в слове *bāz* 'много' равно 35.1(2), в слове *āš* 'пища' 36.4(2). К этому же типу звучания примыкает $\bar{a}$ в положении перед *r*, сонанты же *l* и *n* несколько сокращают $\bar{a}$. Сказанное иллюстрируется следующими цифрами.

Между звонк.	Перед глух. щелев.	Перед <i>r</i> после глух. смычн.
1) <i>bāg</i> <i>zāg</i> <i>bāz</i> 35.1 (6)	2) $\left. \begin{array}{l} \bar{a}\bar{s} \\ m\bar{a}s \end{array} \right\} 34.1 (4)$	4) $\left. \begin{array}{l} \bar{c}\bar{a}r \\ k\bar{a}r \end{array} \right\} 32.8 (4)$
	Перед <i>r</i>	Перед <i>n</i> и <i>l</i>
	3) <i>dār</i> 35.5 (5)	5) $\left. \begin{array}{l} z\bar{a}n \\ b\bar{a}l \\ s\bar{a}l \end{array} \right\} 32.4 (7)$

Как видно из приведенных цифр, наиболее благоприятным для удлинения $\bar{a}$ является положение его перед *r* после звонкого. Суммируя данные первых трех положений как наиболее близкие, получаем среднюю для максимально долгого варианта $\bar{a}$, равную 35.0(15). Суммирование данных двух последних положений дает среднюю в 32.6(11).

Заметно сокращают длительность $\bar{a}$ глухие смычные, при этом несколько большее влияние оказывает последующий смычный, нежели предшествующий.

После смычн. глух.	Перед смычн. глух.	Между глухими
1) <i>pād</i> 31.0 (5)	2) $\left. \begin{array}{l} \bar{a}t \\ \bar{a}p \\ d\bar{a}t \end{array} \right\} 30.8 (9)$	3) <i>pās</i> 28.6 (8)

¹ Все цифровые данные приводятся в сигмах ($\sigma = 0.01$ сек.).

² В скобках указано количество измерений, из которых выведена цифра средней длительности.

Общая средняя для первых двух положений (смычный глухой в начале и смычный глухой в конце) равна 30.9 (14).

Таким образом, в произношении К. имеем четыре фонетически определяемых варианта $\bar{a}$:

1) максимальный (в соседстве со звонкими и щелевыми глухими). Средняя длительность 35.0;

2) после звонких и глухих щелевых перед $л$, l и после глухих смычных перед $г$. Средняя длительность 32.6;

3) в соседстве с глухим смычным. Средняя длительность 30.9;

4) между глухими смычными. Средняя длительность 28.6.

Такая же закономерность выявляется и в записях Н., который дает лишь несколько более краткие варианты звучания.

1) $\bar{b}\bar{a}r$ $\bar{d}\bar{a}r$ $\bar{m}\bar{a}s$ $\bar{a}\bar{s}$	31.8 (18)	2) $\bar{k}\bar{a}r$ $\bar{c}\bar{a}r$	30.6 (4)	3) $\bar{p}\bar{a}\bar{c}$	25.0 (4)
--	-----------	---	----------	----------------------------	----------

Анализ крайних отклонений длительности $\bar{a}$, т. е. максимальной и минимальной засвидетельствованной длительности с выделением типовой длительности, в указанных фонетических положениях дает следующую картину (с округлением до целых сигм).

	К.	Н.
Первое фонетическое положение		
Максимальная длительность	44	43
Минимальная длительность	29	26
Типовая длительность	36—31	34—29
Второе фонетическое положение		
Максимальная длительность	37	33
Минимальная длительность	28	27
Типовая длительность	34—31	33—31
Третье фонетическое положение		
Максимальная длительность	38	—
Минимальная длительность	24	—
Типовая длительность	32—29	—
Четвертое фонетическое положение		
Максимальная длительность	32	28
Минимальная длительность	22	21
Типовая длительность	31—27	28—22

Приведенные цифры подтверждают близость двух первых и двух последних фонетических положений. Поэтому их можно объединить, выделив всего два фонетических положения — первое (между звонкими, рядом с глухими щелевыми и перед $г$) и второе (в соседстве с глухими смычными), которые в дальнейшем и будут обозначаться под цифрами 1 и 2.¹

Сводка по объединенным фонетическим положениям:

	К.	Н.
1) Средняя длительность	34.0 (26)	31.6 (22)
Типовая длительность	36—31	34—29
Пределы отклонений	44—28	43—27
2) Средняя длительность	30.1 (22)	25.4 (4)
Типовая длительность	32—27	—
Пределы отклонений	38—22	28—22

¹ В случае необходимости большей детализации будет выделяться иногда также 3-е положение.

В дальнейшем изложении типовая длительность и пределы длительности будут даваться под цифрой средней длительности.¹

Нормальная длительность фонемы *a* колеблется между 25 и 15σ:

К.		М.	
1)	<i>sar</i>		22.4 (5)
	<i>šar</i>	<i>gar</i>	23—20
	<i>gar</i>	<i>zar</i>	28—20
	<i>zar</i>		
	<i>bas</i>		
К.		Н.	
2)	<i>jat</i>	<i>kaš</i>	18.7 (12)
	<i>dap</i>	<i>šap</i>	22—16
	<i>šap</i>	<i>pas</i>	22—15
	<i>pad</i>	<i>dap</i>	
	<i>pas</i>		

Как видно по приведенным цифрам, *a* во 2-м положении имеет очень широкий диапазон нормальной (типовой) длительности за счет большего сокращения: оно здесь может иметь такую же длительность, как и в 1-м фонетическом положении, но может и значительно сокращаться. Таким образом, расхождение средней длительности объясняется не столько большей краткостью *a*, сколько его большей неустойчивостью.

Таким образом, для *a* можно говорить о большем диапазоне длительности в соседстве с глухими смычными, которые не обязательно сокращают длительность *a*. Иначе говоря, *a* может иметь максимальный вариант звучания (25σ) в любом фонетическом окружении.

Существенным является то обстоятельство, что отмеченная устойчивость длительности *a* в 1-м фонетическом положении также оказывается не абсолютной. Фонема *a* может значительно сокращаться и в этом фонетическом положении. Это происходит в тех случаях, когда выступает на сцену характерное для белуджского языка фонетическое средство — усиление или удвоение согласного, после краткой гласной. Все приведенные примеры с *a* перед *r* могут быть произнесены с удлинненным *r*, и в этих случаях длительность *a* значительно сокращается. Так, имеем:

Н.		К.	
<i>šar</i>	23.4 (4)	<i>šarr</i>	16.6 (1)
М.		К.	
<i>par</i>	23.4 (2)	<i>parr</i>	14.0 (2)

При одновременной записи (К.) имеем:

<i>gar</i>	23.6 (4)	<i>šarr</i>	14.8 (3)
<i>zar</i>		<i>parr</i>	

Сокращение *a*, как видно отсюда, достигает того же предела, что и в соседстве с глухими смычными. Таким образом, всякое *a* в односложном слове может быть неустойчивым, т. е. иметь минимальную длительность. Иначе говоря, в односложном слове между любыми

¹ Первая строка в столбце будет означать среднюю длительность, вторая — типовую длительность, третья — пределы длительности.

согласными нормальная длительность *a* имеет очень широкий диапазон: от 25 до 15σ.

Рассматривая возможные случаи совпадения длительности фонем *ā* и *a* даже в таком благоприятном для различения длительности положении, как односложное слово в изолированном произношении, т. е. в полном стиле речи, видим, что длительность обеих фонем может совпадать на отрезке между 28 и 22σ.

Длительность 22σ является минимальной для фонемы *ā*, длительность 28σ — максимальной для фонемы *a*. Длительность *ā* от 28 до 22σ возможна в соседстве со смычными глухими. Фонема *a* в этом же фонетическом положении может иметь такую же длительность (от 27σ), причем длительность 25σ может быть нормальной для обеих фонем: Н. — *tās* = 25.0 (4), К. — *pas* = 25.6 (2). В отдельных случаях *a* может иметь здесь и более долгое звучание, свыше 25σ; так, в произношении К. имеем *paṣ* и *ṣar* лишь с незначительным расхождением в длительности: *paṣ* = 27.9 (6), *ṣar* = 26.7 (4).

Таким образом, при общем резком противоположении длительности *ā* и *a* в рассмотренном положении (*a* в среднем вдвое короче *ā*) все же в соседстве с глухими согласными совпадение их длительности оказывается возможным, правда, не в пределах нормальной длительности обеих фонем, а лишь в пределах отклонений от нормы, но для отдельных слов эти отклонения становятся нормой (*pas*, *paṣ* и др.).

В результате, для различения обеих фонем в данном фонетическом положении (между глухими) одного признака длительности не всегда может быть достаточно. Поэтому существенным здесь оказывается также качественное различие гласных. Однако влияние соседних согласных может препятствовать в некоторых случаях качественному различению гласных. Так, заднеязычный *k* мешает *a* продвигаться вперед, поэтому в таких словах, как *kas*, *kaṁ*, возникают предпосылки для смешения *a* с фонемой *ā*, что и происходит в действительности: *kas* и *kaṁ* имеют дублетное произношение *kās* и *kām*. Эти слова, записанные у К., дают следующую длительность: *kās* = 28.9 (3), *kām* = 29.1 (2). Сохранение дублета *kas* и *kaṁ* поддерживается возможностью удвоения последней согласной: *kass* и *kamm*.

2. В двусложном слове

а) Ударенный слог

Второй слог

Длительность фонемы *ā* в ударенном закрытом слове в двусложном слове заметно сокращается. Имеем следующие цифровые данные:

1) <i>čirāg</i>		2) <i>nukār</i>	
<i>kassāb</i>	28.9 (12)	<i>sikār</i>	25.0 (9)
<i>ilāj</i>	30—27	<i>uškār</i>	26—23
<i>pēsān</i>	34—25	<i>dučār</i>	28—22
<i>šēsān</i>		<i>dištār</i>	
	3) <i>dukkān</i>		
	<i>aspān</i>	21.9 (12)	
	<i>ustāt</i>	24—22	
	<i>gōštān</i>	27—17	
	<i>gōkān</i>		

Таким образом, *ā* по сравнению с его длительностью в односложном слове сокращается:

1) в 1-м положении на 6з (средняя длительность в односложном слове 35.0з, в двусложном 28.9);

2) во 2-м положении больше чем на 7з (средняя длительность в односложном слове 32.4, в двусложном 25.0);

3) в 3-м положении на 8з (средняя длительность в односложном слове 29.7, в двусложном 21.9).

Существенно, что 2-е фонетическое положение (после глухих смычных перед *г*) здесь уже не объединяется с первым, длительность $\bar{a}$ в нем резко сокращается. Выходит, что чем меньше абсолютная длительность долгого гласного, тем больше он подвергается влиянию окружающих согласных.

Общие пределы колебаний нормальной длительности $\bar{a}$ в рассмотренном положении лежат между 30 и 22з.

Длительность фонемы *a* в рассматриваемом положении дает следующую картину:

1) <i>digār</i>	<i>kurrāg</i>	<i>tūrāg</i>	18.7(19)
<i>xanjār</i>	<i>arrāg</i>	<i>kōnāg</i>	21—17
<i>agār</i>	<i>aǰāb</i>	<i>mōzāg</i>	21—13

Сравнение со средней длительностью *a* в односложном слове показывает, что в двусложном слове *a* сокращается на 5з (в односложном 23.7з, в двусложном 18.7з), т. е. в абсолютных цифрах сокращается меньше, чем $\bar{a}$. Весьма существенно, что типовая длительность *a* в обоих положениях совпадает на протяжении 2з (в односложном слове 25—20з, в двусложном 21—17з). Это значит, что *a* двусложного слова может иметь нормально такую же длительность, как и в односложном слове, т. е. сокращение *a* не является обязательным. Другая картина наблюдалась с фонемой $\bar{a}$: попадая в двусложное слово, она сокращается обязательно: типовая длительность $\bar{a}$ обоих положений не совпадает вовсе (в односложном слове 36—31з, в двусложном 30—27з). Выходит, что длительность обеих фонем сближается в рассматриваемом положении за счет большего сокращения $\bar{a}$. Совпадения их длительности в положении между звонкими все же не наблюдается; между их типовой длительностью лежит расстояние в 5з. Но в соседстве с глухими смычными это совпадение должно быть более регулярным и нормальным, чем в односложном слове, так как $\bar{a}$ сокращается здесь до 17з, попадая в пределы нормальной длительности *a*, фонема же *a*, как уже отмечалось на стр. 17, под влиянием глухих сокращается не обязательно. Однако записей *a* в соседстве с глухими смычными почти нет. Имеется только запись *a* в слове *xizmāt* с длительностью в 17.3(2), (17.9—16.7), что уже показывает возможность совпадения *a* и $\bar{a}$.

Первый слог

В этом положении длительность фонемы $\bar{a}$ сокращается еще больше, в то время как длительность *a* колеблется в пределах, характерных для односложного слова. Так, имеем:

$\bar{a}$	<i>a</i>
1) <i>dāstun</i> 23.4(9)	1) <i>bāstun</i> 20.2(7)
<i>zāntun</i> 25—18	<i>gāstun</i> 20—16
28—17	<i>dāstē</i> 24—16
	<i>bālki</i>
	2) <i>kāpti</i> 18.8(2)
	19.1—18.5

Здесь (при незначительной разнице в средней длительности) даже в 1-м фонетическом положении типовая длительность обоих гласных совпадает на протяжении 3σ (20—18σ), т. е. совпадение их длительности становится нормальным при любом согласном окружении. Слово *kāpti* показывает, что длительность *a* под влиянием глухих смычных изменяется мало.

При общем значительном сокращении абсолютной длительности (иной темп речи) запись Н. дает то же соотношение длительности между $\bar{a}$ и *a*.

	$\bar{a}$		<i>a</i>
<i>dāsti</i>	15.6 (10)	<i>bāsti</i>	13.7 (12)
<i>rāstint</i>	17—12	<i>rāstint</i>	15—11
	23—12		15—11

б) Неударенный слог

Первый слог

В этом положении фонема $\bar{a}$ сокращается мало по сравнению с ударным слогом: в 1-м фонетическом положении в ударном слове средняя длительность равнялась 23.4σ, здесь же она сокращается лишь до 22.0σ. Во 2-м фонетическом положении $\bar{a}$ не сокращается вовсе, сохраняя такую же длительность, как и в 1-м. Так, имеем:

К.

1) <i>dāstā</i>	21.8 (15)	2) <i>pādsā</i>	21.9 (4)
<i>zāntā</i>	24—19		23—20
<i>bāndā</i>	25—17		25—17

Таким образом, ударенное и неударенное $\bar{a}$ различаются в первом слове (ср. цифры на стр. 19) только пределами удлинения (ударенное $\bar{a}$ может удлиниться до 28σ), типовая же их длительность и пределы сокращения совпадают. Слово *pādsā* показывает, что глухой смычный не влияет на длительность $\bar{a}$. Следовательно, в тех положениях, когда $\bar{a}$ достигает предельной краткости, его длительность уже не варьирует в зависимости от окружающих согласных.

Фонема *a*, напротив, резко сокращается по сравнению с ударным слогом. Так, имеем следующую длительность *a* в различном согласном окружении:

1) <i>bastā darmān</i>	15.9 (12)	2) <i>katrā</i>	10.9 (7)
<i>gastā aqprōš</i>	18—14	<i>kaptā</i>	12—9
<i>dastā aspān</i>	21—12	<i>kassāb</i>	14—8
<i>sardī</i>			

Выходит, что диапазон нормальной длительности *a* в неударенном закрытом слове колеблется между 18 и 9σ, в то время как в ударном слове (в двусловном слове) — между 21 и 16σ. Значит, длительность *a* в сильной степени зависит от ударения, в то время как на $\bar{a}$ ударение почти не влияет. Поэтому безударные $\bar{a}$ и *a* несколько более четко противопоставляются по длительности друг другу, чем ударные. Типовая длительность обоих гласных не совпадает в рассматриваемом положении, хотя и совсем сближается ($\bar{a}$ = 24—19, *a* = 18—14); совпадают лишь их отклонения на отрезке 21—17σ).

Существенно отметить, что особенно сильно сокращается безударное *a* в соседстве с глухими смычными, в то время как $\bar{a}$ под их влиянием в этом же положении вовсе не сокращается. Поэтому наиболее четко

различаются по длительности обе фонемы в безударном закрытом первом слого в соседстве с глухими смычными (типовая длительность $\bar{a}=24-19$, $a=12-9$), в противоположность ударным слогам, где наблюдалась обратная картина.

Второй слог

На неударенный закрытый второй слог имеется слишком мало примеров. Однако они все же позволяют видеть, что противоположение $\bar{a}$ и a здесь, повидимому, аналогично предшествующему положению, лишь при несколько большей абсолютной длительности обоих гласных.

$\bar{a}$	a
(между звонкими)	(между глухими смычными)
<i>gúḡān</i> ср. длит. 25.3 (3)	<i>ḡtat</i> ср. длит. 12.8 (2)

Открытый слог

1. В двусложном слове

а) Первый слог

Ударенный слог

Для фонемы $\bar{a}$ имеем следующую длительность в этом положении.

1) <i>bārē</i> 27.3 (14)	2) <i>ḡti</i> 25.7 (8)
<i>mārē</i> 29—25	<i>āḡti</i> 27—24
<i>bāzēn tārī</i> 31—23	<i>ḡtat</i> 30—23
<i>zāḡē</i>	

Как видно из приведенных цифр, окружающие согласные мало влияют на длительность $\bar{a}$, благодаря чему диапазон его колебаний незначителен. Абсолютная длительность $\bar{a}$ остается в общем в пределах, характерных для односложного слова; предел сокращаемости $\bar{a}$ в обоих случаях почти одинаков (для типовой длительности: в односложном слове = 27 σ , в данном положении = 24 σ ; для крайних отклонений: в односложном слове = 22 σ , в данном положении = 23 σ). Заметно отличаются лишь пределы максимальной длительности, которые для $\bar{a}$ односложного слова значительно выше (для типовой длительности: в односложном слове = 36 σ , в данном положении = 29 σ ; для крайних отклонений: в односложном слове = 44 σ , в данном положении = 31 σ).

Фонема a , напротив, в этом положении сильно сокращается по сравнению с ее длительностью в односложном слове. Так, имеем:

К.	Н.
1) <i>ḡti</i> 16.2 (8)	2) <i>ḡti</i> 14.3 (13)
<i>dāpē</i> 18—13	<i>ḡtant</i> 17—13
<i>ṣāpē</i> 19—10	
<i>pāsē</i>	

Как видно из приведенных данных, длительность a в среднем на 10 σ короче длительности $\bar{a}$, причем совпадения в длительности обеих фонем не наблюдается даже в их крайних отклонениях (для $\bar{a}=23\sigma$, для $a=19\sigma$), между типовой же их длительностью лежит отрезок в 6 σ (для $\bar{a}=27-24\sigma$, для $a=18-13\sigma$).

Значит, ударенный открытый слог представляет собой положение чрезвычайно отчетливого противоположения фонем $\bar{a}$ и a по признаку длительности.

Неударенный слог

В неударенном слоге длительность фонемы $\bar{a}$ сокращается сравнительно мало, при сохранении узкого диапазона колебаний:

1) <i>māsī kārīn</i>	2) <i>ādīnk</i>
<i>bābā zārīn</i> 25.3 (18)	<i>āsīl</i> 21.1 (10)
<i>bāgā bālā</i> 28—23	<i>āsīx</i> —
<i>zāgā lālā</i> 28—22	<i>dātā</i> 24—19
<i>dārīn</i>	<i>ātīs</i>

В 1-м фонетическом положении, как видно из цифр, средняя длительность неударенного $\bar{a}$ сокращается всего на 2σ. Типовая длительность $\bar{a}$ в обоих положениях почти совпадает: для безударного $\bar{a}$ лишь несколько увеличивается диапазон сокращаемости (типическая длительность ударного $\bar{a}$ = 29—25σ, неударного = 28—23σ). Несколько больше сокращается $\bar{a}$ во 2-м фонетическом положении, где оно имеет среднюю длительность в 21.1σ (ударное $\bar{a}$ — 25.7σ). Диапазон крайних отклонений тоже заметно сдвинут в сторону сокращения (ударенное $\bar{a}$ 30—23σ, безударное 24—19σ). Типовую длительность из-за малого числа измерений установить трудно, но центр типовой длительности падает на 22σ.

Фонема a сокращается заметнее и имеет больший диапазон, чем в ударенном открытом слоге:

1) <i>garōk</i> 13.4 (8)	2) <i>watī agār</i>
<i>sarā</i> 13—11	<i>dapā adāb</i> 9.5 (22)
<i>barīn</i> 17—9	<i>kadū abār</i> 12—7
<i>zarén</i>	<i>kabūl abād</i> 15—6
	<i>pačīt ajāb</i>

По сравнению с ударенным a , средняя длительность безударного a во 2-м фонетическом положении сокращается на 7σ (средняя длительность ударного a = 16.2, безударного = 9.5), т. е. сильнее, чем в этом же положении сокращается $\bar{a}$ (средняя длительность ударного $\bar{a}$ = 25.7, безударного = 21.1). В результате, противоположение обоих гласных в рассматриваемом положении выявляется еще более отчетливо: в обоих фонетических положениях типовая длительность $\bar{a}$ и a расходится на 10σ (в 1-м фонетическом положении для $\bar{a}$ типовая длительность = 28—23σ, для a = 13—11σ, во 2-м для $\bar{a}$ = 22σ, для a = 12—7σ), в то время как расхождение между типовой длительностью ударных $\bar{a}$ и a было равно 6σ.

Существенно отметить, что в рассматриваемом фонетическом положении (неударенном открытом слоге) фонема a может нормально сокращаться до 7σ, т. е. в этом положении она является наиболее краткой.

6) В исходе слова

Ударенный слог

В этом положении на длительность гласного влияет смычный или щелевой характер предшествующего согласного, глухость же или звонкость согласного на длительности исходного гласного не сказывается. В соответствии с этим для фонемы $\bar{a}$ имеем:

После щелевого:

1) <i>sarā</i>	
<i>isā</i>	
<i>gisā</i>	28.9 (14)
<i>pisā</i>	31—27
<i>rīšā</i>	33—23
<i>tēšā</i>	
<i>šīrā</i>	

После смычного:

2) <i>idā</i>	
<i>gujā</i>	
<i>xudā</i>	26.4 (16)
<i>dapā</i>	28—24
<i>bābā</i>	31—23
<i>zāgā</i>	
<i>bāgā</i>	
<i>bēgā</i>	

Как видно из приведенных цифр, ударенное *ā* в исходе по сравнению с ударенным *ā* в открытом первом слоге имеет несколько больший диапазон удлинения, при одинаковых пределах сокращаемости (общий диапазон типовой длительности для *ā* в первом слоге 29—24σ, для *ā* в исходе слова 31—24σ). Таким образом, исходное *ā* несколько более долго.

Повидимому, исходное *ā* может заметно сокращаться в положении после сонорных согласных. Имеем следующую запись:

3) <i>tānā</i>	21.5 (7)
<i>bālā</i>	24—20
<i>lālā</i>	24—19

Длительность фонемы *a* в исходе значительно превышает ее длительность в ударенном открытом слоге в середине слова и характеризуется большой устойчивостью и малой зависимостью от предшествующего согласного.

После щелевого:

1) <i>γussā</i>	23.7 (7)
<i>gōšā</i>	
<i>leqā</i>	26—20
<i>katrā</i>	

После смычного:

2) <i>digā</i>	<i>gaštā</i>	<i>guštā</i>	
<i>šutā</i>	<i>dastā</i>	<i>kurtā</i>	
<i>dātā</i>	<i>kaptā</i>	<i>burtā</i>	
<i>zītā</i>	<i>giptā</i>	<i>dāstā</i>	21.3 (62)
<i>jītā</i>	<i>jistā</i>	<i>zūrtā</i>	24—18
<i>būtā</i>	<i>nistā</i>	<i>prōstā</i>	27—15
<i>rōdā</i>	<i>kištā</i>	<i>bōrtā</i>	
<i>bastā</i>	<i>kuštā</i>	<i>prēntā</i>	

После сонанта:

3) <i>tūlā</i>	20.8 (2)
----------------	----------

Выходит, что *a* в этом положении даже несколько более долго, чем в односложном слове, где его общая типовая длительность колеблется между 25—15σ, в исходе же между 26—18σ. По сравнению же с ударным *a* в открытом первом слоге двусложного слова, исходное *a* резко удлиняется, так что типовая длительность *a* в обоих положениях совпадает только на отрезке в 1σ: в исходе слова 24—18, в середине 18—13.

Таким образом, в абсолютном исходе слова *a* имеет наибольшую длительность по сравнению с другими фонетическими положениями. А так как фонема *ā* в этом положении не удлиняется заметно, то длительность обеих фонем сближается, так что их типовая длительность частично совпадает (общая типовая длительность *a*=31—24, *ā*=26—18). Наибольшую возможность совпадений дает, повидимому, положение после сонантов, где типовая длительность *ā* колеблется между 24—20σ, а типовая длительность *a* заметно не меняется.

Неударенный слог

Для неударенного слога в исходе имеются лишь три примера на фонему *a*:

ōda 13.6 (4) Н. *ida* 13.5 (2)

jōda

По приведенным цифрам можно видеть, что неударенное *a* в исходе сильно сокращается; *ā* же не должно заметно сокращаться, благодаря чему совпадение обеих фонем в этом фонетическом положении едва ли встречается.

2. В односложном слове

В исходе односложного слова обе фонемы имеют очень большую длительность и мало расходятся между собой:

	<i>ā</i>	<i>a</i>
<i>ōā</i>	34.4 (5)	32.2 (2)
<i>jā</i>	36.5—30.1	<i>ta</i> 33.2—31.2

ФОНЕМЫ *ī*, *ē*, *i*

Закрытый слог

1. В односложном слове

Как показывает анализ измерений, длительность *ī*, *ē*, *i* в зависимости от влияния окружающих согласных изменяется аналогично длительности *ā* и *a*. Поскольку из выделенных при анализе фонем *ā* и *a* четырех фонетических положений два первые и два последние сближаются между собой, то для удобства и краткости и в дальнейшем будут различаться лишь два фонетических положения (с возможным более детальным выделением в нужных случаях):

1) в соседстве со всеми согласными, кроме смычных глухих и *x* (*a* перед *r* после любого согласного, включая и глухие смычные);

2) в соседстве со смычными глухими.

Произношение основного осведомителя (К.) дает очень большую длительность для фонем *ī* и *ē*:

<i>ī</i>	<i>ē</i>	<i>i</i>
1) <i>tīr</i> 40.1 (7)	1) <i>dēb</i>	2) <i>cīl</i> 22.3 (8)
<i>pīr</i> —	<i>bēd</i>	<i>pīs</i> 23—19
<i>rīś</i> 43—36	<i>nēm</i> 36.0 (16)	<i>bgīr</i> 27—19
<i>śīr</i>	<i>dēm</i> 39—34	M.
2) <i>bīt</i>	<i>sēb</i> 40—32	
<i>gīt</i> 38.4 (10)	<i>ēś</i>	<i>dīl</i> 19.5 (3)
<i>jīt</i> 40—36	<i>śēr</i>	23—17
<i>zīt</i> 43—34	<i>dēr</i>	
<i>īt</i>	2) <i>tēś</i> 38.8 (7)	С усилением конечной согласной:
	—	<i>gīss</i> 13.4 (5)
	43—34	<i>dīll</i> —
		<i>bīll</i> 17—11

Ясно, что при такой большой длительности влияние соседних согласных оказывается минимальным или вовсе преодолевается. Так, в слове *tēś* *ē* оказалось более долгим, чем в 1-м фонетическом положении. Существенным является то, что при такой большой дли-

тельности $\bar{e}$ и $\bar{i}$ в данной записи максимальные ее отклонения (43з) не превышают максимальных отклонений, отмеченных для $\bar{a}$ (44з). Значит, для данной записи мы имеем, повидимому, случай произнесения $\bar{i}$ и $\bar{e}$ в их максимально долгом звучании, приближающемся к пределу их нормальной длительности.

Важно, что фонема i , произносимая К. в том же темпе, не дает удлинения по сравнению с фонемой a ни в своей средней длительности, ни в крайних отклонениях (колебания типовой длительности в этом положении для a 25—15з, для i 23—19з; крайние отклонения для a 27—15з, для i 27—19з). Значит, даже в случае максимально протяженного произнесения имеем пределом возможной длительности i 27з (для 2-го фонетического положения). Данная запись, которая едва ли представляет собой типичное звучание, а скорее отражает произнесение на максимальном пределе, оказывается очень удобной для определения пределов максимальной протяженности рассматриваемых фонем. С другой стороны, эта запись не может дать представления о диапазоне возможной сокращаемости фонем $\bar{e}$ и $\bar{i}$. Представление о широком диапазоне i дают засвидетельствованные случаи с удлинненным конечным согласным, где i сокращается сильнее, чем a в аналогичных примерах (средняя длительность $a=14.8з$, $i=13.8$; крайние отклонения для $a=17-13$, для $i=17-11$). Выходит по этим данным, что фонема i несколько короче и неустойчивее, чем фонема a . Более ясное представление о произносительном диапазоне рассматриваемых фонем могут дать две другие записи $\bar{e}$ и $\bar{i}$ в произношении К., а также запись всех трех гласных в произношении Н.

К.

$\bar{i}$				$\bar{e}$	
2) <i>jīt</i>	29.9 (3)	1) <i>sēb</i>	32.3 (14)	2) <i>rēc</i>	30.7 (6)
<i>zīt</i>	—	<i>dēb</i>	33—29	<i>prēn</i>	32—29
	32—29	<i>bēd</i>	41—26.8		32—29
		<i>dēm</i>			

Средняя длительность i в тех же самых словах (*jīt* и *zīt*) в первой записи равнялась 36.7з (4). Средняя длительность $\bar{e}$ в тех же самых словах в первой записи равнялась 35.2 (8). Наконец, *rēc* по сравнению с *tēs* дает очень большое сокращение. Выходит, что значительные колебания нормальной длительности наблюдаются главным образом для 2-го фонетического положения (между 38 и 30з в произношении одного и того же лица).

В общем, в приведенных записях длительность $\bar{i}$ и $\bar{e}$ существенно не отличается от длительности $\bar{a}$.

Запись произношения Н. дает следующие результаты:

$\bar{i}$		$\bar{e}$		$\bar{i}$	
1) <i>gīr</i>	36.7 (2)	1) <i>ēs</i>	31.7 (15)	1) <i>gis</i>	22.6 (2)
	—	<i>šēr</i>	36—29		—
	36.5—34.9	<i>cēr</i>	36—27		22.8—22.4
		<i>dēm</i>			
2) <i>bīt</i>	26.4 (10)	2) <i>pēc</i>	24.2 (4)	2) <i>pis</i>	15.7 (4)
<i>gīt</i>	30—21	<i>tēs</i>	27—21		16—14
	30—21		27—21		16—14
				С усилением согласной:	
				<i>giss</i>	11.4 (3)
				<i>piss</i>	—
					13—8

Данная запись лишний раз показывает, что длительность гласных в 1-м фонетическом положении является более или менее устойчивой. Произношение Н., представляющее, в противоположность К., минимальные пределы нормальной длительности гласных, для 1-го фонетического положения приближается к произношению К.

Наибольшее сокращение наблюдается опять-таки во 2-м фонетическом положении, где средняя длительность *i* в произношении Н. равна всего 26.4σ, а *e*—24.2σ. Фонема *i*, которая может иметь одинаковые с *a* пределы максимальной длительности, сокращается значительно больше и чаще, чем *a*. Так, в произношении Н. средняя длительность *a* в 1-м фонетическом положении равна 23.4σ (в слове *bas*) с колебаниями до 26σ, а длительность *i* (в слове *gis*) равна 22.6σ с колебаниями только до 23σ. Во 2-м фонетическом положении длительность *a* равна 18.7σ (с колебаниями до 22σ), длительность *i* равна 15.7 (с колебаниями лишь до 17σ).

Средняя длительность *i* в произношении К., зафиксированная лишь для 2-го фонетического положения, превышает на 1.5σ длительность *a* (*i*=22.3σ, *a*=20.8σ). Однако эта большая длительность *i*—только кажущаяся, так как цифры средней длительности не вполне точно отражают здесь действительное положение вещей, которое выявляется при сравнении типовой длительности обоих гласных: типовая длительность *a*=25—15σ, типовая длительность *i*=23—19σ. Т. е. диапазон фонемы *a* в сторону удлинения больше чем у *i* на 2σ. Кроме того, сравниваемые цифры получены не в абсолютно тождественном фонетическом положении, поскольку длительность *i* измерена в словах *čil*, *pis* и *bgir*, т. е. в таких положениях, где имеем варианты максимальной длительности в пределах 2-го фонетического положения: *č* в первом слове, являясь аффрикатом, может влиять на гласный как щелевой, а не как смычный, в результате чего пример *čil* дает переходный случай от 2-го к 1-му фонетическому положению. Слово *bgir* включено во 2-е фонетическое положение только потому, что оно начинается двумя согласными, что несколько сокращает гласную. Таким образом, *bgir* тоже представляет собой случай, тяготеющий к 1-му фонетическому положению. Наконец, слово *pis* имеет в исходе щелевой, что удлиняет гласную. Таким образом, во всех трех словах закономерно имеем максимальную для 2-го фонетического положения длительность *i*. Для *a* же, напротив, все слова даны с исходом на смычный: *jat*, *dap*, *šar*, т. е. в позиции, сокращающей *a*, и только одно слово имеем с исходом на щелевой (*pas*), средняя длительность *a* в котором равна 25.6σ, т. е. заметно длиннее, чем *i* в абсолютно аналогичном фонетическом положении (средняя длительность *i* в слове *pis*=21.8σ).¹ Повидимому, только этим следует объяснить меньшую сокращаемость *i* в приведенных примерах по сравнению с *a* (пределы сокращаемости для *i* 19σ, для *a* 15σ). А между тем это обстоятельство и повлияло на цифру средней длительности, которая оказалась несколько выше для *i*, чем для *a*. Запись же произношения Н., приведенная на стр. 25, дает для *i*

¹ Большая краткость или большая сокращаемость *i* по сравнению с *a* отчетливо наблюдается также в случаях удлинения исходного согласного. Как было уже отмечено, краткий гласный при этом сильно сокращается. Длительность *a* в таких случаях (в словах *šarr*, *parr*) в произношении К. равнялась 14.8σ (с предельным сокращением в 12.6σ), длительность же *i* (в словах *giss*, *dill*, *bill*) равнялась 13.4σ (с предельным сокращением в 10.7σ). Произношение Н. дает еще более краткий вариант звучания *i*—11.4 (в словах *giss*, *piss*), с предельным сокращением в 7.9σ.

типовую длительность 16—14σ, в то время как для *a* в его же произношении и в тождественном фонетическом положении типовая длительность *a* равнялась 22—16σ (на стр. 17), что показывает большую сокращаемость *i* по сравнению с *a*.

Таким образом, диапазон нормальной длительности *i* в закрытом слоге односложного слова (исключая случай с усилением исходного согласного) в общем близок диапазону фонемы *a*, но несколько сдвинут в сторону сокращения (для *a* = 25—15σ, для *i* = 23—14σ). Поэтому фонема *i* определяется как более краткая или более сокращающаяся, чем *a*.

А поскольку для противостоящих фонеме *i* долгих пар *i* и *ē*, напротив, наблюдается некоторое тяготение к максимальным вариантам длительности в пределах общего для долгих гласных диапазона, то противоположение *i* и *i*, *ē* по длительности оказывается более резким и отчетливым, чем противоположение фонем *ā* и *a*. Для *i*, как можно видеть по приведенным в этом разделе цифрам, не засвидетельствовано ни одного случая совпадения его длительности с длительностью *i* или *ē* ни в 1-м, ни во 2-м фонетических положениях. Даже крайние отклонения сравниваемых фонем в наиболее неблагоприятных для различения условиях (2-е фонетическое положение в записи Н., при более быстром темпе речи) лежат друг от друга на расстоянии 5σ (для *i*, *ē* 21σ, для *i* 16σ). Для *a* же во 2-м фонетическом положении совпадения по длительности были не только не редки, но в определенных пределах и нормальны (длительность в 25σ так же возможна для *a*, как и для *ā*, в положении между глухими смычными).

Это более четкое противоположение *i* его долгим парам, несомненно, находится в связи с тем, что *i* одновременно противопологается двум фонемам. Поэтому совпадение в длительности с долгой фонемой не может для *i* компенсироваться расхождением в качестве, как это было с парой *a*—*ā*, так как качественное расхождение *i* с одной из ее долгих пар ведет к ее качественному совпадению с другой долгой гласной.

2. В двусложном слове

а) Ударенный слог

Второй слог

В этом положении длительность фонем *i* и *ē* значительно сокращается.

<i>i</i>	<i>ē</i>	<i>i</i>
1) <i>dalīr</i>	1) <i>zarēn</i>	1) <i>kišmīs</i>
<i>kišīn</i> 24.4 (15)	<i>jinēn</i> 26.3 (10)	<i>gātīr</i> 16.7 (15)
<i>gušīn</i> 28—19	<i>čarēn</i> 28—25	<i>rōgīn</i> 19—13
<i>kušīn</i> 32—19	<i>ēlēn</i> 32—23	<i>barīn</i> 22—11
<i>girīn</i> (и единич- ный слу- чай 16)		<i>āsīl</i>
<i>dārīn</i>		<i>čūqīg</i>
<i>kārīn</i>		
<i>zānīn</i>	2) <i>kutēn</i> 25.2 (7)	2) <i>pačīt</i> 14.2 (6)
2) <i>nindīt</i>	<i>nōkēn</i> 27—22	<i>ātīs</i> 15—13
<i>gīndīt</i> 23.6 (14)	<i>spētēn</i> 29—22	<i>āšīx</i> 15—13
<i>riččīt</i> 27—19		
<i>kučīt</i> 28—19		
<i>prēnit</i>		
<i>rēčīt</i>		

Сравнительно небольшая длительность обоих гласных в 1-м фонетическом положении объясняется, повидимому, влиянием следующего носового, сокращающего гласный.

Существенным в приведенном сравнении длительности обоих долгих гласных является то, что $\bar{e}$ имеет меньший диапазон сокращаемости, чем $\bar{i}$: $\bar{i}$ нормально сокращается до 19—18σ, а $\bar{e}$ только до 23—22σ.

Фонема $\bar{i}$ также заметно сокращается по сравнению с односложным словом: ее диапазон по зарегистрированным крайним отклонениям колеблется между 22 и 11σ. Максимальные варианты длительности (с 15σ и выше) характерны только для 1-го фонетического положения. Минимальная длительность возможна в обоих положениях, но для 1-го фонетического положения она возникает только перед смычными. Так, дважды записанное слово *čūdig* дает в одной записи длительность 20.1σ (3), в другой записи 12σ (4).

Фонема $\bar{i}$ в рассматриваемом положении также короче фонемы $\bar{a}$: средняя длительность $\bar{a}$ в 1-м фонетическом положении равна 18.7σ, фонемы $\bar{i}$ —16.7σ. Типовая длительность обеих фонем тоже заметно расходится: для $\bar{a}$ —21—17σ, для $\bar{i}$ —19—13σ.

В отношении к фонемам $\bar{i}$ и $\bar{e}$ существенным оказывается следующее: совпадение $\bar{i}$ по длительности наблюдается только с фонемой $\bar{i}$ и при этом лишь в пределах 1-го фонетического положения. Предел сокращаемости $\bar{i}$ в этом положении 19σ, предел же максимальной длительности $\bar{i}$ 22σ. Таким образом, совпадение обеих фонем по длительности оказывается возможным на протяжении 4σ (между 22 и 19σ). Что касается фонемы $\bar{e}$, то, как уже указывалось, она более устойчива и предел ее сокращаемости лежит на 23σ. В результате, случаев ее совпадения с фонемой $\bar{i}$ не засвидетельствовано. Объяснить это можно следующим образом.

Совпадения $\bar{i}$ с $\bar{i}$ по длительности характерны в положении перед смычными и главным образом перед $\bar{n}$. Перед этими согласными фонема $\bar{i}$ никогда не звучит узко, — она заметно расширяется («*čūdég*, *gōgén*» и т. д.), в то время как $\bar{i}$ и перед $\bar{n}$ и перед остальными смычными остается узкой («*zānín*, *gendít*»). Следовательно, при количественном совпадении обе фонемы хорошо различаются качественно. Напротив, расширение $\bar{i}$ перед носовым и другими смычными сближает его качественно с фонемой $\bar{e}$, поэтому количественное их совпадение могло бы привести к их смешению. Именно этой причиной, т. е. нечеткостью качественного противоположения объясняется количественная устойчивость $\bar{e}$ перед $\bar{n}$ (и другими смычными) и, напротив, бо́льшая сокращаемость $\bar{i}$.

Приведенный анализ основан на произношении К. Как и в других случаях, он дает несколько более длительное звучание. Однако индивидуальные расхождения здесь незначительны и касаются главным образом фонемы $\bar{i}$, что можно видеть из сравнения с имеющейся записью по произношению М.:

$\bar{i}$	$\bar{e}$	$\bar{i}$
<i>kutít</i> 21.6 (2)	<i>zarén</i> 25.6 (2)	<i>čūdig</i> 8.7 (6)
		<i>kūtig</i> 9—8

По приведенным данным видно, что индивидуально $\bar{i}$ может иметь еще более краткое звучание, вплоть до 8σ.

Первый слог

Для этого фонетического положения имеются следующие данные:

$\bar{i}$	$\bar{e}$	i
1) <i>disti</i> 22.8 (12) 27—19 32—18 (и единичный случай 12.5)	1) <i>prénti</i> 25.2 (6) 27—22 30—22	1) <i>jísti</i> 11.5 (12) 1 <i>nístun</i> 15—10 <i>gírdi</i> 19—6 2) <i>gípti</i> 11.5 (8) <i>kíšti</i> 15—7 21—7

Эти данные, хотя и не вполне достаточные, позволяют все же установить следующее.

Все три гласные несколько сокращаются по сравнению с предыдущим фонетическим положением. Это сокращение наиболее характерно для фонемы i : средняя ее длительность равна здесь 11.5σ, в то время как в предшествующем фонетическом положении она равнялась 16.7σ и 14.2σ (в зависимости от согласного окружения). Значительно расширяются и пределы сокращаемости i : для предшествующего положения минимальная длительность $i = 11σ$, в данном же положении 6σ. Максимальная длительность i тоже несколько сокращается: в предыдущем положении она равна 22σ, в данном положении 20σ. Общие пределы типовой длительности в предыдущем положении были 19—13σ, а в данном положении 15—7σ.

Из долгих гласных большему сокращению подвергается $\bar{i}$, что сказывается на средней длительности (в предшествующем положении 24.4σ, в данном — 22.7σ), пределы же сокращаемости типовой длительности для обоих положений остаются одинаковыми. Благодаря этому сохраняется как норма прежнее соотношение $\bar{i}$ и i : их длительность нормально совпадает на протяжении отрезка в четыре сигмы (для предыдущего положения 22—19σ, для данного положения 21—18σ). Отмеченное сокращение $\bar{i}$ до 13σ единично, но, может быть, не случайно. Как уже отмечалось неоднократно, К. дает обычно более отчетливое и долгое звучание, и по его произношению легче судить о максимальных пределах длительности долгих гласных, чем о минимальных. Действительно, в произношении Н. $\bar{i}$ в том же самом слове *dísti* имеет среднюю длительность 16σ(5) с крайними отклонениями 19—13σ. Таким образом, выходит, что то, что является случайным при более отчетливом произношении, становится нормальным при обычном произношении. Значит, $\bar{i}$ в рассматриваемом положении в зависимости от темпа речи может сокращаться вплоть до 13σ. Происходит ли аналогичное большее сокращение фонемы i в произношении Н.? Оказывается, нет.

	Н.	К.
<i>jísti</i>	14.9 (3)	15.0 (8)
<i>gípti</i>	15.2—14.5	15—10 21—9

Произношение Н., как видно из приведенных цифр, не дает тех минимальных вариантов длительности $\bar{i}$, которые даны в произношении К. Следовательно, $\bar{i}$ при изменении темпа речи сокращается сильнее, i же может сокращаться лишь незначительно. В результате, произношение Н. дает случай наибольшего схождения $\bar{i}$ и i в их длительности. Напротив, произношение К.—образчик наиболее выразительного противоположения длительности обоих гласных.

Таким образом, благодаря возможности большего сокращения *i* в рассматриваемом положении по сравнению с предшествующим, случаи совпадения *i* и *i* по длительности могут быть более частыми (при меньшей отчетливости речи). Однако и здесь в каждом отдельном случае противоположение *i* и *i* по длительности может быть весьма отчетливым, так как пределы сокращаемости обеих фонем весьма различны: для *i* 13σ, для *i* 6σ. Общие пределы длительности обеих фонем тоже весьма различны: для *i* 32—13σ, для *i* 21—6σ. Таким образом, совпадение *i* и *i* по длительности оказывается возможным лишь на отрезке 7σ (между 21 и 13σ) даже при неотчетливом произношении. При этом совпадают лишь отклонения, типовая же длительность обеих гласных в произношении К. отстоит друг от друга на 4σ (для *i* 27—19, для *i* 15—10), а в произношении Н. хотя и сближается (для *i* 19—16, для *i* 15—14), но не совпадает. Значит, противоположение *i* и *i* по признаку длительности более выдержано, чем для пары *ā* и *a* в соответствующем фонетическом положении, где типовая длительность обеих фонем даже при максимальном противоположении (произношении К. в 1-м фонетическом положении) совпадала нормально: для *ā* 25—18σ, для *a* 20—16σ; в произношении Н. для *ā* 17—12σ, для *a* 15—11σ.

Что касается фонемы *ē*, существенным оказывается, как и в предыдущем фонетическом положении, ее бóльшая устойчивость или меньшая способность к сокращаемости по сравнению с фонемой *i*. Так, средняя длительность *ē* = 25.2σ(6), крайний же предел ее сокращения 22σ. А поскольку для фонемы *i* длительности свыше 20.7σ не засвидетельствовано, то не засвидетельствовано и ни одного случая совпадения *ē* и *i* по длительности. Иными словами, в рассматриваемом положении отмечено взаимоотношение фонем *ē* и *i* по длительности, аналогичное предшествующему положению: фонемы *ē* и *i* резче противостоят друг другу по длительности, чем фонемы *i* и *i*. Объяснение этому следует искать в тех же причинах, которые указаны в предшествующем разделе.

б) Неударенный слог

Первый слог

В этом фонетическом положении имеются данные лишь для фонем *ē* и *i*.

<i>ē</i>		<i>i</i>	
2) <i>prēntā</i>	16.0 (8) 18—15 18—13	1) <i>dištār</i> <i>jistā</i> <i>ništā</i> <i>išti</i>	12.2 (8) 14—8 16—8
		2) <i>gindīt</i> <i>nindīt</i>	11.1 (4) 13—8 13—8
		3) <i>kišmiš</i> <i>xizmāt</i> <i>giptā</i>	9.3 (5) — 12—6

Как видно из приведенных цифр, фонема *ē* сильно сокращается по сравнению с *ē* в ударенном слог: в ударенном слог средняя длительность *ē* равна 25.2σ (*prēntī*), в неударенном же 16σ (*prēntā*). Минимальная длительность *ē* доходит в данном положении до 13σ, сближаясь уже с длительностью фонемы *i*. Дело в том, что фонема *i*, способная очень сильно сокращаться и в ударенном слог, не очень значительно меняет свою длительность, попадая в неударенное положение: предел сокращаемости остается тем же самым (6σ), средняя

длительность тоже существенно не меняется. Сокращение *i* сказывается в сокращении предела ее максимальной длительности: здесь она не превышает 15.8 σ, в то время как в ударенном слоге достигает 20.7 σ. Таким образом, диапазон *i* в рассматриваемом положении сокращается на 5 σ за счет долгих вариантов (в ударенном слоге 21—6, в неударенном 16—6). Фонема же *ē* сокращается сильнее во всех отношениях: значительно сокращается средняя длительность (с 25.2 до 16 σ), значительно сокращается максимальная длительность (с 30 до 18 σ), значительно увеличивается предел сокращаемости (с 22 до 13 σ) и значительно изменяется типовая длительность (с 27—22 до 18—15 σ). В результате, такого отчетливого противоположения длительности *ē* и *i*, какое наблюдалось в предшествующем положении, здесь уже нет: средняя длительность обоих гласных расходится лишь на 5 σ (сравнивается тождественное — 2-е — фонетическое положение), — для *ē* 16 σ, для *i* 11.1 σ — с возможным случайным совпадением их длительности на отрезке в 1 σ (длительность 13 σ).

Надо заметить, что измерений для *ē* слишком мало, чтобы считать приведенную среднюю длительность *ē* вполне достоверной и типичной.

Открытый слог

1. В двусложном слове

а) Первый слог

Ударенный слог

Для ударенного слога имеются следующие данные:

<i>i</i>	<i>ē</i>	<i>i</i>
1) <i>ēízē</i>	1) <i>dēbē</i>	2) <i>pīsē</i> 11.4 (4)
<i>tírē</i> 25.0 (6)	<i>bédē</i> 25.8 (9)	<i>ida</i> —
<i>rīšē</i> 28—24	<i>sébē</i> 28—24	13—10
<i>pírē</i> 28—21	<i>sérē</i> 31—21	с усилением со-
	<i>rétī</i>	гласной:
		<i>gīssē</i> 11.3 (9)
		<i>pīssē</i> —
		14.4—8.6

Как видно из приведенных цифр, противоположение обоих долгих по длительности фонеме *i* весьма отчетливое. Совпадения не наблюдается даже в крайних отклонениях. Диапазон *i* в рассматриваемом положении в общем равен диапазону *i* в ударенном закрытом слоге. Большая же четкость противоположения *i* фонеме *ī* достигается здесь не только сокращением *i*, но и меньшим диапазоном сокращаемости *ī* (в закрытом слоге 19 σ, в открытом слоге 21 σ).

Неударенный слог

Для неударенного слога имеем следующие данные:

<i>ī</i>	<i>ē</i>	<i>i</i>
1) <i>šīrén</i>	1) <i>bēgā</i>	1) <i>digār</i>
<i>šīrá</i> 22.3 (10)	<i>šēsān</i> 23.3 (9)	<i>dīgā</i> 13.0 (10)
<i>rīšā</i> 27—20	<i>ēsī</i> 27—19	<i>gisā</i> 15—10
<i>bībī</i> 27—20	<i>ēlén</i> 30—16	<i>girín</i> 18—7
<i>gīná</i>	<i>prēnīt</i>	<i>jinén</i>

2) <i>jītā</i> 21.5 (4)	2) <i>pēšān</i>	2) <i>piśā</i> 11.3 (8)
<i>zītā</i> 23—20	<i>tēśā</i> 20.9 (10)	<i>kiśīn</i> 13—9
23—20	<i>gētīr</i> 26—18	<i>sikār</i> 15—9
	<i>spētēn</i> 26—18	<i>čirāg</i>
	<i>rēčēt</i>	
		С усилением согласной:
		<i>riččēt</i> 6.1 (7)
		<i>čillūm</i> —
		<i>killī</i> 9.0—3.8
		<i>illāj</i>
	М.	
1) <i>tirā</i> 24.0 (3)	1) <i>lēdā</i> 20.0 (2)	2) <i>čirāg</i> 5.6 (2)
26.6—19.5	22.6—16.5	6.2—5.0

Сравнение записи К. и М. показывает, что их данные значительно не расходятся; таким образом, произношение К. представляется как типичное.

Как можно видеть по приведенным данным, сокращение всех трех гласных по сравнению с ударенным слогом наблюдается, но незначительное и несколько неравномерное. Именно: для фонемы *ī* диапазон длительности сокращается всего на 1σ (в ударенном слоге диапазон *ī* равен 28—21σ, в неударенном 27—20σ). Большее расхождение в средних (в ударенном слоге 25σ, в неударенном 22.1σ) объясняется передвижением типовой длительности в рассматриваемом положении в сторону более кратких вариантов. Существенно здесь то, что фонема *ī* даже в крайних своих отклонениях в этом положении не дает сокращения ниже 19.5σ, причем этот предел сокращаемости характерен для положения *ī* в соседстве с любыми согласными. Напротив, для фонемы *ē* характерна другая картина. Предел максимальной ее длительности не изменяется (в ударенном слоге 31σ, в неударенном 30σ), но предел ее сокращаемости значительно увеличивается (в ударенном слоге 21σ, в неударенном 16σ). В результате, фонема *ē* в рассматриваемом положении имеет больший диапазон длительности и является более устойчивой по сравнению с *ī* (диапазон *ī* 27—20σ; диапазон *ē* 30—16σ).

Таким образом, здесь получается картина, обратная соотношению *ī* и *ē* в рассматривавшихся закрытых слогах, где *ē* было более устойчивым, чем *ī*. Это различное выявление обеих фонем в различных фонетических положениях не может считаться случайным, а имеет под собой определенное основание. Как уже говорилось на стр. 28, большая устойчивость длительности *ē* в закрытых слогах объясняется ее качественным сближением с фонемой *i*, которая в этом положении может значительно расширяться. Напротив, в открытых слогах сильного расширения *ī*, как уже излагалось при качественной характеристике гласных, не наблюдается, оно остается в этом положении «*i*»-образным. Следовательно, в открытых слогах фонема *ī* качественно сближается с фонемой *i*, благодаря чему их количественное противоположение выявляется более отчетливо, за счет большей устойчивости *ī* по сравнению с *ē*.

Диапазон фонемы *i* в рассматриваемом положении, как показывают приведенные данные, колеблется от 18 до 7σ. Отсюда видно, что случаи совпадения *i* по длительности наблюдаются только с фонемой *ē*, имеющей предел сокращаемости 16σ. Случаев совпадения *i* с фонемой *ī*, имеющей предел сокращаемости 20σ, вовсе не зарегистрировано.

Надо, однако, отметить, что для данного фонетического положения сближение или совпадение длительности фонем *i* и *ē* тоже не является характерным или обычным. Во-первых, максимальная длительность *i*, близкая к кратким вариантам длительности *ē*, возникает только в 1-м фонетическом положении. В соседстве же с глухими смычными длительность *i* свыше 15σ не засвидетельствована. Во-вторых, случаи совпадения *ē* и *i* засвидетельствованы лишь на протяжении 2σ, между 16—18σ, т. е. на том отрезке длительности, которая не представляет нормы ни для *ē*, ни для *i*, а является сферой их крайних отклонений (типовая длительность *ē* 27—19σ, *i* 15—10σ). Таким образом, совпадение *ē* и *i* является случайным. Из 19 измерений отмечено всего два случая совпадения длительности *ē* с длительностью *i*. В результате, в неударенном открытом слоге противоположение *ē* и *i* выдерживается вполне четко, хотя и не так абсолютно, как фонем *ī* и *i*, для которых вовсе не отмечено случаев совпадения.

б) В исходе слова

Ударенный слог¹

<i>i</i>		<i>ē</i>	
1) <i>māsī</i>	27.0 (8)	2) <i>watī</i>	28.1 (4)
<i>bībī</i>	—	<i>īstī</i>	—
<i>pīrī</i>	30—24		30—26
<i>sardī</i>	—	1) <i>uđē</i>	28.1 (3)
			32—24

Как видно из приведенных цифр, длительность обеих долгих примерно одинакова. Эта длительность больше, чем в ударенном открытом слоге в середине слова, она довольно устойчива и имеет диапазон колебаний всего лишь в 6—8σ (для *ī* 30—24σ, для *ē* 32—24σ). Обе фонемы *ē* и *ī*, по имеющимся данным, не сокращаются ниже 24σ. Так как гласные остаются здесь довольно долгими, то предшествующий согласный какого-либо влияния на них не оказывает (ср. данные 1-го и 2-го фонетических положений для *i*).

Неударенный слог

По фонемам *ī* и *ē* в неударенном слоге имеются довольно многочисленные записи. Для большей точности их длительность дается в трех фонетических положениях: после щелевого, после смычного звонкого (и сонантов) и после глухого щелевого, хотя два последних положения мало отличаются друг от друга в смысле их влияния на длительность гласного. Фонема *i* в этом положении встречается вообще очень редко, и на кимографе записано только одно слово.

<i>ī</i>		<i>ē</i>		<i>i</i>	
К.		К.		К.	
2) <i>tārī</i>	17.0 (9)	1) <i>čīzē</i>	<i>pāsē</i> 25.0 (8)	<i>bālki</i>	9.4 (4)
<i>zōrī</i>	19—11	<i>rīšē</i>	<i>kāsē</i> 28—16		—
<i>gīrdī</i>	21—11	<i>pōšē</i>	32—16		13—7
3) <i>jātī</i>	<i>kāptī</i>	2) <i>bārē</i>	<i>bāgē</i>		
<i>šūtī</i>	<i>gīptī</i> 15.6 (55)	<i>kārē</i>	<i>bédē</i> 21.4 (28)		
<i>dātī</i>	<i>jīstī</i> 19—11	<i>mārē</i>	<i>sébē</i> 28—16		
<i>ātī</i>	<i>kīstī</i> 23—10	<i>tīrē</i>	<i>débē</i> 32—16		
<i>rētī</i>	<i>dīstī</i>	<i>šērē</i>	<i>mūdē</i>		

¹ Фонема *i* в данном положении не засвидетельствована.

3 В. С. Соколова

<i>i</i>		<i>e</i>	
Н.		К.	
2) <i>āti</i>	<i>kūsti</i>	3) <i>dāpē</i>	<i>dāstē</i> 22.0 (15)
<i>gip̄ti</i>	<i>rāsti</i> 16.3 (25)	<i>śāpē</i>	<i>dōstē</i> 28—16
<i>bāsti</i>	<i>dāsti</i> 19—13	<i>ṭōkē</i>	<i>pōste</i> 28—16
<i>jīsti</i>	<i>dīsti</i> 21—11	<i>gōkē</i>	
<i>gūsti</i>			

Как видно из приведенных цифр, фонема *i* закономерно короче фонемы *ē*. Разница в средней длительности *i* и *ē*, сравниваемых в абсолютно тождественных фонетических положениях, равна 6—5σ. Типовая длительность, имеющая у обоих гласных довольно широкий диапазон, тоже сильно сдвинута для фонемы *i* в сторону сокращения (для *ē* 28—16σ, для *i* 19—11σ). Выходит, что неударное исходное *ē* может быть нормально очень долгим гласным (28σ), в то время как для *i* длительность свыше 19σ не характерна. Пределы крайних отклонений тоже заметно различаются (предел сокращаемости для *i* 10σ, для *ē* 16σ, предел максимальной длительности для *i* 23σ, для *ē* 32σ).

В положении после щелевых, где имеем более высокую среднюю длительность (данные для фонемы *ē*), пределы типовой длительности оказываются такими же, как и в положении после смычных (28—16σ), равно как и пределы крайних отклонений (32—16σ). Значит, после смычных имеем не столько обязательное сокращение, сколько большую способность к сокращаемости (неустойчивость).

Приведенная для фонемы *i* запись Н. в общем совпадает с данными записи К., определяя, таким образом, произношение последнего как типичное.

Для фонемы *i* имеем запись в слове *balki* со средней длительностью 9.4σ(4). Как уже видно по этой средней, длительность фонемы *i* значительно ближе к длительности фонемы *i* (разница между средними 6σ), чем к длительности *ē* (разница между средними 13σ). Для *i* при малом числе измерений невозможно установить типовую длительность. Пределы же крайних отклонений длительности фонем *i* и *i* показывают возможное и, повидимому, частое совпадение: предел сокращения *i* 11σ, диапазон *i* 13—7σ. Значит, длительность *i* может совпадать с длительностью *i* на протяжении 3σ, при этом не только в крайних отклонениях, но и в типовой длительности (типовая длительность *i* равна 19—11σ). Совершенно иное отношение *i* к фонеме *ē*: при большом расхождении в средней длительности совпадения даже в их крайних отклонениях вовсе не наблюдается. Крайние пределы их длительности отстоят друг от друга на 3σ (для *ē* минимальный предел 16σ, для *i* максимальный предел 13σ).

Это различие в отношении фонем *ē* и *i* к фонеме *i* объясняется качественным выявлением фонемы *i* в этом положении. Как уже излагалось при качественном описании фонем, неударное *i* в исходе характеризуется очень заметным расширением или, иначе говоря, «е»-образным звучанием. Следовательно, совпадая с фонемой *i* по длительности, она отчетливо отличается от нее по качеству, так как неударное *i* в исходе сохраняет, как и во всех положениях, свое узкое звучание. Напротив, расширяясь, фонема *i* качественно совпадает с фонемой *ē*, благодаря чему признак длительности при противопоставлении *ē* и *i* является доминантным. Вследствие этого фонема *ē* не сокращается ниже того предела, за которым следует сближение длительности обеих фонем, а отсюда и возможное их смешение.

2. В односложном слове

Для односложного слова имеются данные лишь по фонемам $\bar{e}$ и $\bar{i}$. Фонема i в этом положении не засвидетельствована.¹

$\bar{i}$		$\bar{e}$	
$t\bar{i}$	40.5 (6)	$b\bar{e}$	36.6 (4)
$m\bar{n}\bar{i}$	46—35	$\bar{e}\bar{e}$	43—31

Как видно из приведенных цифр, длительность обеих фонем в этом положении равна и несколько превышает их длительность в односложном закрытом слове. Значит, в односложных словах, как в закрытом, так и открытом слоге, долгие фонемы имеют максимальную длительность.

ФОНЕМЫ $\bar{u}$, $\bar{o}$, u

Закрытый слог

1. В односложном слове

К.		
$\bar{u}$	$\bar{o}$	u
1) $m\bar{u}d$ 30.8 (7)	1) $g\bar{o}s$	1) buz 21.8 (4)
$n\bar{u}n$ 33—27	$p\bar{o}s$	gul 23—20
$d\bar{u}r$ 34—17	$\bar{o}s$	23—20
2) $b\bar{u}t$ 28.2 (11)	$z\bar{o}r$ 30.8 (27)	2) $\bar{s}ut$ 18.4 (10)
$z\bar{u}t$ 31—25	$b\bar{o}r$ 33—28	$pk\bar{u}s$ 21—16
$k\bar{u}n$ 31—25	$g\bar{o}r$ 34—25	$bg\bar{u}s$ 21—15
$k\bar{u}t$	$p\bar{o}r$	С усилением согласной:
	$r\bar{o}d$	
	$\bar{j}od$	
	$\bar{d}ol$	
	2) $r\bar{o}c$ 28.2 (16)	$pu\bar{c}\bar{c}$ 12.1 (1)
	$g\bar{o}k$ 32—25	
	$dr\bar{o}g$ 35—25	
	$\bar{t}ok$	

Н.		
$\bar{u}$	$\bar{o}$	u
1) $b\bar{u}t$ 26.8 (9)	1) $g\bar{o}s$ 27.9 (10)	1) buz 21.6 (2)
31—23	$k\bar{o}r$ 31—23	—
33—18	$\bar{d}ol$ 33—20	22.1—21.1
		2) $bg\bar{u}s$ 10.6 (7)
		$pu\bar{c}$ 15—8
		15—8

М.		
$\bar{u}$	$\bar{o}$	
1) $d\bar{u}r$ 25.2 (5)	1) $g\bar{o}r$	2) $\bar{t}ok$ 19.3 (2)
30—20	$p\bar{o}r$ 27.2 (8)	—
30—20	$\bar{j}od$ 30—20	20.0—18.8
	$r\bar{o}c$ 33—20	

Как можно видеть по приведенным цифрам, длительность фонем $\bar{u}$ и $\bar{o}$ в рассматриваемом положении несколько короче, чем фонем $\bar{i}$, $\bar{e}$ и $\bar{a}$, причем $\bar{u}$ и $\bar{o}$ равны между собой по длительности. Наиболее полная по количеству измерений запись К. дает совпадающие или почти

¹ Она известна в таких несамостоятельных словах, как bi (предлог направления), ki (союз подчинения), которые не могут быть изолированы для записи на кимографе и не несут на себе ярко выраженного словарного ударения.

совпадающие цифры для длительности $\bar{u}$ и $\bar{o}$ в одинаковых фонетических положениях. Диапазон типовой длительности обоих фонем по произношению К. колеблется между 33 и 25σ. Предел сокращаемости 25σ является общим для обоих выделенных фонетических положений. Усматриваемая же разница в средних объясняется различной удлинняемостью гласных. Записи Н. и М. дают, при несколько меньшей абсолютной длительности $\bar{u}$ и $\bar{o}$, аналогичную картину их взаимоотношений.

Фонема *u* в записи К. имеет узкий диапазон длительности, колеблющийся между 23 и 15σ. Такая узость диапазона *u* объясняется, повидимому, слишком малым количеством записей, представляющих к тому же, как можно видеть из сравнения с данными записи Н., максимально четкое звучание. Противоположение фонемы *u* обоим долгим гласным в произношении К. строго выдержано, хотя ее длительность и сближается с крайними отклонениями долгих (максимальная длительность *u* 23σ, минимальная длительность $\bar{u}$ и $\bar{o}$ 25σ). В произношении Н. имеем уже случаи совпадения длительности *u* с крайними отклонениями $\bar{o}$ (в 1-м фонетическом положении, где *u* не сокращается) на отрезке 3σ (22—20σ). Для $\bar{u}$ в 1-м фонетическом положении в произношении Н. записей нет. Во 2-м же фонетическом положении совпадения *u* с обеими долгими не засвидетельствовано вовсе, так как произношение Н. дает для этого положения очень короткие варианты *u* (типовая длительность 15—8σ).

Так же как наблюдалось для фонем *a* и *i*, фонема *u* при удлинении последующего согласного заметно сокращается (*picč*—12.1σ в записи К.).

Длительность *u* в односложном слове в общем равна длительности *i* общим диапазоном *i* 23—14σ).

2. В двусложном слове

а) Ударенный слог

Второй слог

Для второго слога имеются следующие данные:

К.		
$\bar{u}$	$\bar{o}$	<i>u</i>
1) <i>kabál</i> 25.6 (5)	1) <i>ucór</i> 25.7 (4)	1) <i>uštúr</i> 15.3 (4)
<i>angúr</i> 29—21	<i>adprós</i> —	<i>čillúm</i> 16—13
32—21	28—24	20—13
		2) <i>kađúk</i> 12.8 (11)
		<i>gar(r)úk</i> 13—9
		<i>ganúk</i> 20—9
Н.		
М.	М.	М.
1) <i>angúr</i> 25.0 (1)	1) <i>adprós</i> 20.2 (2)	2) <i>kađúk</i> 8.9 (3)
25—21	—	—
30—21	22—19	11—9

Как видно из приведенных цифр, средняя длительность всех трех гласных несколько сокращается по сравнению с предыдущим фонетическим положением (гласных $\bar{u}$ и $\bar{o}$ примерно на 5σ, гласного *u* на 6σ). Соотношение длительности всех трех гласных поэтому остается в общем аналогичным предшествующему. Однако некоторые расхождения все же

имеются, именно: сокращение $\bar{u}$ и $\bar{o}$ выражается в общем сдвиге их диапазона в сторону более короткого звучания, сокращение же фонемы u выражается главным образом в большом изменении предела сокращаемости: в предыдущем положении 20σ в 1-м фонетическом положении и 16σ во 2-м, в рассматриваемом 13σ в 1-м положении и 9σ во 2-м при незначительном изменении предела максимальной длительности (в предыдущем положении 23σ , в рассматриваемом 20σ). В результате, даже в произношении К. наблюдается большее сближение длительности между долгими гласными и фонемой u (в предыдущем положении промежуток между крайними отклонениями их длительности равен 3σ , в рассматриваемом 1σ). Однако случаев совпадения их длительности не засвидетельствовано и здесь в произношении К. Обращает на себя внимание факт резкого сокращения фонемы u в соседстве с глухими смычными (средняя длительность 12.8σ , диапазон $20-9\sigma$); но при этом пределы максимальной длительности u в обоих положениях совпадают (20σ), т. е. u во 2-м фонетическом положении может быть таким же долгим, как и в 1-м, что означает возможность его совпадения с долгим, который после глухих смычных должен сокращаться сильнее, чем в 1-м фонетическом положении (фактических данных по долгим для 2-го фонетического положения нет). Другое наблюдение, могущее быть существенным, следующее: приведенные данные выявляют большую устойчивость фонемы $\bar{o}$ по сравнению с фонемой $\bar{u}$ (предел сокращаемости фонемы $\bar{u}$ 21σ , фонемы $\bar{o}$ 24σ). Хотя количество измерений не достаточно для того, чтобы считать это соотношение закономерным, однако, выявляющаяся здесь аналогия с соотношением длительности $\bar{i}$ и $\bar{e}$ в соответствующем фонетическом положении, где $\bar{e}$ было более устойчиво, чем $\bar{i}$, делает высказанное предположение вполне обоснованным. Большая количественная устойчивость фонемы $\bar{o}$ объясняется качественным ее сходжением с фонемой u , которая в закрытых слогах, особенно перед смычными, имеет «о»-образное звучание, благодаря чему количественное противоположение обеих фонем становится доминантным. При совпадении же u с фонемой $\bar{u}$ по длительности, они продолжают отчетливо противопоставляться благодаря их качественному различию.

Записи Н. и М. дают, как и в предыдущем положении, более краткое звучание, давая представление о возможных индивидуальных произносительных колебаниях.

Первый слог

$\bar{u}$	$\bar{o}$	u
1) <i>zúrtun</i> 18.3 (11) 20—16 23—16	1) <i>döstē</i> 20.2 (6) <i>börtun</i> 23—18 23—18	1) <i>gústun</i> 15.1 (5) <i>búrtun</i> 17—12 17—12
	2) <i>póstē</i> 19.2 (8) <i>prōsti</i> 20—18 25—18	2) <i>kúrtun</i> 14.8 (10) <i>kúštun</i> 17—12 <i>prústi</i> 17—8
		Н.
		1) <i>gústi</i> 13.5 (2) — 13.5—13.4
		2) <i>kústi</i> 12.0 (6) <i>kústi</i> 16—8 16—8

Как видно из приведенных данных, средняя длительность долгих в рассматриваемом фонетическом положении заметно короче, чем в предыдущем. Средняя же длительность краткого *и* не меняется.

В результате, по записи К. расхождение между средней длительностью *ō* и *и* равно лишь 5σ, а типовая их длительность совсем сближается (для *ō* 23—18σ, для *и* 17—12σ). Однако совпадения по длительности обеих фонем все же не засвидетельствовано: предел сокращаемости *ō* 18σ, засвидетельствованная же максимальная длительность *и* 16.7σ. При более беглом произношении характерно сокращение средней длительности фонемы *и* до 13—12σ, о чем говорит запись Н., а также общий предел сокращаемости *и*, одинаковый для обеих записей и равный 8σ. Следовательно, *и*, в зависимости от отчетливости произношения, может иметь длительность значительно меньше той, которую отражает средняя по записи К. В случаях, когда сближение длительности обеих гласных может повести к их смешению, сопровождающемуся изменением смысла слова, указанная возможность более резкого количественного противоположения фонем за счет сокращения *и* всегда может выступить на сцену. Так, в записи К. длительность *и* в словах *kūrtun*, *kūštun* равна 14.9σ, а в слове *prūšī* 'разломился', противопоставляющемся другому слову со значением *prōšī* 'разломил' (средняя длительность 17.6σ), — всего 10.1σ.

Таким образом, хотя длительность *и* и *ō* может сближаться, все же количественное противоположение обеих фонем строго выдерживается и благодаря сильной сокращаемости *и* может быть весьма отчетливым.

Что касается фонемы *ū*, то ее длительность в рассматриваемом положении записана лишь в одном слове *zūrtun*. Других примеров подыскать не удалось. В текстах И. И. Зарубина это слово записано с кратким *и* (*zurtun*). Однако средняя длительность гласного в этом слове (18.3σ), а также диапазон его длительности (23—16σ) не дают основания причислить его к краткому *и* (диапазон краткого *и* 17—12σ). Здесь, повидимому, наблюдается лишь большее схождение длительности *ū* и *и*, чем *ō* и *и*, поскольку частично совпадает (на отрезке в 2σ) даже их типовая длительность.

Здесь видна аналогия отношениям *ī*—*i* и *ē*—*i* в этом же фонетическом положении: большая краткость *ū* по сравнению с *ō* является закономерной и имеет своим основанием различное качественное отношение обеих долгих к фонеме *и*, которая в данном положении чаще имеет «о»-образное звучание.

6) Неударенный слог

Первый слог

Для первого слога имеются данные лишь для фонем *ō* и *и*:

<i>ō</i>		<i>и</i>	
К.		К.	
1) <i>goštān</i> 16.0 (9)		1) <i>guštā burtā</i> 10.2 (22)	
<i>dōštā</i> 17—14		<i>dušmān zurtā</i> 13—8	
22—14		14—17	

$\bar{o}$	К.	у	К.
2) <i>prōštā</i>	14.5 (8)	2) <i>kurtā</i>	9.5 (6)
<i>gōkčarén</i>	16—11	<i>pustā</i>	12—8
	18—11	<i>kuštā</i>	12—8
		3) <i>uštūr</i>	8.0 (4)
		<i>ustāt</i>	—
		<i>uškār</i>	10—7
		у	
		Н.	
		<i>dušmān</i>	8.4 (2)
			9.0—7.7

Как видно из приведенных цифр, в неударенном положении длительность $\bar{o}$ заметно сокращается, длительность же *и* сокращается сравнительно мало (диапазон сокращаемости *и* увеличивается лишь на 3σ в 1-м фонетическом положении, фонемы же $\bar{o}$ на 5σ). В результате, схождение длительности обоих гласных в рассматриваемом фонетическом положении сильнее, чем в предшествующем; наблюдаются совпадения в отклонениях на протяжении 1σ (длительность 14σ) в 1-м положении и совпадение типовой длительности на протяжении 2σ (длительность 12—11σ) во 2-м положении. Таким образом, неударенный закрытый слог — наиболее неблагоприятное положение для различения $\bar{o}$ и *и*. Поскольку *и* может сокращаться здесь очень сильно (вплоть до 6.6σ), а $\bar{o}$ сокращается только до 13σ, то в необходимых случаях количественное противоположение обоих гласных может выступать отчетливо. Наиболее краткое звучание *и* характерно для положения его в начале слова перед глухим, где оно может оглушаться или частично или полностью: в двух словах из трех приведенных (*uštūr*, *ustāt*) засвидетельствовано глухое *и*.

Существенно отметить, что гласный в слове *zurtā* 'взявший', представляющем собой другую глагольную форму слова *zūrtun* 'я взял', выявляется в записи, несомненно, как краткое *и*, а не как долгое $\bar{u}$. Оно имеет среднюю длительность 10.5σ (12), равную средней длительности *и* в остальных трех словах (*guštā*, *dušmān*, *burtā*), которая равна 10.3σ (10). Диапазон длительности *и* тоже одинаков: для слова *zurtā* 13—7σ, для остальных слов 13—9σ. Выходит, что фонема $\bar{u}$, обязательная для форм от основы настоящего времени (*zūr* 'возьми', *zūrīn* 'я возьму') и сохраняющаяся в формах от прошедшей основы под ударением (*zūrtun*), но уже со слабым противоположением фонеме *и* по количеству, попав в неударенный закрытый слог в слове **zūrtā*, сократилось еще больше и перестало вовсе противоположаться по количеству фонеме *и*. Ее краткое звучание приводит и к качественным изменениям: она расширяется под влиянием следующего *г* и смешивается с фонемой *и*. Этому не препятствуют семантические причины, поскольку это смешение фонем не влечет за собой смещения слов: в языке нет двух слов *zūrtā* и *zurtā*, различающихся по значению. В результате, в данном случае, т. е. в произношении К., мы имеем дело с чередованием двух фонем $\bar{u}$ и *и* в словах *zūrtun* и *zurtā*. Возможно, что в произношении других лиц фонема *и* распространилась и на остальные формы, образованные от прошедшей основы (*zūrtun* < *zūrtun*), став, таким образом, признаком прошедшей основы, как это засвидетельствовано в текстах И. И. Зарубина.

Второй слог

Во втором слоге имеются данные только для фонемы *u*:

<i>bāstun</i>	<i>dāstun</i>		11.0 (40)
<i>gāstun</i>	<i>zāntun</i>		
<i>nīstun</i>	<i>zūtun</i>		
<i>kūstun</i>	<i>bōrtun</i>		
<i>gūstun</i>	<i>būrtun</i>		
	<i>kūrtun</i>		14—8
			18—5

Как видно из общей средней, длительность *u* во втором слоге несколько больше, чем в первом (средняя длительность в котором 9.5σ) и несколько меньше его длительности во втором ударенном слоге, где его средняя длительность равнялась 12.8σ. Однако заметное расхождение с ударенным слогом наблюдается в пределах сокращаемости *u* (в ударенном слоге 9σ, в неударенном 5σ). В общем, по своей длительности *u* в рассматриваемом положении занимает среднее место между его положением в аналогичном ударенном слоге и в безударном первом слоге, при общей близости его длительности во всех трех положениях.

Открытый слог

а) В середине и в начале слова

Ударенный слог

<i>u</i>		<i>o</i>		<i>u</i>	
1) <i>mūdē</i>	28.8 (2)	1) <i>gōrē</i>		1) <i>gūdān</i>	14.0 (9)
	—	<i>zōlē</i>	27.2 (12)	<i>gūlē</i>	17—10
	30.8—26.8	<i>rōdē</i>	29—23		17—10
		<i>dōlē</i>	31—23		
2) <i>būtī</i>	24.9 (6)	<i>jōda</i>		2) <i>šūtī</i>	16.9 (4)
<i>zūtī</i>	26—22	<i>ōda</i>			—
	32—22				18—16
		2) <i>gōkē</i>	25.5 (6)		
		<i>pōšē</i>	26—21		
		<i>drōgē</i>	31—21		

Как видно из приведенных данных, фонема *u* отчетливо противоплагается обим долгим, и случаев совпадения длительности не наблюдается. Заметной разницы в длительности обоих долгих тоже не наблюдается. Следует отметить только, что фонема *ū* как будто устойчивее, чем *ō*, во всяком случае, в приведенных цифрах пределы ее сокращаемости несколько меньше, чем у *ō*, следовательно, опять-таки и в этом фонетическом положении выступает та же закономерность, что наблюдалась и для *ī* и *ē* (стр. 32). Приведенные средние для фонемы *u* показывают малую зависимость ее длительности от влияния окружающих согласных, так как в соседстве с глухими смычными засвидетельствована бо́льшая длительность, чем в 1-м положении. Длительность *u* больше зависит от темпа речи. Так, длительность *u* в слове *gūdān* засвидетельствована в трех разновременных записях со следующими средними: 16.9(3), 15.8(2) и 10.0(2), т. е. диапазон нормальной длительности *u* составляет 8σ (между 17 и 10σ). В эти же пределы попадает и длительность *u* в слове *šūtī*, средняя длительность которого 16.9σ представляет результат одной записи. Несомненно, что другие записи могли бы дать для того же слова

длительность *и* в 10σ. Таким образом, для *и*, в случаях необходимости еще более резкого противоположения долгим, всегда возможно сокращение до 10σ в пределах нормального звучания.

Неударенный слог

<i>ū</i>	<i>ō</i>	<i>u</i>
1) <i>zūrīt</i> 21.3 (8)	1) <i>rōdā</i>	1) <i>gurānd</i> 10.6 (9)
<i>dūrī</i> 23—20	<i>rōgīn</i> 20.9 (11)	<i>gujā</i> 13—7
<i>tūrāg</i> 23—20	<i>mōzāg</i> 22—18	<i>gusīn</i> 16—6
2) <i>būtā</i>	<i>bōrīt</i> 26—15	<i>uqē</i>
<i>tūlā</i> 20.6 (14)	<i>mōīnk</i>	2) <i>dučār</i>
<i>čūd'g</i> 24—19	<i>sōgīnd</i>	<i>dukārč</i> 10.3 (10)
<i>sūčēn</i> 27—16	2) <i>gōkān</i>	<i>kušīn</i> 13—8
	<i>nōkēn</i> 20.6 (12)	<i>šutā</i> 14—8
	<i>kōnāg</i> 22—18	<i>učōr</i>
	<i>lōtīt</i> 26—15	3) <i>xudā</i> 6.6 (3)
		7.4—5.7
		С усилением со-
		гласной:
		<i>dukkān</i> 10.3 (4)
		<i>kuṭṭīt</i>
		12.8—7.5

Из приведенных цифр видно, что, как и в предшествующем фонетическом положении, количественное противоположение фонемы *и* обоим долгим выражено совершенно отчетливо. Засвидетельствован лишь один случай совпадения *и* с фонемой *ō* в крайних вариантах длительности (в 1-м фонетическом положении). Типовая же их длительность отстоит друг от друга на 4σ. Соотношение всех трех гласных остается, таким образом, аналогичным предшествующему фонетическому положению при некотором общем сокращении абсолютной длительности всех трех гласных. Для фонемы *ō* наблюдается по приведенным данным несколько бóльшая сокращаемость по сравнению с фонемой *ū*, что может быть объяснено уже излагавшимися причинами разных качественных отношений обеих долгих фонем к фонеме *и*.

б) В исходе слова

<i>ū</i>	<i>ō</i>	<i>u</i>
<i>tū</i> 36.8 (6)	<i>kō</i> 34.0 (5)	<i>du</i> 33.8 (6)
<i>jū</i> —	<i>gō</i> —	<i>nu</i> —
<i>gū</i> 46—32	41—30	40—30

Как видно из приведенных цифр, в абсолютном ударенном исходе фонема *и* имеет чрезвычайно протяженное звучание, почти не отличающееся от *ū* и *ō*. Качественно она совпадает с фонемой *ō*. В результате, для абсолютного исхода слова трудно говорить о различении фонем *ō* и *и*. Возможно, что фонологически в приведенных словах воспринимается *ō*. Тогда мы имеем дело с чередованием фонем. Повидимому, в абсолютном ударном исходе односложных слов фонемы *ō* и *и* очень слабо противопологаются друг другу.

Исходное ударенное *ū* в двусложном слове значительно короче (средняя длительность в слове *kadū* 26.8(2)) и в общем равно по длительности фонемам *ā*, *ī* и *ē* в аналогичном положении. Для исходных *ō* и *и* в двусложном слове данных нет.

В неударенном исходном слоге гласные *ū*, *ō* и *u*, повидимому, вовсе не встречаются, что, может быть, связано с тем, что ни одна из этих фонем не несет на себе какой-либо грамматической нагрузки, т. е. не является морфемой.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ В ОДНОСЛОЖНОМ СЛОВЕ ПЕРЕД ДВУМЯ СОГЛАСНЫМИ

В предшествующем изложении длительность гласных в односложном слове рассматривалась только в положении перед одним согласным. Для слога, закрытого двумя согласными, записей очень мало, но все же по ним можно видеть, что гласные в этом положении могут сильно сокращаться. Для кратких гласных уже приводились соответствующие цифры, которые показывали их сильное сокращение перед удвоенным согласным.

Ниже приводятся все данные, имеющиеся для этого фонетического положения. Записи К. и здесь дают максимальную длительность.

	К.		Н.		М.
<i>ā zānt</i>	31.4 (2)		—		—
	32—30				
<i>i dist</i>	34.1 (12)		—		—
	43—23				
<i>ō dōnk</i>	27.8 (2)	<i>gōšt</i>	17.4 (10)	<i>dōnk</i>	29.9 (2)
	34—22	<i>dōšt</i>	22—15		34—25
<i>ē prēnt</i>	27.6 (2)		—	<i>prēnt</i>	17.5 (1)
	29—27				
<i>ū</i>	—		—	<i>zūrt</i>	20.9 (3)
					22—20
<i>a šart</i>	17.7 (7)		—	<i>dast</i>	15.0 (4)
<i>akl</i>	19—14				16—14
	19—14				
<i>i mnind</i>	11.0 (2)		—		—
<i>u burt</i>	20.0 (1)	<i>bust</i>	13.2 (7)	<i>prušt</i>	17.4 (2)
			15—12		17—17
			15—12		

Для долгих гласных из сравнения всех записей видно, что они могут быть и весьма долгими, приближаясь к их длительности в слоге, закрытом одним согласным (записи К. для *ā* и *i* и запись М. для *ō*), но могут и очень сильно сокращаться (запись Н. и М.). Даже максимально долгое произношение К. для гласного *i* дает диапазон сокращаемости до 22σ, что совершенно не характерно для долгих гласных в слогах, закрытых одним согласным. Повидимому, в данном положении долгие гласные имеют наиболее широкий диапазон по длительности, которая определяется отчетливостью речи.

Для кратких гласных характерно, повидимому, обязательное сокращение, но оно не такое сильное. В результате, оказывается возможным очень большое сближение длительности долгих и кратких гласных (ср. длительность *u* и *ō* в записях Н. и К. и длительность *u*

и $\bar{u}$ в записях М.). Таким образом, данное фонетическое положение не является вполне благоприятным для количественного противопоставления гласных.

БЕЛУДЖСКИЙ ВОКАЛИЗМ В ЦЕЛОМ

Изложенный материал позволяет выделить следующие основные черты, характеризующие систему белуджского вокализма.

1. Белуджские гласные делятся на долгие ($\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{u}$) и краткие (a , i , u), составляя следующие противопоставляющиеся пары и группы

фонем: $a - \bar{a}$; $i \begin{matrix} \nearrow \bar{i} \\ \searrow \bar{e} \end{matrix}$; $u \begin{matrix} \nearrow \bar{u} \\ \searrow \bar{o} \end{matrix}$.

2. Внутри обеих групп гласные противопоставляются между собой качеством, различаясь по ряду, подъему и участию губ.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

3. Группа долгих гласных с качественной стороны характеризуется следующими общими для нее признаками.

а) Долгие качественно устойчивы и имеют узкий диапазон изменчивости. Фонемы $\bar{e}$ и $\bar{o}$ в сравнении с другими долгими имеют несколько больший диапазон (по признаку подъема) и могут быть дифтонгоидными.

б) Долгие являются напряженными и, следовательно, полнозвучными; полнозвучность сохраняется на всем протяжении их звучания.

в) Сила их (сила воздушной струи) тоже равномерна и слабее, чем при артикуляции кратких гласных.

4. По признаку длительности долгие гласные имеют большой диапазон: их нормальная длительность колеблется между 35 и 16σ в зависимости от фонетического положения и темпа речи. Длительность долгих гласных зависит главным образом от характера слога (закрытый или открытый) и его места в слове. Ударение на длительность долгих влияет мало.

5. Факторами, удлиняющими гласный, являются: односложность слова, открытый слог, исходное положение слога (для закрытых слогов), наличие ударения. Факторами, сокращающими гласный, являются: двусложность слова, закрытый слог, начальное положение слога (для закрытых слогов), отсутствие ударения.

Помимо положения в слове, на длительность долгих гласных могут влиять окружающие согласные. Влияние их разнообразно, но приближенно все согласные можно разделить на 2 группы по степени их влияния: 1) все звонкие и глухие щелевые удлиняют (или не сокращают) гласный, 2) глухие смычные и увулярные щелевые x и γ сокращают гласный. Как меняется в соответствии с различным сочетанием этих факторов длительность долгих гласных, можно видеть по приведенной таблице длительности гласных (стр. 44—45).

6. Из группы долгих гласных менее протяженными и более способными к сокращению являются гласные $\bar{u}$ и $\bar{o}$. Из фонем $\bar{a}$, $\bar{e}$ и $\bar{i}$ более устойчивой (менее сокращающейся) является $\bar{a}$.

7. Наиболее близкими по качеству фонемами в группе долгих являются пары $\bar{i} - \bar{e}$ и $\bar{u} - \bar{o}$. Фонемы $\bar{e}$ и $\bar{o}$, будучи узкого образования, могут

Сводная таблица длитель¹

		Д о л г и е г л а с н ы е							
		а		і		е			
		1	2	1	2	1	2		
Односложное слово	Открытый слог	34.5(5) — 37—30		40.5(6) — 46—35		36.6 — 43—31			
	Закрытый слог	34.0(26) 36—31 44—28	30.1(22) 34—29 43—27	40.1(7) — 43—36	38.4(10) 40—36 43—34	36.0(16) 39—34 40—32	34.8(13) 39—30 43—27		
Д в у с л о ж н о е с л о в о	открытый слог	второй слог (в исходе)	ударенный	28.9(14) 31—27 33—23	26.4(16) 28—24 31—23	27.0(8) — 30—24	28.1(4) — 30—26	28.1(3) — 32—24	—
			неударен- ный	16(2) — 18—15	—	—	15.8(64) 19—11 23—10	25.0(8) 28—20 32—16	21.7(43) 28—16 32—16
		первый слог	ударенный	27.3(14) 29—25 31—23	25.7(8) 27—24 30—23	25.0(6) 28—24 28—21	—	25.8(9) 28—24 31—21	—
			неударен- ный	25.3(18) 28—23 28—22	21.1(10) 24—19 24—19	22.3(10) 27—20 27—20	21.5(4) — 23—20	23.3(9) 27—19 30—16	20.9(10) 26—18 26—18
	закрытый слог	второй слог	ударенный	27.3(21) 30—23 34—22	21.9(12) 24—20 27—17	24.4(15) 28—19 32—19	23.6(14) 27—19 28—19	26.3(10) 28—25 32—23	25.2(7) 27—22 29—22
			неударен- ный	25.3(3) — 26—25	—	—	—	—	—
		первый слог	ударенный	23.4(9) 25—18 28—17	—	22.8(12) 27—19 32—18	—	25.2(6) 27—22 30—22	—
			неударен- ный	21.8(15) 24—18 25—17	21.9(4) — 25—17	—	—	—	16.0(8) 18—15 18—13

Примечание. В столбце под цифрой 1 помещены данные 1-го фонетического тического положения (в соседстве с глухими смычными). Первый ряд цифр в каждой второй ряд — типовую длительность и третий ряд — крайние отклонения длительности.

Д о л г и е г л а с н ы е				К р а т к и е г л а с н ы е					
и		о		а		і		у	
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
36.8(6) — 46—32		34.0(5) — 41—30		32.2(2) — 33—31		—		33.8(6) — 40—30	
30.8(7) 33—27 34—27	28.2(11) 31—25 31—25	30.8(27) 33—28 34—25	28.2(16) 32—25 35—25	23.7(15) 25—20 28—20	20.8(8) 25—15 27—15	22.3(8) 23—19 27—19	—	21.8(4) — 23—20	18.4(10) 21—16 21—15
—	—	—	—	23.7(7) — 26—20	21.3(62) 24—18 27—15	—	—	—	—
—	—	—	—	11.0(2)	—	—	9.4(4) 13—7	—	—
28.8(2) — 31—27	24.9(6) 26—22 32—22	27.2(12) 29—23 31—23	25.5(6) 26—21 31—21	—	16.2(8) 18—13 19—10	—	11.4(4) — 13—10	14.0(9) 17—10 19—9	16.9(2) — 18—16
21.3(8) 23—20 23—20	20.6(14) 24—19 27—16	20.9(11) 22—18 26—15	20.6(12) 22—18 26—15	13.4(8) 13—11 17—9	9.5(22) 12—7 15—6	13.0(10) 15—10 18—7	11.3(8) 13—9 15—9	10.6(9) 13—17 16—6	10.3(10) 13—8 14—8
25.6(15) 29—21 32—21	—	25.7(4) — 28—24	—	18.7(19) 21—17 21—13	—	16.7(15) 19—13 22—11	14.2(6) 15—13 15—13	15.3(4) 16—13 20—13	12.8(11) 13—9 20—9
—	—	—	—	—	12.8(2) — 13—12	—	—	—	11.0(40) 14—8 18—5
18.3(11) 20—16 23—16	—	20.2(6) 23—18 23—18	19.2(8) 20—18 25—18	20.2(7) 20—16 24—16	18.8(2) — 19—18	11.5(12) 15—10 19—6	11.5(8) 15—7 21—7	15.1(5) 17—12 17—12	14.8(10) 17—12 17—8
—	—	16.0(9) 17—14 22—14	14.5(8) 16—11 18—11	15.9(12) 18—14 21—12	10.9(7) 12—9 14—8	12.2(8) 14—8 16—8	9.3(5) — 12—6	10.2(22) 13—8 14—7	8.9(10) 12—8 12—7

положения (в соседстве со звонкими и глухими щелевыми), под цифрой 2 — 2-го фонетического положения (в соседстве со звонкими и глухими щелевыми), под цифрой 2 — 2-го фонетического положения означает среднюю длительность (в скобках указано количество измерений), Черточка в клетках обозначает, что для этого фонетического положения данных нет.

чрезвычайно сближаться с фонемами *i* и *ū* (соответственно), что происходит преимущественно в открытых слогах и что ведет иногда к их смешению и возникновению дублетов: *pēkō* || *pēkī* 'дядя', *ḍē* || *ḍī* 'что'.

8. Гласные *ū* и *ō*, повидимому, вовсе не встречаются в безударном исходе слова. Это, вероятно, связано с тем, что *ū* и *ō* не выступают в роли морфем, а безударные долгие в исходе встречаются в белуджском обычно в служебных морфемах, а не в составе корневых морфем. Фонема *ū* редко встречается в безударном первом закрытом слоге, где она, повидимому, закономерно может заменяться фонемой *u*.

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

9. Группа кратких гласных с качественной стороны характеризуется следующими общими чертами.

а) Краткие гласные имеют широкий качественный диапазон; фонемы *i* и *u* артикулируются на диапазоне почти четырех ступеней подъема (между 5-й и 3-й) от «*i*» до «*e*» и от «*u*» до «*o*». Для фонемы *u* «*o*»-образный вариант становится основным, распространяясь на большинство фонетических положений. В пределах ряда наблюдаются лишь незначительные отклонения: фонема *i* при сильном сокращении рядом с заднеязычными и увулярными может несколько продвигаться назад («*zardé_k*» 'морковь', «*xī_zmāt*» 'услуга'). Фонема *a* колеблется как по ряду, так и по подъему: от нижнего подъема смешанного (нейтрального) ряда (вариант «*a*») до 3-го подъема переднего ряда (вариант «*e*»).

б) Краткие являются ненапряженными и артикулируются при сильной воздушности. Малая напряженность органов речи при сильной воздушности делает гласные более шумными, что затемняет их тон. Воздушность может быть настолько сильной, что в некоторых случаях (в исходе слова) гласный может иметь как бы придыхательность, т. е. сопровождаться шумом воздушной струи при прекращении работы голосовых связок. При сильном сокращении гласных (ниже 10σ) возможно их полное оглушение в положении перед глухими. При сравнительно долгом звучании (свыше 18σ) краткие гласные более полновочувствительны, имеют меньше шума и могут быть равны по сонорности и отчетливости звучания долгим гласным. Гласный *a* по сравнению с *u* и *i*, как правило, более отчетлив и имеет меньше шума. Случаи полного оглушения засвидетельствованы только для гласных *u* и *i*.

10. По признаку длительности краткие гласные тоже имеют широкий диапазон, их нормальная длительность колеблется от 25 до 7σ в зависимости от фонетического положения.

В отличие от долгих, ударение влияет на длительность кратких значительно сильнее и является одним из главных факторов, изменяющих их длительность. Также в отличие от долгих, не меняющихся по длительности в исходе, абсолютный исход слова под ударением заметно удлиняет краткие гласные. Характер же слога и его место в слове в противоположность долгим не имеют заметного влияния на длительность кратких. Минимальная длительность кратких гласных падает на безударное положение (см. таблицу на стр. 44—45).

11. Фонема *a* с количественной стороны более протяжна и более устойчива, чем *i* и *u*, что особенно сказывается в закрытых слогах двусложного слова. В двусложном слове фонемы *u* и *i* вообще очень кратки и даже под ударением не растягиваются заметно. Если сред-

няя длительность ударенного *a* в двусложном слове превышает 20σ, то средняя длительность *и* и *і* не достигает 17σ.

12. Редукция не характерна для кратких гласных. Длительность меньше 8σ редка даже для фонем *і* и *и*, а такая длительность достаточна для сохранения их качественной определенности.

13. Поэтому все три краткие отчетливо противоплагаются друг другу. Случаев их смешения не засвидетельствовано.

14. Гласные *і* и *и* очень редко встречаются в исходе слова. При этом в ударном абсолютном исходе они растягиваются и могут сливаться соответственно с фонемами *ē* и *ō*.

15. Краткие гласные часто имеют после себя удвоение согласных, особенно щелевых. При удвоении последующего согласного гласный значительно сокращается.

СООТНОШЕНИЕ ДОЛГИХ И КРАТКИХ ГЛАСНЫХ

16. Противоположение долгих и кратких идет по двум признакам: количеству и качеству. В тех фонетических положениях, где количественный признак, благодаря сокращению долгих или растяжению кратких, ослабляется, качественное противоположение выступает на первый план.

17. Наиболее благоприятными положениями для сохранения количественного противоположения долгих и кратких являются открытые слоги (как ударные, так и безударные) в начале и середине слова; менее благоприятны закрытые слоги, особенно первые слоги двусложного слова, где долгие чрезвычайно сокращаются, а краткие могут сохранять свою длительность. Также весьма неблагоприятным положением для количественного различия обеих групп гласных является ударный исход слова, где долгие не удлинняются заметно, а краткие могут сильно растягиваться.

18. В этих последних положениях при противоположении фонем *ā* и *a* качественный признак выявляется как главный. Длительность *ā* и *a* здесь может не различаться. При противоположении двух других кратких своим долгим парам качественный признак недостаточен, так как обеим кратким противостоят сразу две долгие, и, отличаясь по качеству от одной из них, тем самым краткая совпадает или сильно сближается с другой.

19. Поэтому совпадения длительности обеих кратких *і* и *и*, в отличие от *a* с их долгими парами, нормально не наблюдается. Необходимость постоянного количественного разграничения кратких *і* и *и* с их долгими парами ведет к более краткому их звучанию по сравнению с *a*.

20. Поскольку слабым положением для сохранения длительности долгих являются закрытые слоги, то из фонем *ī*, *ē* и *ū*, *ō* большую устойчивость в этом положении проявляют фонемы *ē* и *ō*, так как в закрытых слогах противостоящие им краткие в большинстве случаев качественно близки к ним («е»- и «о»-образны), отчего разграничение их длительности важно для их различения.

21. Ослабление же или стирание признака длительности при противоположении *і* и *и* долгим приводит к смешению той или иной краткой и долгой фонемы.

Если совпадение в длительности происходит благодаря удлинению краткой, то краткая переходит в долгую (в ту, с которой она сближается качественно). Это закономерно происходит в ударном исходе слова, где краткие, имея максимальную длительность, совпадают

с длительностью долгих. А так как краткие в этом положении имеют открытое звучание, то они и совпадают соответственно с фонемами $\bar{o}$ и $\bar{e}$. Выходит, что в абсолютном исходе противоположение фонем $i - \bar{e}$ и $u - \bar{o}$ не актуально: фонемы i и u перед паузой сливаются с фонемами $\bar{e}$ и $\bar{o}$. Отсюда возможны чередования исходной фонемы в таких словах, как *du* || *dō* 'два', *u* || $\bar{o}$ союз соединительный. Если пауза во фразе после этих слов сильнее, то возникает фонетическое положение, тождественное абсолютному исходу, тогда мы имеем фонему $\bar{o}$; если паузы нет, возникает фонетическое положение, тождественное открытому слогу в середине слова, тогда имеем фонему u . Отсюда возможны такие случаи, как *gušt-ō* | *šut* 'сказал и ушел' и *man-u ta* (без паузы) 'я и ты'.

Если совпадение в длительности происходит благодаря сокращению долгой, то она переходит в соответствующую краткую. Такое совпадение долгих с краткими может происходить в закрытом первом слоге, особенно безударном, где долгие максимально сокращаются, при этом фонемы i и $\bar{u}$ сильнее, чем $\bar{e}$ и $\bar{o}$ (см. пункт 20). Имея малую абсолютную длительность (16—14с), фонемы i и $\bar{u}$ могут терять напряженность, приобретать шумность, несколько расширяться и, сближаясь качественно с соответствующей краткой фонемой, могут переходить в нее. Более характерен такой переход для фонемы u ($\bar{u} > u$). Повидимому, для неударенного закрытого слога вообще нет обязательного произношения $\bar{u}$, наличествует либо дублетное произношение (*ūrdū* || *urđū*), либо полный переход в u (*zūrtun* || *zūrtun*, но *zurtā*). Во всяком случае, обращает на себя внимание крайняя скудость примеров, которые можно подобрать на положение i и $\bar{u}$ в первом закрытом слоге. Аналогичные случаи смещения $\bar{u}$ и u возможны в слогах, закрытых двумя согласными при сильном сокращении $\bar{u}$ (*būnd* || *bund*).

22. Для смещения фонем $\bar{a}$ и a в аналогичных положениях фонетических предпосылок значительно меньше: помимо различия в напряженности звучания $\bar{a}$ и a при совпадении их длительности, выступает противоположение их по ряду: a становится более передним, $\bar{a}$ более задним. Возможность смещения $\bar{a}$ и a здесь, правда, все же имеется, но только в тех случаях, когда влияние окружающих согласных мешает a продвигаться вперед (*katrá* > *kātrā*), а фонеме $\bar{a}$ отодвигаться назад (*pač* > *pač*).

23. Существенно отметить, что противоположение кратких и долгих по длительности сопровождается добавочным признаком — полнотой и чистотой звучания (для долгих) и примесью шума с некоторым затемнением тона (для кратких). Краткий и долгий могут быть одной длительности и одного качества (по ряду, подъему и участию губ), но они могут различаться чистотой своего звучания. И только когда долгие сильно сокращаются, теряя полноту и чистоту звучания, или когда краткие удлиняются, приобретая полноту и чистоту звучания, оказывается возможным их совпадение. Таким образом, напряженность или ненапряженность гласного является при противоположении долгих и кратких хотя и сопровождающим, но все же существенным признаком.

24. В итоге, соотношение белуджских долгих и кратких может быть выражено следующим образом.

Краткий нижнего подъема $a/\text{æ}$. Противопоставляется долгому нижнего подъема $\bar{a}$. В их противоположении:

а) признак длительности является достаточным или единственным только в открытых слогах в начале и середине слова;

б) признак длительности является доминирующим, но не всегда достаточным в следующих закрытых слогах: в односложном слове и в неударенном втором слоге двусложного слова;

в) признак длительности равноправен с признаком качественным (их роль в каждом отдельном случае определяется влиянием окружающих согласных, а также темпом речи) в следующих закрытых слогах: в ударенном втором слоге и в безударном первом слоге двусложного слова;

г) признак длительности является необязательным, сопровождающим качественно различающиеся $\bar{a}$ и a , в закрытом ударном слоге двусложного слова и в ударном исходе слова (как двусложного, так и односложного).

Краткий переднего ряда i/e . Противопоставляется двум долгим: $\bar{i}$ и $\bar{e}$. Качественно (по подъему) может совпадать с обеими долгими (в зависимости от фонетического положения, — то с одной, то с другой), так как имеет широкий качественный диапазон. Постоянная возможность качественного совпадения то с той, то с другой фонемой делает признак длительности обязательным для всех фонетических положений. В тех случаях, когда признак длительности стирается, происходит смещение одной из долгих с краткой или смещение краткой с одной из долгих.

Краткий заднего ряда u/o . Противопоставляется двум долгим заднего ряда $\bar{u}$ и $\bar{o}$. Его соотношение с долгими вполне аналогично отношению i/e к своим долгим, но со следующими особенностями. Фонемы $\bar{u}$ и $\bar{o}$ несколько короче фонем $\bar{i}$ и $\bar{e}$, что приводит к более легкому совпадению фонемы $\bar{u}$ при ее максимальном сокращении в закрытом первом слоге с фонемой u ; фонема $\bar{o}$, как и фонема $\bar{e}$, здесь более устойчивы количественно, чем $\bar{i}$ и $\bar{u}$.

КОНСОНАНТИЗМ

Белуджский консонантизм может быть представлен в следующей таблице:

			Губо- губные	Дорсаль- ные и апикаль- ные	Ретро- флекс- ные	Средне- язычные	Задне- язычные	Уву- лярные
Шумные	смычные	простые	p b	t d	ʈ ɖ		k g	
		аффрикаты		ʈʈʰ ɖɖʰ				
	щелевые	однофокус- ные		s z				x ɣ
		двухфокус- ные		ʂ ʐ				
Сонанты			w			y		
	носовые		m	n → ɳ				
	боковые			l				
	дрожашие			r				

Примечание. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен. Стрелка указывает произносительный диапазон фонемы n .

ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Всего белуджский консонантизм насчитывает 22 фонемы. Из них три фонемы — щелевые *ž*, *x* и *ɣ* — имеют в языке ограниченное употребление. Фонема *ž* встречается в крайне небольшом количестве слов, как это имеет место в таджикском и персидском языках.

Зарегистрированные слова с фонемой *ž* составляют очень небольшой список, который можно здесь привести целиком:

<i>žand</i>	усталый
<i>aždiyā</i>	дракон
<i>mužžúk</i>	скупой
<i>aždā</i>	восемнадцать
<i>mažž</i>	название болезни (эпилепсия?)
<i>žapitin</i>	побить
<i>žamitin</i>	итти дождю (сильному)
<i>ižžág</i>	свист

Что касается обеих веллярных щелевых *x* и *ɣ*, то они употребляются почти исключительно в заимствованных словах персидского, арабского и тюркского происхождения.

Примеры

<i>x</i>		<i>ɣ</i>	
<i>xirs</i>	медведь	<i>ɣand</i>	сахар
<i>xōrák</i>	пища	<i>ɣussā</i>	тоска
<i>buxār</i>	пар	<i>aɣd</i>	договор
<i>yaxbānd</i>	мороз	<i>saɣír</i>	сирота
<i>xarāb</i>	разрушенный	<i>yāɣút</i>	жемчуг
<i>xidmāt</i>	услужение	<i>ɣazāb</i>	гнев
<i>sabāx</i>	урок	<i>tēɣ</i>	кинжал
<i>šax</i>	трещина	<i>ɣalɣāl</i>	шум

Обращает на себя внимание весьма редкое употребление фонемы *ɣ* в исходе слова. Помимо приведенного слова *tēɣ*, заимствованного из персидского языка (белуджское слово „кинжал“ — *zām*), можно лишь с большим трудом отыскать примеры с фонемой *ɣ* в исходе: *buɣ* ‘выпуклость’, *juɣ* ‘ярмо плуга’. В большинстве же случаев персидское *ɣ* и арабские *ɣ* и *q* в исходе передаются в белуджском фонемой *x*: *sabax* (|| арабск. سَبَقُ) ‘урок’, *šax* (|| арабск. شَقْ) ‘трещина’, а иногда и фонемой *k*: *alk* (|| арабск. حَلَقْ) ‘община’. Существенно, что в тех словах иранского происхождения, в которых в персидском и таджикском языках закономерно имеем увулярное *ɣ* (*boɣ* ‘сад’, *raɣɣan* ‘масло’), белуджский язык имеет смычный *g*: *bāg*, *rōgin*. Таким образом, фонема *ɣ* в белуджском языке, повидимому, представляет собой заимствование.

Фонема *x* употребляется несколько чаще, но опять-таки по большей части в заимствованных словах. Существенно, что она и в них не всегда представлена (в начале слова): *abar* (|| арабск. حَبَرُ) ‘речь’, слово, *alk* (|| арабск. حَلَقْ) ‘община’, ‘мир’. В тех случаях, где персидское *x* отражает историческое *x^w*, белуджский язык закономерно дает *w*: *wāntin* ‘читать’, *wat* ‘сам’, *wartin* ‘есть’, *wartin* ‘спать’. В других случаях в иранских словах начальное *x* отсутствует вовсе:

ušk 'сухой' (|| перс. خشک), *urtēn* 'мелкий' (|| перс. ریز). Таким образом, и фонема *x*, будучи несколько более употребительной, чем фонема *ɣ*, все же не столь органически входит в язык, как остальные согласные, и обе фонемы *ɣ* и *x* могут служить признаком заимствованного слова.

С фонетической стороны обе фонемы являются щелевыми велярными, артикулируемыми с малой энергией, отчего *x* не сопровождается характерным для увулярного хрипом и поэтому может сближаться на слух с заднеязычным *x*. При артикуляции обеих фонем *x* и *ɣ* при сближении артикулирующих органов корень языка играет активную роль, как и мягкое нёбо, отчего белуджские *x* и *ɣ* можно было бы назвать также глубоко-заднеязычными. Фонема *ɣ*, благодаря слабости артикуляции, имеет малую примесь шума, являясь скорее сонорным, чем шумным звуком. В тех случаях, когда она встречается в исходе слова, она не оглушается. Перед глухими согласными и после любого согласного в исходе слова фонема *ɣ* не встречается вовсе, в этих случаях на месте этимологических *ɣ* и *q* имеем в белуджском фонемы *x* или *k*: *waxt* 'время', *ɣark* 'погружение', *alk* 'община'.

Как видно из сказанного, диапазон фонемы *ɣ* неширок — это щелевой звонкий велярный со слабым шумом, что сильно отличает белуджское *ɣ* от персидского увулярного *g*, имеющего чрезвычайно широкий диапазон: от полуглухого (а в некоторых случаях совсем глухого) смычного «*g*» до полнозвонкого спиранта «*ɣ*» через разные степени аффрикации. Именно поэтому в белуджских заимствованиях из персидского фонемой *ɣ* передаются лишь сильно аффридированные или щелевые полнозвонкие варианты персидского *g*, которые характерны главным образом для интервокального положения и в меньшей степени — для начала слова. Остальные варианты персидского *g*, в которых преобладает элемент смычки над щелью или глухость над звонкостью, передаются в белуджском соответственно фонемами *g*, *k* и *x*. В результате, имеем передачу персидского *g* в белуджском четырьмя фонемами: *akl* || *agl* (перс. «*agl*») 'разум', *ɣasr* || *kasr* (перс. «*qasr*») 'замок', *sabāx* (перс. «*sabāɣ*») 'урок', *aɣd* (перс. «*aɣd*») 'договор', *yaɣūt* (перс. «*yaɣūt*») 'рубин'.

Отражение этимологического *q* в белуджском может указать на источник заимствования. Так, при передаче *q* в белуджском фонемой *ɣ* или *g* можно без сомнения говорить о заимствовании через персидское посредство, так как тюркское посредство или непосредственное заимствование у арабов дало бы *k* (реже *x*).

Помимо рассмотренных трех щелевых, так или иначе ограниченных в употреблении, белуджский язык располагает лишь пятью щелевыми: *s*, *z*, *ʃ*, *w*, *y*.

Два последних представляют собой сонанты: губо-губной и средней язычный. Фонема *w* артикулируется обычно с плоской щелью, без округления губ. Обе фонемы сонорны во всех фонетических положениях, но особенно в исходе слова и в середине слова перед согласными, где они настолько сонантизуются, что фонетически представляют собой неслоговые гласные: «*u*» или «*o*» (для *w*) и «*i*» или «*e*» (для *y*), составляя с предыдущим гласным фонетический дифтонг: «*rao*» 'ход', «*raot*» 'идет', «*jao*» 'ячень', «*ɬao*» 'способ', 'образ', «*saraæi*» 'головной', «*rawæi*» 'ты идешь», «*æib*» 'вина', 'грех', «*sæil*» 'рассмотрение', 'обозрение'. Оба дифтонга не представляют фонологического единства, т. е. не являются фонемами: попадая в положение перед гласным, они распадаются на составляющие их фонемы: «*rao*» 'ход', но «*ra-want*» они

идут', «dæi» 'дай', но «da-yæi» 'ты даешь' и т. д. Однако частые дифтонгичные сочетания фонем *w* и *y* с предшествующим гласным создают предпосылки для слияния обоих элементов дифтонга в одно целое, т. е. для стяжения обоих дифтонгичных сочетаний в соответствующий долгий гласный: «aɔ» > *ō*, «æɪ» > *ē*. В быстрой речи составные элементы дифтонга еще больше уподобляются друг другу фонетически: в первом дифтонге «а» получает огубленность, а «Ф» ослабевает, так что возникает дифтонгоид «ɔʷ». Во втором дифтонге сильно сужается первый элемент с аналогичным ослаблением второго: получается дифтонгоид «e¹». Такое произношение может возникать при быстрой речи в часто употребляемых словах и морфемах: «de¹in» (фонологически *da(y)in*) 'я дам', во флексии родительно-притяжательного падежа -*ay*: «kūtege¹ta» (фонологически *kūtigayta*) 'в арбузе', «pādšāye¹» (фонологически *pādšā(y)ay*) 'царский', «ar dɔ¹lē» (фонологически *dawlē*) 'любим способом'. При более отчетливом произношении, как уже говорилось, восстанавливается полная артикуляция, однако в словах часто употребляемых и особенно заимствованных, не имеющих этимологических связей, дифтонгоидные варианты быстрой речи могут по своему фонетическому сходству совпасть с долгими *ō* и *ē* (которые тоже могут произноситься дифтонгоидно, особенно *ō*: «go¹k» 'корова') также и фонологически. В результате, возникают дублеты: *dawl* || *dōl* 'способ'. Однако факты такого завершившегося стяжения отмечены только для сочетания -*aw*; сочетание -*ay* более устойчиво фонетически (вариант «e¹»), так как оно обычно возникает лишь либо во флексии, либо на стыке флексий (*pādšā(y)ay*, *dayin* > «pādšāye¹, de¹in»), т. е. в тех случаях, когда оно несет морфологическую нагрузку, что и препятствует стяжению его в другую фонему. Внутри же корневой морфемы вариант «e¹» не возникает даже в быстрой речи, где первый элемент не превышает подъема «æ» («sail || sæil»).

Оба сонанта *w* и *y* используются в языке также в функции вставочных звуков между гласными: *w* перед гласными заднего ряда, а также перед *a* и *ā*; *y* перед гласными переднего ряда, а также перед *a* и *ā*: *čē an* || *čēwan*? 'что это?' *bē asāā* || *bē asāwā* 'без посоха', *āi* || *āyi* 'его', *rain* || *rayin* 'я иду'. Сонанты *y* и *w* также могут появляться в начале слова, — первая перед фонемой *ē*, вторая перед *ō*, — усиливая их и создавая их шумные варианты: *ēr* || *yēr* 'остановка', *ēši* || *yēši* 'его', *ē* || *yē* 'этот', *wōš* || *ōš* 'рассудок', *wōrk* || *ōrk* 'пустой'. В обеих этих функциях в белуджском языке может быть использован и звук *h*, самостоятельного фонологического значения не имеющий: *musluhat* || *muslaat* 'совещание'.

Фонемы *s* и *z* являются дорсальными, образующимися с круглой щелью. Фонема *s* ничем не отличается от русского *s*; фонема *z* артикулируется с меньшим шумом по сравнению с русским *з*, представляя собой, таким образом, более сонорный звук. Фонема *z*, как и *ʔ*, в исходе не теряет звонкости вовсе, а может даже сохранять сонорность. Вообще фонема *z* является согласным слабым, со значительно меньшей воздушностью по сравнению с *s*.

Фонема *ʃ* — двухфокусный щелевой со вторым средним фокусом, однако, отодвинутым назад, так что акустическое впечатление от белуджского *ʃ* (и звонкой его пары *ʒ*) не дает такой мягкости, как персидское или таджикское *ʃ*. Кончик языка имеет апикальное положение.

СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Смычные в белуджском языке следующие: губные *p* и *b*, переднеязычные дорсальные *t* и *d*, переднеязычные ретрофлексные *ʈ* и *ɖ*, заднеязычные *k* и *g*. Специфическими для белуджского языка являются ретрофлексные *ʈ* и *ɖ* (противопологающиеся дорсальным *d* и *t*: *ɖigar* 'земля' и *digar* 'другой'), не встречающиеся в других языках, причисляемых к западной группе. Употребление обеих фонем в языке весьма широкое, они встречаются в большом количестве слов и в любых фонетических положениях, но, повидимому, исключительно в заимствованных словах.

Примеры

<i>t</i>			<i>d</i>
<i>ʈok</i>	шутка	<i>gaɖɖág</i>	семена
<i>lōʈtín</i>	хотеть	<i>kaɖɖúk</i>	жук
<i>kūʈig</i>	дыня	<i>lēɖa</i>	верблюд
<i>tū</i>	большой	<i>gúɖān</i>	потом
<i>ʈap(p)</i>	рана	<i>ɖang</i>	комар, мошка
<i>ʈik(k)</i>	точка	<i>aɖb-ndī</i>	перевязка
<i>tēk</i>	разбойник	<i>aɖprōš</i>	ломота
<i>liʈ(t)ik</i>	хвост	<i>aɖɖ</i>	кость
<i>kuʈ</i>	бронза	<i>baɖɖ</i>	ноша на спине
<i>l. ʈ</i>	палка	<i>ɖōnk</i>	комок земли
<i>wōʈi</i>	верблюд	<i>ōɖāl</i>	слабый

Фонетически обе фонемы характеризуются следующим образом. Артикулируются обе фонемы на твердом нёбе кончиком языка при его преимущественно ретрофлексном (загнутом назад) положении. Однако последнее обстоятельство не является обязательным: обе фонемы могут артикулироваться и при какуминальном положении кончика языка, но обязательно выше альвеол. Глухая фонема *ʈ* всегда аффрикативна, особенно в интервокальном положении, где на русский слух она может напоминать иногда твердое ч. Звонкая фонема *ɖ* имеет широкий диапазон звучания, артикуляционная основа которого заключается в различных силе и характере смычки. Фонема *ɖ* может быть полносмычной с мгновенной смычкой и с отчетливым мгновенным взрывом, представляя собой привычный тип *d*, лишь с непривычным тембром ретрофлексной артикуляции. Этот вариант фонемы *ɖ* характерен для начала слова, а также для положения после согласного: «*ɖōl*» 'образ', 'способ', «*ɖōnk*» 'комок земли', «*kaɖɖúk*» 'жук' (второе *ɖ*), «*paɖɖí*» 'осел', «*laɖɖí*» 'короткий'. В положении же между гласными *ɖ* обычно не является полносмычным: смыкание кончика языка с нёбом происходит не мгновенно, а постепенным сближением, выдержка минимальна или вовсе отсутствует, за моментом полного смыкания органов речи сразу же следует постепенное их расхождение, т. е. воздух не успевает накапливаться в чрезмерно короткий момент смычки, и взрыва не происходит. Таким образом, интервокальное *ɖ* характеризуется слабой артикуляцией со щелевым началом и щелевым концом при минимальной выдержке или вовсе без нее, т. е. колеблется от слабо смычного до щелевого. Кривая его артикуляции, зафиксированная на кимографе, вместо типичного для смычных рисунка (рис. 1, 1) дает рисунок, характерный для слабого одноударного или щелевого *ɖ* (рис. 1, 2—3). При этом *ɖ*, благодаря слабости артикуляции, имеет

очень малую шумность или, иначе говоря, сонантизуется, сближаясь таким образом и в этом отношении с *r* и давая на слух «г»-образное звучание: «l̥əɣa» 'верблюд', «ṣ̥ūɾəɣ» 'веревка у шатра', «l̥oɾi» 'музыкант'. Степень ослабления и спонантизации *ḍ* между гласными зависит в некоторой степени от качества последних: более слабое *ḍ* с более неотчетливой смычкой наблюдается в положении его после долгого гласного и особенно между двумя долгими. После краткого гласного, а особенно между двумя краткими, *ḍ*, как и остальные согласные, после кратких является более сильным. Сохраняя щелевое начало, оно имеет более протяженную смычку и отчетливый мгновенный взрыв. В более быстрой речи при общем ослаблении артикуляции и в этом положении возможна почти полная его спонантизация, однако все же в положении после краткого «г»-образное звучание для *ḍ* не столь характерно: смычный элемент превалирует здесь над щелевым и акустически возникает впечатление не совсем отчетливого, но все же смычного *ḍ*: «maḍúl» 'череп',

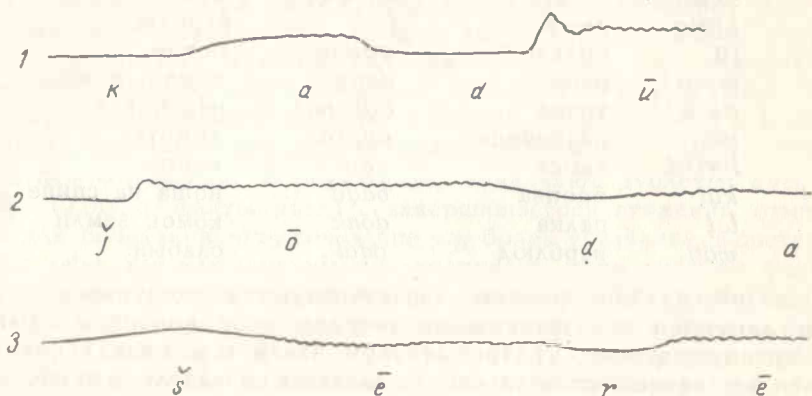

Рис. 1.

1 — *ḍ* в слове *kadū* (отчетливый смычный); 2 — *ḍ* в слове *jōḍa* (слабо-смычный); 3 — *r* в слове *šerē*.

«aḍamāg» 'широкий', «jaḍúk» 'верблюжонок'. Между двумя краткими, как и всякий согласный белуджского языка, *ḍ* очень часто удваивается, и тогда второе *ḍ* имеет всегда полную выдержку и отчетливый взрыв. Первое же *ḍ* имеет щелевое, «г»-образное начало, а момент смычки служит началом выдержки второго *ḍ*. Таким образом, сочетание *ḍḍ* не дает единого акустического впечатления, а может восприниматься как «rḍ», т. е. начало удвоенного *ḍḍ* представлено «г»-образным, а конец — «ḍ»-образным вариантом фонемы: «baḍḍók» 'ноша на спине', «gaḍḍag» 'семена', «aḍḍəy» 'его кость' (фонологически: *baḍḍók*, *gaḍḍag*, *aḍḍay*). Такое же «г»-образное звучание имеет *ḍ* и в положении перед любым другим согласным: «aḍbandi» 'перевязка', «aḍproš» 'ломота', «goḥxōg» 'наследник', «kaḍbari» 'подозрение' (фонологически *aḍbandi*, *aḍproš*, *guḍxōr*, *kaḍbari*).

Таким образом, неполносмычный вариант *ḍ* может появляться в речи после гласного, особенно перед согласным и между долгими гласными. Степень спонантизации *ḍ* при этом зависит от отчетливости речи: спонантизованный вариант не является обязательным и при тщательном произношении может быть устранен удлинением выдержки и появлением в связи с этим отчетливого взрыва. Начало же *ḍ* в положении после гласного даже при тщательном произношении остается

щелевым. Представление о пределах колебаний артикуляции *d* могут дать кимограммы, приведенные в приложении (№№ 4—5, 19—24, 32).

Противопологающиеся фонемам *d* и *t* смычные *d* и *t* являются дорсальными со смычкой передней части языка на зубах и нижней части альвеол. Особенности их в общем сходны с особенностями остальных белужских смычных (*p—b* и *k—g*), отчего их можно рассматривать вместе.

Все смычные звонкие характеризуются большей слабостью артикуляции по сравнению с глухими, при этом из трех рассматриваемых

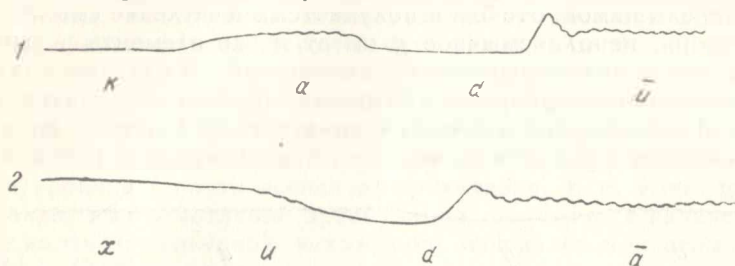

Рис. 2.

1 — полносмычный вариант *d* в слове *kadū*; 2 — неполносмычный вариант *d* в слове *xudā*.

звонких *b*, *d* и *g* более сильным является *d*. Фонема *d* имеет обычно довольно отчетливый взрыв в начале слова, в середине слова после согласной и в исходе слова. В положении же между гласными и перед щелевыми согласными она может в быстрой речи заметно ослабляться и спирантизоваться, имея щелевое начало и щелевой конец (рис. 2), давая иногда на слух впечатление плоскощелевого «*d*». Такое ослабление *d* чаще происходит после долгих гласных, после которых вообще все согласные слабее.

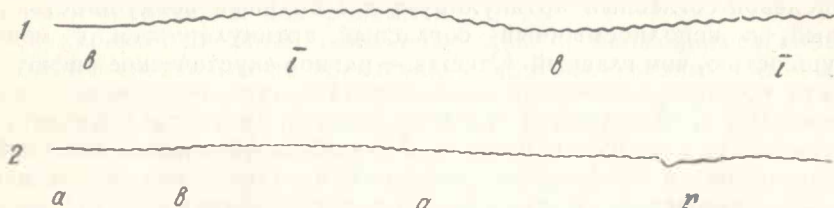

Рис. 3.

Типичные спирантизованные и сонантизованные варианты *b* в интервокальном положении.

1 — в слове *bībī*, где *b* выделяется на рисунке между гласными своей слабой воздушностью; 2 — в слове *abar*, где сонорное, спирантизованное *b* невозможно отделить на рисунке от гласных.

Два другие звонкие смычные *b* и *g* являются слабыми во всех фонетических положениях, имея слабый взрыв даже в начале слова. В интервокальном положении неполносмычная их артикуляция является обычной, однако они артикулируются с меньшей воздушностью, чем щелевые, отчего не происходит смешения фонем *b* и *w*. В быстрой речи возможна полная спирантизация *b* в интервокальном положении (рис. 3). Однако при малейшем усилении четкости произношения смычка *b* восстанавливается. Все же для возможного смешения фонем *b* и *w* в интервокальном положении фонетические предпосылки имеются,

поскольку фонема *w* является губо-губным плоскощелевым звуком, а спирализация *b* как раз и дает губо-губной плоскощелевой согласный.

Что касается фонемы *g*, то она не имеет щелевой пары и возможности ее смешения с другой фонемой не возникает. Но нужно сказать также, что слабое неполносмычное *g*, характерное для интервокального положения, акустически не дает впечатления щелевого звука, а воспринимается как смычный. Органы речи почти смыкаются, количество воздуха, проходящее через щель, ничтожно, при этом струя воздуха очень слаба и, проходя через щель, не производит шума, т. е. остается неслышимой; отсюда и получается впечатление смычного звука. Иначе говоря, неполносмычное *g* имеет те же элементы в своей артикуляции, что и полносмычное: оно начинается с падения воздушности (стремление к смычке), переходит в щель с неслышимой воздушной струей (выдержка) и кончается усилением воздушности (взрыв). Артикуляция неполносмычного *g* имеет на кимограммах следующий рисунок (рис. 4):

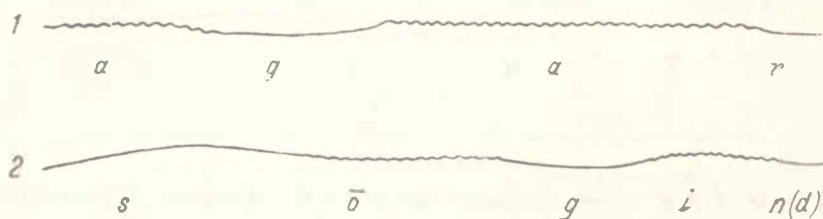

Рис. 4.

Типичные неполносмычные варианты интервокального *g*.

1 — в слове *agar*, где *g*, являясь после краткого, является более сильным; 2 — в слове *sogind*, где *g* после долгого гласного является более слабым.

Если же сравнить артикуляцию щелевого, то на кривой она принимает иной вид (рис. 4, звук *s*). Из сравнения этих рисунков видно, что щелевой согласный артикулируется с большей воздушностью, чем гласный, а неполносмычный согласный артикулируется с меньшей воздушностью, чем гласный. Отсюда — разное акустическое впечатление от двух щелевых. Впрочем, надо отметить, что белуджские звонкие щелевые (*w*, *z*, *γ*) являются слабыми и могут иметь воздушность, равную гласному, а иногда и ниже ее. Но спирализованный смычный никогда не имеет в белуджском воздушности сильнее воздушности гласного, за исключением фонемы *b*, для которой в двух случаях засвидетельствована сильная воздушность (кимограммы №№ 28—29). В этих немногочисленных случаях, как уже отмечалось выше, выявляется возможность артикуляторного совпадения фонемы *b* с фонемой *w*. Смешению обеих фонем в этих случаях может препятствовать их различие в сонорности.

Для остальных же звонких смычных фонем совпадения со щелевыми не наблюдается, как по изложенным фонетическим причинам, так и потому, что остальные смычные (*d*, *ɖ*, *g*) не имеют щелевых парных фонем. Фонема *z*, корреспондирующая фонеме *d* по артикулирующему органу, расходится со щелевым вариантом *d* по способу образования, так как она артикулируется с круглой щелью, в то время как спирализованный вариант *ɖ* дает плоскощелевое «*ɖ*». Спирализованный вариант *ɖ*, сходясь по способу артикуляции с фонемой *r* (которая в белуджском языке нормально одноударна или спираantha), расходится с ней по артикулирующему органу и месту образования (фонема *r*

артикулируется на альвеолах при апикальном положении кончика языка). Фонема *g* вовсе не имеет в том же артикуляционном ряду щелевого корреспондента.

Таким образом, общей особенностью всех белуджских звонких смычных является известная вялость их артикуляции, возникающая в быстрой речи и приводящая к их неполносмычности и спирализации. Следовательно, для белуджского языка характерно сравнительно слабое противоположение смычной и щелевой артикуляций, что, несомненно, находится в связи с малым количеством щелевых шумных однофокусных фонем, которых насчитывается всего две (*s* и *z*), если не считать двух фонем позднейшего заимствования (*x* и *γ*).

Что касается смычных глухих (*p*, *t*, *ʈ*, *k*), то они, имея более сильную артикуляцию, в общем имеют и более отчетливое и выдержанное смычное образование. Однако те или иные элементы щелевой артикуляции в той или иной степени присущи и этим фонемам. Как уже говорилось, фонема *ʈ* почти всегда аффрикативна, т. е. имеет щелевой конец. Правда, при отчетливой артикуляции, особенно в начале слова, она может иметь и взрывной исход, сопровождаясь при этом придыхательностью. Однако аффрикация *ʈ* так обычна, что ее можно считать постоянным признаком фонемы.

Из остальных глухих смычных наиболее устойчивой со стороны способа артикуляции является фонема *t*. Она, как правило, является полносмычным взрывным согласным во всех фонетических положениях, причем обычно сопровождается придыхательностью, что, впрочем, не является ее обязательным признаком. Однако в быстрой речи в интервокальном положении, а также в положении после щелевого согласного *t* может заметно ослабляться и приобретает характер неполносмычного звука с постепенным смыканием и размыканием органов речи, т. е. со щелеобразным началом и концом при минимальной выдержке. Однако такие случаи возникают лишь в очень небрежной речи и мало характерны для фонемы *t*.

Более характерно такое ослабление для *k*, являющегося вообще более слабым согласным по сравнению с другими глухими смычными. Фонема *k* даже при отчетливом произношении не имеет сильного мгновенного взрыва, исход ее щелеобразен, причем шум этого щелеобразного исхода *k* недостаточно силен для того, чтобы дать акустическое впечатление аффрикативности. Начало *k*, как показывают кимограммы, тоже довольно часто бывает щелеобразным. Акустически фонема *k* все же всегда производит впечатление смычного звука, даже в тех случаях (в общем, для *k* редких), когда полной смычки не осуществляется вовсе, так как *k* артикулируется при падающей воздушности в противоположность характерному для щелевых усилению воздушности (кимограммы 45—49).

Фонема *p* выделяется из других смычных своим безразличием к щелевой или смычной артикуляции. Она может быть полносмычной (чаще в начале слова) с сильным взрывом и придыханием, но может в тех же фонетических позициях (чаще в интервокальном положении и перед согласным) быть щелевым согласным с сильной воздушностью (кимограммы 50—54). Между этими крайними вариантами может быть засвидетельствована целая шкала неполносмычного *p*. Разная степень спирализации *p*, помимо влияния указанных фонетических положений, зависит от четкости произношения. Полносмычный и полусмычный варианты *p* характерны для более четкого произношения.

Поскольку щелевой вариант *p* остается губо-губным, он акустически на русский слух не воспринимается как *f* — повидимому, губо-губная работа уже достаточна для того, чтобы отграничить губо-губное «ф» от привычного нам губо-зубного «f».

Такой широкий артикуляторный диапазон фонемы *p* с возможностью ее полного превращения в щелевой, несомненно, связан с тем, что она не имеет не только парного, но даже близкого к себе щелевого корреспондента, так как фонема *f* в белуджском языке отсутствует.

В результате, как мы видим, и для глухих смычных в той или другой степени отмечается некоторая нечеткость в противопоставлении смычной и щелевой артикуляций. В белуджском консонантизме есть, таким образом, фонетические предпосылки для возможной спонантизации смычных, особенно звонких. При этом слабым положением для белуджских смычных является положение после гласного в середине слова. Смычные в исходе слова не являются очень слабыми: как глухие, так и звонкие не становятся имплозивными, а сохраняют взрыв, оставаясь всегда хорошо слышными. Звонкие смычные не склонны к утере звонкости: в исходе оглушается лишь их конец. Так же лишь частично они теряют звонкость и в других неблагоприятных положениях, например, в соседстве с глухими смычными.

СОНАНТЫ

Сонорные фонемы *m*, *n*, *l* и *r* не представляют существенных особенностей. Фонемы *m* и *l* сколько-нибудь заметно не меняются в зависимости от различных фонетических положений. *l* представляет собой обычный боковой щелевой с переднеязычной смычкой, характерный и для других иранских языков, не имеющий добавочной артикуляции. Положение кончика языка по большей части апикальное, но может позиционно быть и дорсальным.

Фонема *n* выявляется в речи в трех вариантах. 1) Основное ее звучание — переднеязычное *n* при апикальном положении кончика языка (перед *d* и *t* оно также может становиться дорсальным). 2) В положении перед заднеязычными (*k* и *g*) *n* закономерно становится заднеязычным (вариант «*ŋ*»). 3) В положении перед ретрофлексными (*ʃ* и *ʈ*) *n* тоже закономерно становится ретрофлексным (вариант «*ɳ*»). Следовательно, для *n* фонологически безразлично — какой частью языка производится смычка, так что в системе белуджского языка для носовых по артикулирующему органу имеется лишь одно противопоставление: губной — язычный.

Фонема *r* имеет довольно широкий произносительный диапазон: от дрожащего двухударного до вполне щелевого. Двухударное *r* встречается при более отчетливом произношении преимущественно в начале слова. На многочисленных кимографических записях засвидетельствовано лишь несколько случаев дрожащего *r*. При обычной речи дрожащее *r* не характерно для белуджского языка. Обычно это неполносмычный сонорный согласный, артикулируемый при напряженном кончике языка. Схема его кимографической кривой аналогична уже рассматривавшимся неполносмычным (кимограммы 8—29). В отдельных случаях *r* может спонантизоваться полностью, приобретая и более сильную воздушность (кимограмма 49). Таким образом, наиболее обычным для белуджского языка является одноударное *r* с неполной смычкой или щелевое *r* со слабой воздушностью. Такой вариант для исхода слова

и для положения рядом с согласным постояннен (*burta, prōšt, šar, kār* и т. д.). Даже удвоение *r* не всегда дает вибрацию: в слове *arrāg* и тому подобных словах имеем кривую неполносмычного типа (кимограмма 35). Часто кривая артикуляции *r* и кривая неполносмычного варианта фонемы *ɖ* совершенно совпадают. Однако смешения этих фонем никогда не происходит благодаря тому, что фонема *r* артикулируется на альвеолах при апикальном положении кончика языка, а «*r*» на твердом нёбе при ретрофлексном положении кончика языка.

Все сонанты не теряют своей звонкости ни в исходе, ни перед согласными глухими. Лишь фонема *r* может слегка оглушаться в этих положениях, сохраняя все же звонкость на большем протяжении своего звучания. Согласные фонемы белуджского языка нормально не палатализуются перед гласными переднего ряда. Слабая палатализация может наблюдаться лишь у губных *p* и *b* и заднеязычных *k* и *g* перед гласными *i* и *e*. Гласный *e* вовсе не палатализует согласных.

ОБРАЗЦЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ

I

Записан от Саида Мамадова в селении Накундайхан

1. *būt na būt, yak pādišāē būt, yak jinikkē dāst. ē pādišā gušt: «ar kas sēta drōg bgušit, man watī jinikkā āirā dayīn».* 2. *yak garrōkē at, pādišāa gušt ki: «man drōgā bgušin, ta watī jinikkā mnā bday».*

3. *garrōk nūn drōgā gušit, gušt: «ay pādišā, man yak wāxtē gwand atūn, ap-salā atūn, gō gōkān, gok-čarēn atūn.* 4. *mnī māš kulō ku, gušti: „biā-ki tī pis tappī būtā, ā-mūrgē paydā kan, biyār ki malāmē pa tī pis-sāy tappā jōd-a kanīn».* 5. *garrōk ā-mūrgē zūrt, jit, dēmī gisān rawt. bi gisā watīa sar na būt, ā-mūrg prūšt, ša-tay kurōsē jist.* 6. *garrōk kurōsay padā kapt, kurōsā diga mardūmē gipt, gw-āi (gō kurōsā) xarmān-a kuštīt.* 7. *garrōk at, gušt: «pači gō mnī kurōsā xarmān-a kuštāy?».* *nūn garrōk jāng ku gō āi, š-āi dā put gallā zit. gallā pa kurōsay sarā laqđit, at bi watī gisā.* 8. *garrōkay kurōsay pušt rē: būt. ā-y-awūrt zardālūay gaddāgē, kurōsay rēšā malām jōd-a kant.* 9. *amē zardālūay gaddāg bi kurōsay puštā drāxtē būt. garrōk drāxtay sarā balā būt, pa wat palēzē kišt. palēzay kišt, —(h)amērangēn tūēn kuštīg dāst.* 10. *yak kuštīgērā garrōk zūrt ki prōšit. kārčā bi kuštīgay-tā ki jat, zyān būt. garrōkay jind bi kuštīgay-tā putrit, pa watī kārčā gardīt.* 11. *digā mardūm bi amē kuštīgay-tā gast. ša garrōkay pursān ku ki: «ay garrōk, ta pa-čē-wa gardāy?».* *garrōk gušt: «mnī kārčē bi mnī kuštīgay-tā zyān būt».* 12. *digā mardūm gušt: «pa kārčā ta wāyl-a gardāy, mnī aptād uštūr bi amē kuštīgay-tā ziyān butā, (h)ap sāl-a ki mān-a gardīn, watī šturān na gindīn. ay bē-akl, ta atāg-ay ki watī kārčā ša kuštīgay-tā paydā pkanāy, ič wāxt watī kārčā ša ē kuštīgay-tā na gindāy».*

13. *garrōk gō pādišā gušti: «mnī yag drōg-ē, ta sayl kan ki ē drōg rāst ast agār nē».* *pādišā sayl ku, gušti: «mūčči drōg-an(t)».* *garrōk gušt ki: «man du drōgā digā bgušin, gūdan watī jinikkā mnā bday».* *pādišā gušt: «šarr, agā du drōgā diga gūstay, man watī jinikkā trā dayīn».*

14. *duumīēn drōgā nūn garrōk-a gušit ki: «ay pādišā, yak wāxtē tī pis pādišā at, mnī pis salār at. tī pis mnī pisā lōtīt, gušti: „ay salār, imbarāni(ay) sāl ūšk-in(t), ē kišārānā gō cēwā āp-a dayāy?».* 15. *garrōkay pis gušt ki: «ay pādišā, ta ič yussā ma war ki man imbarāniēn kišārānā gō gōkāy širā āp-a dayīn».* *yak sāl amē mūčči āsil gō gōkāy širā āp dāti.* 16. *«sayl kan, ay pādišā, ki ē abār rāst-ē agār drōg-ēr».*

17. pādisā gušt ki: «ē abār drōg-ē». bad garrōk gušti: «agār ē abār drōg-ē, man ti jinikkā barīn». pādisā gušt ki: «ta yak drōgā digā bguš, man trā watī jinikkā bdaīn». 18. pādisā wazīrā gušt ki: «garrōk ar dōwlē drōgē bgušit, šmā bgušit ki rāst-ē, agar šmā rāst na gušit, jinikkā garrōk-a bārt».

19. ā garrōk nūn sayumīen drōgā gušit, gušt ki: «ay pādisā, yak wāxte ti pisāy pabrick xarāb būtātant, ā ti pis mni pisā gušt ki: „mnā kāmē abrēsūm wām day“. ša ar-rangī nū put abrēsūm mni piss pādisā wām dāt».

20. garrōk gušt: «ay pādisā, amē mni abār agār rāst-ē, ša ar-rangī abrēsūm nū put mnā bday, agār drōg-ē, watī jinikkā mnā bday». 21. pādisā gušt ki: «ay wazīr, mašmā ša ar-rangī abrēsūm nū put dātā na kanān, biyā ki jinikkā bdayān», gō wazīrā masla(h)āt ku. 22. garrōk gušt ki: «ay pādisā, agār drōg-ant, watī jinikkā mnā bday, agār rāst-int, amā mni abrēsūmā ša ar-rangī bday». 23. pādisā gušt ki: «drōg-ē». garrōk pādisāy jinikkā pa-ssāy drōg giptī. alās būt.

24. man š-amōdā jīstun-u bāstun, ātun, pa wat imānē āurtun, pa-tta dištārē āurtun.

1. Было ли, не было, был один царь, была у него дочь. Этот царь сказал: «Всякий, кто расскажет три небылицы, — тому я отдам свою дочь». 2. Пришел один плешивец, сказал царю: «Я расскажу небылицы, а ты отдай мне свою дочь».

3. Вот теперь плешивец рассказывает небылицу. Он сказал: «О царь! Одно время я был маленьким, семи лет, при коровах был, коровьим пастухом. 4. Моя мать дала мне поручение, сказала: „Вот, твой отец поранился, достань куриное яйцо, я приготовлю лекарство для твоего отца“». 5. Плешивец взял куриное яйцо, побежал быстро к дому. Не достиг еще дома, — яйцо разбилось. Из него выскочил петух. 6. Плешивец бросился за петухом, а петуха схватил другой человек и им (петухом) на гумне молотит. 7. Плешивец подошел, сказал: «Ты почему моим петухом на гумне молотишь?». Затеял плешивец с ним спор, десять пудов зерна у него забрал, нагрузил зерно на петуха, пришел домой. 8. На спине у плешивцева петуха получилась рана. Он принес абрикосовую косточку, сделал лекарство для раны петуха. 9. Эта абрикосовая косточка на спине у петуха превратилась в дерево. Плешивец забрался на дерево, посеял себе бахчу. На бахче выросли вот такие громадные арбузы! 10. Плешивец взял один арбуз, чтобы разрезать. Как ударил ножом по арбузу, так нож и провалился. Плешивец сам кинулся в арбуз, ищет свой нож. 11. А в этом арбузе другой человек ходил. Он спросил у плешивца: «Эй, плешивец, ты чего бродишь?». Плешивец сказал: «Мой нож в моем арбузе потерялся». 12. Другой человек сказал: «За ножом ты понапрасну ходишь, у меня семьдесят верблюдов в этом арбузе потерялись, уже семь лет, как я хожу, своих верблюдов не нахожу, а ты, глупец, пришел, чтобы свой ножик в арбузе найти! Никогда ты не найдешь своего ножа в этом арбузе».

13. Плешивец сказал царю: «Вот моя первая небылица, рассуди сам: эта небылица правда или нет». Царь подумал, сказал: «Все неправда». Плешивец сказал: «Я еще две небылицы расскажу, и тогда отдай мне свою дочь». Царь сказал: «Хорошо, если еще две небылицы расскажешь, отдам за тебя свою дочь».

14. Теперь плешивый рассказывает вторую небылицу. Он сказал: «О царь, одно время твой отец был царь, мой отец был старшина. Твой отец позвал моего отца, сказал: „Эй, старшина, этот год засушливый, чем ты будешь поливать посевы?“». 15. Плешивцев отец

сказал: «О царь, не ведай никакой печали, в этом году я буду поливать посевы коровьим молоком». Целый год он весь урожай поливал коровьим молоком. 16. «Рассуди, о царь, эта речь — правда или небылица?».

17. Царь сказал: «Эта речь — небылица». Тогда плешивец сказал: «Если это небылица, я возьму твою дочь». Царь сказал: «Ты Расскажи еще одну небылицу, тогда я отдам тебе дочь».

18. Царь сказал визирю: «Какую бы плешивец ни сказал небылицу, вы говорите: „Правда!“. Если вы не скажете „правда“, плешивец уведет девушку».

19. Теперь плешивец рассказывает третью небылицу. Он сказал: «О царь, одно время у твоего отца разладились фабрики. Твой отец сказал моему отцу: „дай мне немного шелку в долг“. Мой отец дал царю в долг девять пудов шелка разных сортов».

20. Плешивец сказал: «О царь, если мои слова — правда, дай мне девять пудов шелка разных сортов, если небылица, дай мне свою дочь». 21. Царь сказал: «Эй визирь, девять пудов шелка разных сортов мы дать не можем, давай дочь отдадим». Стал совещаться с визирем. 22. Плешивец сказал: «О царь, если это небылица, отдай мне свою дочь, если это правда, отдай мне тот мой шелк разных сортов». 23. Царь сказал: «Это небылица». Так плешивец за три небылицы получил царскую дочь. Кончено.

24. Я оттуда убежал, завязал, прибежал, себе благодать снискал, тебе невесту достал.

II

Записан от Саида Мамадова в селении Накундайхан

1. büt na büt, yak mardúmē at. ʔarīb mardúmē kambayālē. dār-ja šut, bađúkē dārā káurt. bađđē dārā káurt, nēmašām tandúrāy sarā káurt, wati bađđūkā pa nān i sawdā ku. 2. yak rōčē diga pa dārā šut. pa dārā šut, wapt. wapti, rōčā at, — nēmašām büt, ā dār-am na čit, nūn ōrk dēmi gisānā kayt. 3. anūn sayl ku ki rōč na nistā, gūšti: «mnī jinnēn mnī sarā minnāt ma kant». amēdā bi yak jāē nist, dīsti: yak mardúnē aspāy swār-int-a kayt. 4. amā swār pursīti (pursān ku) ki: «ta pa-čē idā nistāg-ay?». gūšti: «man pa dārā sūtun, wap sūtun amōdā, annūn ša wati jinnēnay trussā nistāg-un». 5. ā swār gūšti: «pa man yak pālē pkan, man trā zārr-a dayīn: mnī yak ʔatirē gō bārā zyān bütā». 6. gūšti ki: «bra, ti ʔatir gō bārā bāri amādā, bār-i čōt bütā, zūti bra». 7. ē swār ēšī-rā du ʔurān dāti ki p-āi pālē ku, namāy pursīti ki: «ti nām kāy-in(t)?». gūšt: «mnī nām Buttakkāss-int». 8. swār šut ʔatiray padā; šut tā ʔatiray bār čōt-int, wati ʔatirā disti. ʔatirā zūrt-u padā pālgirayā at, amē ʔatiray zarrānā pālgirā bār ku. pālgir zarrānā wati bađdā ku, dēmi wati gisā kayt. 9. jnnēn-i amā gisāy-tā nistā, sayl kant ki: «mnī mard pa-čē na-ʔāt?». disti ki ē mārđi paydā-in(t), kayt. jinnēn gal ku, andit. 10. am mardāk gō wati badā at, jinnēn pursān ku ki: «ti bađđāy čē-w-an?». gūšti: «ay jinnēn, xudā dāt: ē mūčči zārr-an». 11. ē zūti pa wat yak naārē jōđ kúrtan, bād wāptan.

12. šapī pādišāyay xazānāgā duzd ʔat. tārī ki rōč büt, nūn duzzānā gardānt. gāstant, duzzānā na dīstant. 13. amā swār ki zarrānā gō āi bār kúrtat, amā at pa pādišāyā. pādišā gūšt ki: «mnī xazānā dūši duzd ʔatā, amā paydā kurtā duzzānā na kúrtan(t)». 14. ā swār gūšt ki «braīt, but-takāšā byārīt». du swār pa buttakāšay padā at, bi buttakāšay gisā ātant, buttakāšā gūstant ki: «brāwān ki pādišāyay xazānāgā duzd ʔatā, brāwān, duzzānā paydā kan». 15. bečārāgēn buttakāš gō wati jinnēnā gūšt ki: nūn

mnī mār-k-in(t). 16. ā swār buttakāšā dēmā kúrtant, búrtant pādisāyā. ā buttakāš dīst ki: amē mardūmē ki zarrānā gō man bār kurtā, amēdā pādisāyā ništā. 17. ša buttakāšā pūrsān kúrtan ki: pādisāy xazānāgā paydā pkan. buttakāš gušt ki: «man nūn paydā-a kanīn, čil rōčāg gō man waxt bil ki man duzzānā tī dastā-a daīn». 18. yak dúzzē bi amē pādisāy majlisā ništāt, buttakāšay abārānā gōš-a kašit ki buttakāš gušti ki: man duzzānā paydā-a kanīn, pa tī dastā-a daīn, čil rōčāg. 19. čil danāg anār aúrtant, buttakāšā dātant. buttakāš gušt ki man ēšānā dām-a janīn ki duzzānā paydā kanīn. 20. amē yag duzd, amēdā ništāt, gōš-a kašit. 21. buttakāš sut dēmī watī gisā, pādisāa gušt ki: «čil rōč bād man duzzānā karīn». 22. sut gisā, watī jinnēnāyā. watī jinnēnā gušt ki: «mašmā ša-amē mamlakātā bjiyan ki pādisā watī xazānāgā ša mašmā lōjit. čil rōčāg man gō pādisā waxt ištun ki mašmā nūn bjiyan, brawan bi digā mamlakātē».

23. amā duz ki pa pādisāy majlisā ništāt, sut, watī amrānā paydā ku. 24. amrā-yī čil duzd ātan. 25. duzd gō wat maslaāt kúrtant ki mašmā sārī sat tumān zar pa buttakāšā barān ki mašmā-rā pa pādisāy dastā ma dant. 26. sārī sat tumān zar zúrtant, ātant dēmī buttakāšay gisā. buttakāšay gisāy puštā ništant.

27. buttakāš watī jullukānā jōd-a ku ki bjit, pa digā mamlakāt brawt, ša pādisāy trussā.

28. ā duz maslaāt kúrtant ki: «brawān, buttakāšay gisāy puštā gōš kašan ki bārin mašmāy abārā šapī-y-a dant yā na dant». 29. buttakāš watī bađūkā jōd kurtā, watī jinnēnā gušt ki: «yak anārē byār». anārā prōstant, wārtant. watī jinnēnā gušt ki: «ša čillā yākē-rā wārtan». 30. ā duz gisay puštā gōš-a kašit, gušti: bālki mnā gušit: «yakkē-rā wārtan». 31. duzd jist, watī amrānā sī ku, gušti: «man bi buttakāšay gisāy puštā ništun, buttakāš gušt ki: „ša čillā yākē-rā wārtun“. agar man ma jistinun, mnā wārti» — pa watī šarikān gušt. 32. yak digā šarikē gō aī sar gipt, āt, buttakāšay gisāy puštā ništant. 33. buttakāš watī jinnēnā gušt ki: «bra, yak digā anārē byār». anārā prōstant, wārtan. buttakāš watī jinnēnā gušt ki: «ša čillā dūa wārtan». 34. ā duz ša gisay puštā jistan: «bālki ammāra gušt». ātant watī šarikānāyā: «agar ammā ma jistinan, buttakāš ammāra ar-duēnānā wārti». 35. ar čillēn duz ātant buttakāšay gisā, buttakāšā gústan(t) ki: «ammā pa ta xayrat bayān ki ammā-rā pādisāy dastā ma day. ammā čill duzzān sārī sat tumān zar pa-ttā aúrtā-an». 36. ā jinnēni subak sa watī ja ustāt, zarrānā čēr ku. buttakāš gō duzzān sut, pādisāy xazānāgā nišan dātan(t) ki: «ammā amēšānā duzzatāg-an». duz pa watī gisā šutan, buttakāš watī gisā āt. 37. tāri ki rōč būt, sut pa pādisāyā. gušt ki: «man tī dawlātā paydā kúrtun». ā pādisā ēšī-rā xalayit bāz dat. ammā dawlātā gō aī, gō buttakāšā, du-ja ku. 38. buttakāš dawlātay nīmā watī gisā aúrt. jinnēni bāz gal ku, watī mardā gušt ki: «mašmā-ra xudā bāz datā». 39. am mardak buttakāš gušt ki: «ay jinnēn, ē dawlāt mašmay sarxūri-in(t), mašmā bjiyan». dawlātā watīyā čēr kúrtan(t), buttakāš watī jinnēnā zúrt-u jist. 40. ātant yak jāyē apāy sarā īr kúrtant, amēdā pa wat naārē jōd kúrtan.

41. pādisā pa šikāra šutāt. āt, dīstī ki butakāš g-watī jinnēnā amēdā ništā. pādisā gušt ki: «ta idā cēw-a kanāy?». 42. ā butakāš gušt ki: «man ziaratt-a raīn». na gušt ki: «man-a jīn». 43. ā pādisā gō watī wazīrā gušit ki: «ē zōrākēn palgirē buttakāš!». wazīr gušt ki: «man watī dastāy-tā yak čizē kanīn, agār tī palgir zānt-i?». 44. ā wazīr watī dastāy-tā madāgē ku ki buttakāš na dīstī. pādisā gušt ki: «ay buttakāš, bi mnī wazīray dastāy-tā cē-ē?». 45. bēčaragēn buttakāš gušt ki: «yag wār jistī malaxāk, du wār jistī malaxāk, sayúm ba-dāstē malaxāk». 46. ā wazīr watī dastā

pač ku, mađág ša dastáy-tā pir ku. 47. pādišā buttakāšā bāz xalayit dat. pādišā swār būt, āt watī gisā. buttakāš gō watī jinnēnā jist, šut bi digā mamlakātē.

48. manš-amāda jistun-u bāstun, pa wat imānē āurtun, pa-ttā dištārē āurtun.

1. Было ли, не было, был один человек. Безродный человек, бедный. Ходил он за дровами, приносил вязанку дров. Приносил он вязанку дров, вечером относил к пекарне и продавал свою вязанку за хлеб. 2. Однажды пошел он за дровами. Пошел за дровами и заснул. Засыпал он — день был, а когда проснулся — сумерки наступили. Дров он не собрал, и теперь домой с пустом придет. 3. Посмотрел он: солнце еще не село. Он подумал: «Как бы жена моя меня не заругала!». Сел он тут в одном месте, видит: один человек подъезжает верхом на лошади. 4. Этот всадник спросил: «Ты что здесь сидишь?». Тот ответил: «Я пошел за дровами, да там заснул, теперь жены своей боюсь, сижу вот». 5. Всадник сказал: «Погадай мне, я тебе заплачу: у меня один мул с грузом пропал». 6. Тот сказал: «Иди, не там ли твой мул с грузом, поклада у него свернулась, иди скорей». 7. Всадник дал ему два крана, за то что он ему погадал, и спросил его имя: как, мол, твое имя? Тот сказал: «Имя мое Буттакāш (дровосек)». 8. Всадник отправился за мулом, добрался (до того места) где у мула поклада свалилась, и увидел там своего мула. Взял он мула и вернулся к гадалщику. И золотом, которое было на муле, он поделился с гадалщиком. Гадалщик взвалил золото на спину и пошел к дому. 9. А жена сидит дома и думает: «Что это муж не идет?». Смотрит, а муж подходит. Жена обрадовалась, засмеялась. 10. Подошел мужик со своей ношей, а жена спрашивает: «Что это у тебя на спине?». Тот сказал: «Э, жена, это бог дал: это все золото». 11. Они быстро приготовили ужин, потом легли спать.

12. В эту ночь царскую казну ограбили воры. Наутро, как наступил день, воров стали искать. Искали, но воров не нашли. 13. Тот всадник, который поделился с мужиком золотом, пришел к царю. Царь сказал: «Мою казну вчера воры ограбили, но воров найти не смогли». 14. Всадник сказал: «Идите, приведите дровосека». Два верховых отправились за дровосеком, вошли в дом дровосека, дровосеку сказали: «Пойдем, у царя казну ограбили, пойдем, отыщи воров». 15. Дровосек бедняга говорит жене: «Ну, теперь мне смерти!». 16. Верховые погнали дровосека вперед, привели к царю. Дровосек видит, что тот, мол, человек, который со мной золото поделил, здесь, около царя сидит. 17. У дровосека потребовали: «Разыщи, где царская казна». Дровосек сказал: «Ладно, я найду. Положи мне сроку сорок дней, и я отдам тебе в руки воров». 18. А один из воров сидел на этом собрании у царя и слова дровосека слышал, когда дровосек сказал, что я, мол, воров найду и тебе в руки отдам в сорок дней. 19. Принесли сорок штук гранат, дали дровосеку. Дровосек сказал: «Я их съем, когда найду воров». 20. А тот вор, который тут сидел, слышал это. 21. Дровосек пошел домой, а царю сказал: «Через сорок дней я приведу воров». 22. Пошел он домой к своей жене, сказал жене: «Бежим из этой страны, потому что царь свою казну с нас требует, сорок дней я с царем сроку установил. А теперь мы убежим, отправимся в другую страну».

23. Тот вор, который сидел на царском собрании, пошел, разыскал своих товарищей. 24. Товарищей — сорок воров было. 25. Воры посоветовались между собой: мы, мол, отнесем дровосеку по сто

туманов золота, чтобы он не предал нас в руки царю. 26. Взяли они по сто туманов золота, подошли к дому дровосека и сели за домом.

27. Дровосек собирал свои вещи, чтобы бежать, перебраться в другую страну от страха перед царем.

23. Те воры посоветались, что, мол, пойдёмте, послушаем около дома, говорит он про нас сегодня ночью или нет? 29. Дровосек свою поклажу приготовил и сказал жене: «Принеси один гранат». Гранат разломил, съели. Он сказал жене: «С одним из сорока покончили».

30. А тот вор, который около дома подслушивает, подумал: это ведь он про меня говорит: «С одним покончили». 31. Вор вскочил, бросился к своим товарищам и рассказал: «Я сел около дровосекова дома, а дровосек сказал: „С одним из сорока покончили“, если бы я не убежал, он бы со мной покончил», — так он сказал своим товарищам.

32. Ещё один товарищ пошел с ним вместе, около дровосекова дома сели. 33. Дровосек сказал своей жене: «Иди, принеси ещё один гранат». Гранат разломил, съели. Дровосек сказал своей жене: «Из сорока с двумя покончили».

34. Те воры убежали из-за дома, — это, мол, он про нас сказал. Пришли к своим товарищам: «Если бы мы не убежали, дровосек с нами обоими бы покончил».

35. Все сорок воров пошли в дом к дровосеку, сказали: «Мы стаем жертвами за тебя, только не предавай нас царю. Мы, сорок воров, по сто туманов золота тебе принесли».

36. Его жена проворно поднялась с места и спрятала золото. Дровосек пошел с ворами, они ему показали цареву казну: «Вот это мы награбили».

Воры пошли к себе домой. Дровосек вернулся домой. 37. Наутро, как наступил день, пошел он к царю, сказал: «Я твои сокровища разыскал».

Царь дал ему большую награду, — те сокровища с ним, с дровосеком, поделил пополам. 38. Дровосек эту половину сокровища принес домой. Его жена очень обрадовалась, сказала мужу: «Бог нам много дал».

39. Мужик-дровосек сказал: «Эх, жена, это богатство нас погубит, — бежим!». Спрятали они свои сокровища. Дровосек взял (с собой) жену и бежал.

40. Подошли они к одному месту около воды, сделали привал, приготовились поесть.

41. А царь поехал на охоту. Подъехал, видит, что дровосек со своей женой сидят здесь. Царь сказал: «Ты что здесь делаешь?».

42. Дровосек сказал: «Я на богомолье иду». Не сказал, что я, мол, бегу. 43. Царь сказал своему визирю: «Этот дровосек — замечательный гадалщик».

Визирь сказал: «Я что-нибудь положу себе в руку, — угадает ли твой гадалщик?». 44. Визирь положил себе в руку кузнечика, так что дровосек не видел. Царь сказал: «Эй дровосек, что в руке у моего визиря?».

45. Бедняга дровосек сказал: «Один раз выскочил кузнечик, второй раз выскочил кузнечик, а в третий-то раз и попался!».

46. Визирь раскрыл руку, — а из руки кузнечик выпорхнул. 47. Царь дал дровосеку большую награду. Царь сел верхом, вернулся домой.

Дровосек со своей женой бежал, перебрался в другую страну. 48. Я оттуда убежал, завязал, себе благодать сыскал, тебе невесту достал.

III

Записан в селении Накундайхан от Маланга Шадостова

1. büt na büt, ša xudā gētīr kássē na büt. yak pīramārdē at, dāšti yak jwānēn warnāēn jinnēnē. 2. ē mudām ki ārt gēčīn-a kurt, urtēnāni pa watī yārā pakkīt-u dāt, ḡalagēnānā pa pīramārdā pakkīt-u dāt. 3. yak wāxtē pīramārd gušt: «ay jinnēn, ta mnā kūštay, mudām ḡalagēnānā pa-čē daāy mnā?». 4. jannāk gušt ki: «man čōn kanīn? ta gwārē darāy bi Xurā-

sān, man ki ārt gēcin-a kanīn, a š-ōda tūse jant, urtēnānā zūrīt-u bārt, amā ḡalāgēn mānānt.

5. pīramārd watī zāmā zūrt-u šut pa gwārāy jānā. 6. yak wāxtē gwāri dist ki: mñī brās-a kayt. gwāri bi dēmāy dar-kapt: «byā, lālā, pa-tta xayratt-a baīn». 7. brāsī zāmā watīyā kašīt ki: «tī pissā bgāin, ta gō man šarrēn kār kurtāg-ay ki nūn pa-mmān xayratā bdaay». 8. gwāri gūštī: «pa-čē, lālā, man trā čī kurtāg-un?» — «ta čōn čī kurtāg-ay ki mudām mñī jinnēn amē ki ārtāy gēcinē wāxt-a bīt, ta tūss-a jānāy ki āī urtēnānā zūrīt-u bārt, amā ḡalāgēn mānānt, mñī gōt rēš būtā». 9. gwāri gūštī: «šarr, lālā, man dwārāg tūss-a na jānīn, byā, brawān gisā». zārī-yu zurmātī kūrīt, būrīt watī gisā. yak du šap wa say šap nīštī, ēšī-rā urmāt-u izzāt-u j(u)wānēn kurtī. 10. nūn gūštī: «šar, dādā, man-a raīn watī gisā». gwāri gūštī: «bra, lālā, du-wārāg bē-γam bay, man tūss-a na jānīn». 11. amā yag zāgē garrēn dāštī. amē watī zāgā gō watī brāsā gōn-i ku.

12. brāsī š-amōda āt bōtī gisā, sar būt. garrōk gušt: «ta bra, kākā, bē-γam watī kārā pkan, ša-padā gisāay āp-u dārā man wāt-a kārīn». 13. nākōyī tāri ki rōč būt, watī gōkānā zūrīt-u šut pa langāra. 14. garrōk gušt: «tātī, dasāgē mnā day ki man-a raīn pa dārā». garrōk dasāgā zūrīt-u cappūkē dāt, yak jāē čēr kapt. dīstī ki dēr būt, yak maza-čūgēn warnāyē āt-u putrīt trūāy pānādā. 15. garrōk zāntī ki ē urtēn ārtānā mudāmē amēš-a wārt. nazzik āt-u gōš kašīt. 16. jānāk āt ki p-āī ya xurākē jōd kant. mardāk gušt ki: «man awlakīy-un, raīn ki mñī jupt bastā, langār-a kanīn». 17. jānāk gušt: «napā šarr, ta ki rawāy, mnā nīšānī day ki man xurākē jōd-a kanīn, tī padā kārīn». 18. mardāk gušt ki: «mñī nīšānī amēš-in: man š-amēdā raīn, tarrūkē pōst-a kanīn, anūn raā prēnīn-u raīn, gō mñī gōk yākkē kalayēnē». 19. mardāk šut, tarrūkay pōstānā amē watī rā yak-yākk-a prēnt-u šut. 20. garrōk padāy zūrīt, tarrūkay pōstānā nāzd-a kāurt, watī nākōay rā-a prēntī-u šut. āt, watī nākōyā sar būt. 21. garrōk gušt: «kākā, watī linguṭā bday». nākōi gušt: «čēwān-a kanāy linguṭā». gušt: «trā čē kār-int? man gūstun: day, — ta bday». 22. linguṭā zūrt, gōkāy srēnā bast, ēšī-rā kalāēn gōkē jōdī kurt.

23. trūyī j(u)wānēn xurākē pakkīt, watī sarā ku, rādāg būt. amē rāyē ki tarrūkay pōst kaptātant, amā-rā zūrt-u āt. nazzik āt, dīstī kalayēn gōkē, gūštī: «dilō!», ki amēš-in. nazziktir ki āt, dīstī ki: «ā mñī mard-in», — yak-wā ustāt. 24. garrōk gušt: «ō tātī, ammā amēš-an, byā!». jānāk ayrān būt, na padī būt, na dēmī būt, nāčār būt, āt, sar būt. xurākā ša watī sarā yēr kurt. 25. garrōk kāsāgā zūrt, watī nākōay dēmā išt. jānāk gušt ki: «ē xayrat-ē, šmay ēšk-u āškā digā mardūm nēst? āi-rā tawār pkanīt». 26. pīramārd garrōkā dēm dāt: «bra, plānī langār-a kant, āirā guš ki bayt». 27. garrōk š-amēdā šut, mardākayā sar būt, mardākā gūštī: «tī pissā bgāin, ta gō mñī trūā čēwā gūstay? ta sabr kan ki annūn mān-u mñī nākō pa-tti jānā kāyān». garrōk gušt-u padī āt. 28. nākōi garrōkā gušt ki: «ta āi-rā gūstay?». garrōk gušt: «ā gandāgēn kučākkē dāštī, mnā ičē nazzik na ištī, byā, mān-u ta ar-dukēn brawān». 29. ar-dukēn rādāg būtant, nazzik ki šūtant, mardāk dist ki pa rāstīyā kāyānt, juptā išt-u jīst, ār-čī ki pīramārd tawār-a ku ki: «bōšt! ā battir jīst. 30. garrōk gušt: «brawān, gum kan, ič mā-ayt!». ar-dukēn birgāstan, ātant, ē xurākīyā j(u)wān wārtant. 31. jānāk bad-badd sāyl-a ku. kāsā alās kūrītant, dātant jānākay dastā. jānāk āt bi gisā.

32. garrōk bēgāi yak baḡḡūkē watī sarā kurt, āt gisā. šapī wāptant, bāndā ki rōč būt, du-wārāg pīramārd watī gōkānā zūrt-u šut pa langāra. 33. garrōk dasāgā zūrt-u padāy šut. dēr ki būt, mardāk āt, putrīt gisāy-tā. jānāk gušt: «ta pa-čē ē-rangēn kārē kūrītay, mnā rēpēntay?». mardāk

gušt: «man na rēpēntun, ar ċi kurt, garrōk kurt, ē balāē pa-mmān-u pa-ttā büt». 34. janāk gušt ki: «ēšī-rā ċōn pkanān?». mardāk gušt: «āi ilāja man-a zīnīn. amēdā zōrākēn pīrē, ta nān pač, bra amā pīrāy sarā ki ēšī ċammānā kōr kant». 35. garrōk ēšī mūčči abārāna uškīt, š-amēdā ustāt-u bi watī nakōyā āt. watī nakōā guštī: «watī amē kalāēn jubbā mnā day». 36. kalāēn jubbā zūrt-u šut bi amā pīrāy sarā. garrōk pīrāy pakīrā gušt: «agā ta jāē kār-mārē dārāy, bra, man marōči pīrāy xizmātā kanīn». 37. pakīr š-amēdā šut pa watī kārāy padā. garrōk jubbā watī sarā kaššīt, amē pīrāy sarā ništ. 38. yak wāxtē dist ki trūi yak parzōnāgē ċiblik pakkītā bi pīrāy sarā kayt. 39. āt nazzīk, garrōk gisāy dapā bast ki āi-rā drust ma kant. watī tawāra digā dawli kurt, guštī ki: «ar kāss-ay, ar ċi dārāy bi dilā, š-amōdā bguš ki man tī dilāy murādānā āsil-a kanīn». 40. janāk gušt ki: «man tī kurbān baīn, man yak dušmānē darīn, amāi ċammānā kōr kanāy».

41. garrōk gušt ki: «āi ilāj āsān-int. watī gisāy dapāy pā-bāndā pkuš, yurmā kan, garrōkā tawār kan, nipād-u sarjā kan ki ā buspīt. tā ċill rōč ār-či ki garrōk gušt, ta āirā bday ki bwārt, gūdān ā kōr-a bīt». 42. jannāk š-amōdā nānānā īst-u watī gisā āt. garrōk ša padāy š-amōdā ustāt, amā nānānā zūrt-u watī nakōyā āt. 43. garrōk gušt: «bōr, kakā!». nakōi gušt: «ta ēšānā ša gujā kārāy?». garrōk gušt: «trā kārē nē, ta watī kārā pkan».

44. janāk dastī pā-bāndā kušt, ēšā mūčči yurmā kurt, bēgāi garrōk āt. jannāk jwanēn nipādē pa garrōk prēnt, garrōkā gušt: «biā, idā busp!». 45. garrōkā rān tikkā büt, tā ċill rōč, ār-či ki garrōk gušt, jannāk āirā dāt. garrōk ċō gōkē ċōb jat. 46. ċillumīen rōč ki pūrā büt yakk-wā garrōk gušt: «waxx, tāti, ċam mnī kōr büt!». 47. janāk watī dilā gušt: «xudāyā sukr ki tī ċam kōr būtant», amā dapā guštī: «ċē büt, gis-sōtāg, ki tī ċam kōr būtan! (h)jīč-a na gindāy?». garrōk gušt: «man (h)jīč-iy-a na gindīn».

48. mardāk āt, ar-dukēn garrōkay dēmā watī āys-u tamāšā kūrta. 49. marōči janāk yak kāmme gallā gisāy dapā šīgīt-u gušt: «garrōk, ta sayl kan ki gallānā murg ma warānt». 50. garrōk gušt ki: «mnā yak lāttē mnī dastā bday ki man na gindīn, ċam-mnī kōr-ant, amēdā nindīn». janāk yak lāttē āurt, garrōkay dastā dāt-u šut. 51. garrōk amēdā ništ, yak wāxtē dist ki mardāk kayt. nazzīk āt ki gisāy-tā putrit, garrōk lāttā du-dastī bi amē gōšāy-tāy jāti. mardāk gō-mā garrōkay yak lāttā kapt, garrōk mardākā kušt. 52. janāk āt, distī, mardāk kaptā-u murtā. janāk gušt: «garrōk, tī gis bun gīt, ta ċōn kurtāg-ay, mardūmē-rā kuštāg-ay?». 53. garrōk gušt: «man ċēwā zānīn? man kōr-un, man guštun: bālke gōlōē». janāk gušt: «nūn ċōn kanān?». garrōk gušt: «biā, bi-ttī baqdā bandīn-i, bār-i, āpāy-tā prēn-i». 54. garrōk mardākā sākka janākay baqdā bāstī, ēšī-rā sākka kōr-grēn kūrti, mardākay pād-i lakatāb janākay baqdā, būrtī āpāy sarā, ār-či ki wās-i kurt āi-rā pāč kurtāg na kurt. 55. pādā āurtī, gušt: «garrōk, gis-sōtāg, ēšī-rā ċōn bastāy ki ār-či man was kūrta, pāč kurtāg na kūrta». 56. dwārāg garrōk ēšī-rā saktir kōrgrēn kurt. ċun gašt jannāk ēšī-rā burt āpāy sarā, pāč kurtāg-a na kurt, tā wāxtē ki pīramārd ša kārā āt. 57. garrōk gušt ki: «sayl kan, urtēn artānā kāy-a wārt, ta guštay mnī māsā ki: ta tūss-a janāy-u urtēnānā barāy, — nūn sayl kan ki man ċi kār kūrta: mūččānā pa-tta wadī kūrta. nūn ta watī ixtiyārā dārāy». 58. pīramārd watī zāmā kašīt, jannākā kušt.

59. š-amōdā jīstun-u bāstun, pa-tta yak jwanēn aqdā āurtun, kučāk ša mnī dastā burt.

1. Было ли не было, кроме бога никого лучше не было. Был один старик. Имел он молодую красивую жену. 2. Всякий раз, как она просевала муку, то из мелкой она пекла для своего возлюбленного,

а из отсевов пекла старику. 3. Однажды старик сказал: «Эй, жена, ты меня погубила, почему ты всегда даешь мне отсевы?». 4. Жена сказала: «А что мне делать? У тебя есть сестра в Хоросане, когда я просеваю муку, она оттуда ветры пускает, — чистую муку уносит, а отсевы остаются».

5. Старик взял свой меч и отправился по душу своей сестры. 6. Однажды его сестра видит — брат идет. Сестра вышла ему навстречу: «Иди, братец, да буду я жертвой за тебя!». 7. Брат вытащил свой меч: «Оскверню твоего отца! Хорошее дело ты со мной сделала, чтобы теперь меня ублажать!». 8. Сестра сказала: «Почему, братец? что я тебе сделала?». — «Ты то сделала, что всегда, как моей жене приходит время сеять муку, ты пускаешь ветры, и мелкую муку у нее уносит, а остаются отсевы; у меня в горле рана (язва) получилась». 9. Его сестра сказала: «Хорошо, братец, я в другой раз не буду ветры пускать, давай, пойдем в дом». Она его пожалела и обласкала и повела в свой дом. Две или три ночи он там провел, и она ему почет и уважение как следует оказывала. 10. Потом он сказал: «Ну, хорошо, сестра, я пойду к себе домой». Сестра сказала: «Иди, братец, больше не печалься, я ветры пускать не буду». 11. Был у нее сын — плешивец. Этого своего сына она послала вместе с братом.

12. Ее брат вернулся оттуда к себе домой. Плешивец сказал: «Ты иди, дядюшка, без заботы делай свои дела, домашние дела я сам сделаю». 13. Его дядя наутро, как наступил день, взял волов и отправился на пашню. 14. Плешивец сказал: «Тетя, дай мне веревку, я пойду за дровами». Плешивый взял веревку, но схитрил и спрятался в одном месте. Погодя видит, что подошел здоровенный парень и вошел к тетке. 15. Плешивый понял, что это тот, который всегда съедает мелкую муку. Он подошел поближе и стал слушать. 16. Женщина хотела приготовить ему кушанье. Мужчина сказал: «Я тороплюсь, пойду, а то у меня волы запряжены, — пахать пойду». 17. Женщина сказала: «Очень хорошо, ты как пойдешь, оставь мне заметки, чтобы я, как приготовлю еду, тебе вслед принесла». 18. Мужчина сказал: «Заметки мои таковы: как я отсюда пойду, накрошу дынных корок, буду их по дороге бросать и итти, и у меня один вол будет пестрый». 19. Мужчина отправился и по своей дороге разбрасывал дынные корки по одной штуке и так шел. 20. Плешивый пустился вслед за ним, дынные корки собрал и пошел, разбрасывая их по дороге к своему дяде; добрался до своего дяди. 21. Плешивый сказал: «Дядюшка, дай мне твою чалму». Дядя сказал: «Что ты будешь делать с чалмой?». Тот сказал: «Тебе что за дело? я сказал — „дай!“ — ты дай!». 22. Взял он чалму, обвязал вола поперек, превратил его в пестрого вола.

23. А тетка его сварила вкусное кушанье, взяла на голову и отправилась в путь. Выбрала тот путь, на котором были разбросаны дынные корки, и пошла. Подошла близко, видит — пестрый вол. Она подумала про себя — здесь, мол. Подошла еще ближе, видит: «да ведь это мой муж!». Она сразу остановилась. 24. Плешивец сказал: «Эй, тетя, мы здесь, иди сюда!». Женщина растерялась: ни вперед нельзя, ни назад нельзя, да уж поневоле пошла вперед. Подошла, кушанье со своей головы сняла. 25. Плешивый взял блюдо, поставил перед дядей. Женщина сказала: «Это — благодостыня. Нет ли вокруг поблизости от вас еще кого-нибудь? позовите и его». 26. Старик послал плешивого: «Иди, такой-то пашет, скажи ему, пусть придет». 27. Плешивый пошел, подошел к тому мужику, сказал ему: «Оскверню твоего отца!

Ты что говорил моей тетке? Подожди, теперь мы вместе с дядей по твою душу придем!». Плешивый сказал так и пошел назад. 28. Дядя спросил плешивого: «Ты сказал ему?». Плешивый ответил: «У него собака злая, меня и близко-то не подпустила, давай, пойдем с тобой вдвоем». 29. Отправились они вдвоем, а когда подошли, мужик увидел, что в самом деле они идут. Бросил волов и побежал. Сколько старик его ни звал: «Постой!», — он еще шибче бежал. 30. Плешивый сказал: «Пойдем, брось совсем, пусть не идет!». Оба вернулись, тот вкусный обед съели. 31. А женщина злобно смотрела. Блюдо опорожнили, отдали женщине. Женщина пошла домой.

32. Плешивый вечером взял себе на голову поклажу и отправился домой. Ночь они проспали, а наутро, как наступил день, старик опять взял своих волов и отправился пахать. 33. Плешивый взял веревку и вышел за ним. Попозже тот мужик пришел, вошел в дом. Женщина сказала: «Ты что это такую штуку выкинул, — меня обманул!?». Мужик сказал: «Я не обманывал, а что вышло, — так это плешивый сделал, — эта беда и на меня и на тебя свалилась». 34. Женщина сказала: «Что нам с ним сделать?». Мужик ответил: «Я знаю средство против него. Здесь есть один великий старец, ты испеки хлеба и иди к этому старцу, чтобы он ему глаза ослепил». 35. Плешивый все его слова слышал, поднялся оттуда и пошел к своему дяде. Дяде своему сказал: «Дай мне свой пестрый халат». 36. Взял пестрый халат и пошел к тому старцу. Плешивый сказал прислужнику старца: «Если у тебя есть какие-нибудь дела, иди, — сегодня я послужу старцу». 37. Прислужник пошел по своим делам. Плешивый натянул на голову халат, сел на место старца. 38. И вот увидел, что его тетка напекла целую скатерть лепешек (*čiblik*) и идет к старцу. 39. Подошла она близко, плешивый закрыл дверь, чтобы она его не разглядела, изменил свой голос и сказал: «Кто бы ты ни была, все, что имеешь на сердце, раскрой здесь, чтобы я исполнил желания твоего сердца». 40. Женщина сказала: «Да буду я жертвой за тебя! У меня есть один враг, ослепи ему глаза».

41. Плешивый сказал. «Средство для этого простое. Зарежь кормленого барана, который у твоего дома, сделай жаркое, позови плешивого, приготовь ему постель, где бы он мог спать. Сорок дней все, что плешивый скажет, ты давай ему, пусть ест, а потом он ослепнет». 42. Женщина оставила хлебцы и пошла домой. Плешивый вслед за ней поднялся, эти хлебцы взял и пошел к своему дяде. 43. Плешивый сказал: «Ешь, дядюшка!». Дядя спросил: «Ты откуда их достaeшь?». Плешивый сказал: «Не твое дело, ты свое дело делай».

44. Женщина своими руками зарезала кормленого барана, целиком пустила его на жаркое. Вечером пришел плешивый. Женщина постелила ему хорошую постель, сказала плешивому: «Иди сюда, ложись». 45. Плешивец развалился, и сорок дней все, что плешивый спрашивал, женщина ему давала. Плешивец как бык стал. 46. Когда кончился сороковой день, плешивый вдруг сказал: «Ах, тетя, глаза мои ослепли!». 47. Женщина подумала про себя: «Слава богу, что твои глаза ослепли». А вслух сказала: «Что случилось, — несчастье какое! — что твои глаза ослепли? Ты ничего не видишь?». Плешивец сказал: «Я ничего не вижу». 48. Тот мужчина пришел, и они вдвоем перед плешивцем забавлялись и развлекались.

49. В этот день женщина оставила немного зерна у дверей дома и сказала: «Плешивец, ты посмотри, чтобы зерно куры не склевали». 50. Плешивец сказал: «Дай мне в руку палку, а то я не вижу, глаза

у меня слепые, я здесь посижу». Женщина принесла палку, дала плешивцу и ушла. 51. Плешивец сел и вот видит, что идет тот мужчина. Подошел поближе, чтобы войти в дом, а плешивец, взяв палку обеими руками, ударил его по уху. Мужчина от этого одного удара свалился, плешивец его убил. 52. Женщина пришла, видит, что мужчина лежит мертвый. Женщина сказала: «Плешивец, да погорит твой дом, ты что наделал, — человека убил!». 53. Плешивец сказал: «Откуда я знаю? Я слепой, я подумал, что это теленок». Женщина сказала: «Что нам теперь делать?». Плешивец сказал: «Давай, я привяжу его тебе на спину, ты отнесешь его и бросишь в воду». 54. Плешивец крепко привязал мужчину к спине женщины и крепко затянул его мертвым узлом; ноги у мужчины свисали по спине женщины. Она отнесла его к воде, но как ни силилась, — отвязать его не могла. 55. Принесла его назад, сказала: «Плешивец, несчастье какое! Как ты его так привязал, что сколько я ни старалась, — отвязать не могла!?!». 56. Плешивый еще раз, еще крепче затянул его мертвым узлом. Несколько раз женщина носила его к воде, — развязать не могла до тех пор, пока не пришел с работы старик. 57. Плешивый сказал: «Посмотри-ка, кто съедал мелкую муку! Ты говорил моей матери, что ты, мол, ветры пускаешь и мелкую муку уносишь: теперь смотри, какое я дело сделал, — все перед тобою раскрыл. Теперь ты сам свою волю имеешь». 58. Старик вынул свой меч и женщину убил.

59. Я оттуда убежал, завязал, тебе вкусную косточку достал, да собака у меня из рук вытащила.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВА, ЗАПИСАННЫЕ НА КИМОГРАФЕ, С УКАЗАНИЕМ ИХ ЗНАЧЕНИЙ

a	
abār	слово, речь
abād	благоустроенный
abbās	имя собств.
ajāb	удивительный
adāb	воспитанный
adprōs	ломота
agār	если
akl	разум
angūr	виноград
ar(ī)āg	пила
aspān	лошади
ātant	они были
ātat	он был (раньше)
āti	он был

ā	
adīnk	зеркало
ap	вода
asīl	урожай
aš	жернов
āsīx	влюбленный
at	он пришел
atis	огонь
āti	он пришел

b	
bālki	но, разве
barin	унесу
bas	хватит
bastā	завязанный
bāstī	он завязал
bāstun	я завязал

babā	дед
bag	сад
bagā	сад (вин. пад.)
bāgē	некий сад
bal	крыло
bālā	высокий
bāndā	рассвет
bar	груз
bārē	некий груз
baz	много
bazēn	многочисленный
bē	без
bēd	ива
bēdē	некая ива
bēgā	вечер
bgii	возьми
bguš	скажи
bil(l)	оставь
bistūm	двадцатый
bi-ttī	тебе
bibī	имя собств.
bōr	ешь
bōrit	ешьте
brēc	лей
buitā	унесенный
būrtun	я унес
buz	коза
būzē	некая коза
būt	было
būtā	бывший
būtī	он был
bzan	узнай

čap	с	левый
ča		колодец
čar		четыре
če		что
čer		низ
čil(l)		сорок
čil(l)úm		сороковой
čirág		светильник
čiz		вещь
čize		некая вещь
čüdíg		привязь у палатки

jat	j	он ударил
játí		он ударил
ja		место
jinén		жена
jistí		он прыгнул
jít		убегает
jíta		убежавший
jiti		он убежал
jöd		готовый

	d	
dalír		храбрый
dap		рот, вход
dapā		рот (вин. пад.)
dāpē		некий вход
darmān		лекарство
dastā		группа
dásti		его рука
dar		дрова
darín		имею
dast		он имел
dásti		он имел
dástun		я имел
dat		он дал
datā		данный
dāti		он дал
dēb		див
dēbe		некий див
dēm		лицо
dēmā		лицо (вин. пад.)
dēmē		какое-то лицо
dēr		поздний
digā		другой
dil(l)		сердце
dile		некое сердце
distār		невеста
disti		он увидел
dōst		друг
dōstā		друг (вин. пад.)
dōste		некий друг
drog		ложь
dīōgē		некая ложь
du dō		два
ducār		встреча
dukkān		лавка, ларек
duśmán		враг
dūr		далекый
dūri		даль

	d	
digār		земля
dōl		способ
dōlē		какой-то способ

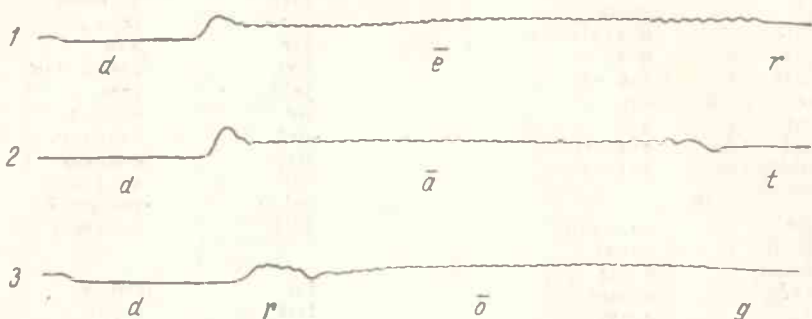
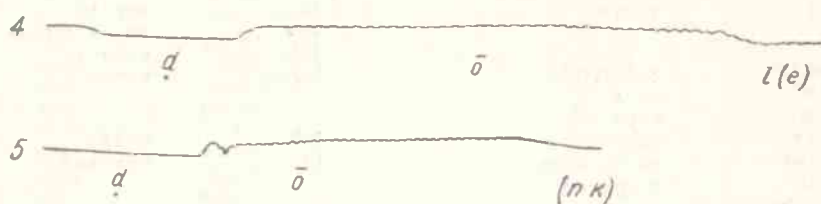
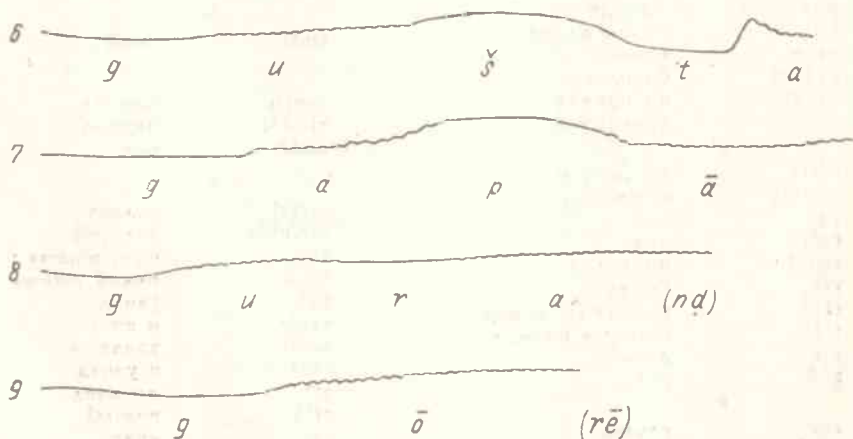
ēlén	е	умелый
ēš		он
ēzī		его
	g	
ganúk		глупец
gar(r)		плешь
gar(r)ók		плешивый
gastá		бродивший
gásti		он бродил
gástun		я бродил
gētir		лучше
gindit		видит
giptá		схваченный
gipti		он схватил
girdi		вокруг
girín		я возьму
gis		дом
gisá		дом (вин. пад.)
gis(s)e		некий дом
giná		ноздря, нюх
gīt		берет, возьмет
gögird		спички
gök		корова
gokán		коровы
gökē		какая-то корова
gor		горный козел
göre		некий горный козел
gōš		ухо
gōst		мясо
gōstān		мясо
gujā		где
gūdān		потом
gūlē		некий цветок
gušin		скажу
gustā		сказанный
gústi		он сказал
γussā	γ	печаль
	i	
ida		здесь
istí		(он) положил
ilāj		средство
	k	
kabūl		согласный
kadū		тыква
kad(d)úk		жук
kam		немного
kāmē		немножко
kaptā		упавший
kāpti		он упал
kas		человек
kaš		тяни
kār		дело
kārín		приношу
kīšín		сею
kīsti		он посеял
kismiš		кишмиш
kō		гора
kōnāg		старый
kurrāg		жеребенок
kurtā		сделанный
kúrtun		я сделал
kúrti		он сделал
kušin		убиваю

kustā	убитый	sardī	холод
kūsti	он убил	sal	год
kūstun	я убил	sēb	яблоко
kutēn	бронзовый	sēbē	какое-то яблоко
kuṭit	колотит	spētēn	белый
	l	sōgind	клятва
lālā	брат (обращение)		z
lēdā	верблюд	šap	ночь
lodi	музыкант	šāpe	некая ночь
lotit	требует	šar(r)	хорошо
	m	šart	условие
mār	змея	šar	город
mārē	некая змея	šer	лев
mas	мать	sērē	некий лев
māsi	его мать	sēsān	стекло
mēs	овца	šir	молоко
mni	мой	širā	сладость
mūd	волосы	širēn	сладкий
mūde	волосок	šut	он ушел
	n	šutā	ушедший
nēm	половина	šuti	он ушел
nindit	сидит		t
nīstun	я сел	tar	сырой
noķēn	новый	tārī	утром
nu/ō/ū	девять	tas	чашка
nukār	солдат	tēš	лемех, сошник
nūn	теперь	tēšā	лемех, сошник (вин. пад.)
	o	ti	твой
ōdā	там	tir	стрела
ōš	разум	tirē	некая стрела
	p	tulā	собака
pacit	варит(ся)	turāg	мешок
pad	след		t
par(r)	перо	tok	шутка
pas	овца	tū	большой
pāse	некая овца		u
pač	открытый	učor	очередь
pējān	полдень	uđē	да
pis	отец	ustāt	мастер
pisā	отец (вин. пад.)	uškār	засуха
pis(s)e	какой-то отец	uštūr	верблюд
pkus	убей		w
pōr	фазан	watī	свой
pōš	одежда		x
pōšē	некая одежда	xanjar	кинжал
prēn	брось	xizmat	служба
prēnit	бросает	xudā	бог
prēnt	он бросил		z
prēntā	бросивший	zar(r)	золото
	r	zar(r)ēn	золотой
rāsti	он достиг	zag	сын, юноша
rāstint	это правда	zāgē	некий юноша
rēc	лей	zān	узнай
rēcīt	льет	zanin	я знаю
rič(č)it	пролился	zantā	узнавший
rīs	борода	zantun	я узнал
rīzā	борода (вин. пад.)	zit	он взял
rīšē	какая-то борода	zitā	взятый
rōč	день	zōr	сила
rōd	река	zōri	его сила
	s		
sar	голова		
sarā	голову		

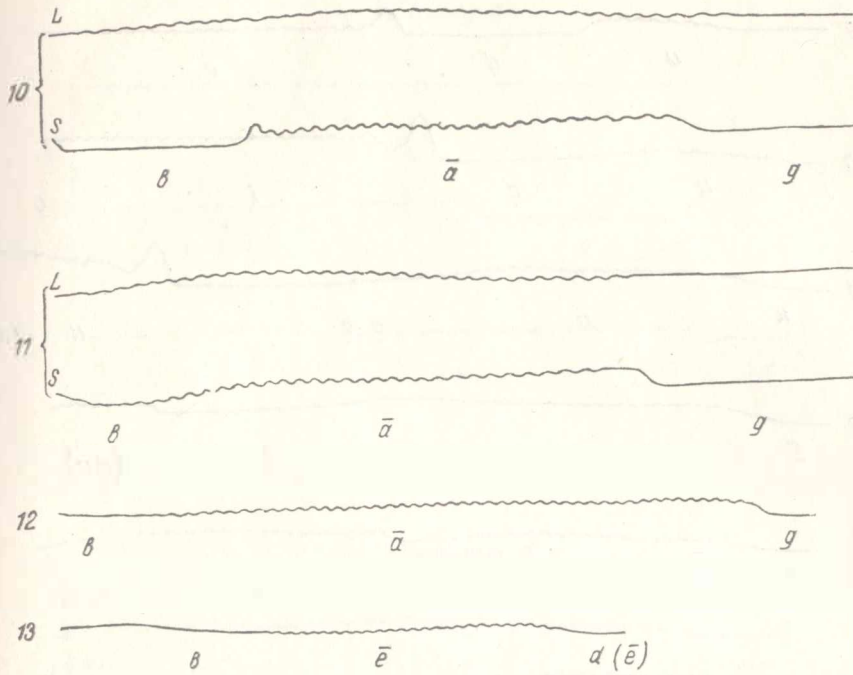
КИМОГРАММЫ СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ

1. Звонкие смычные

а) в начале слова

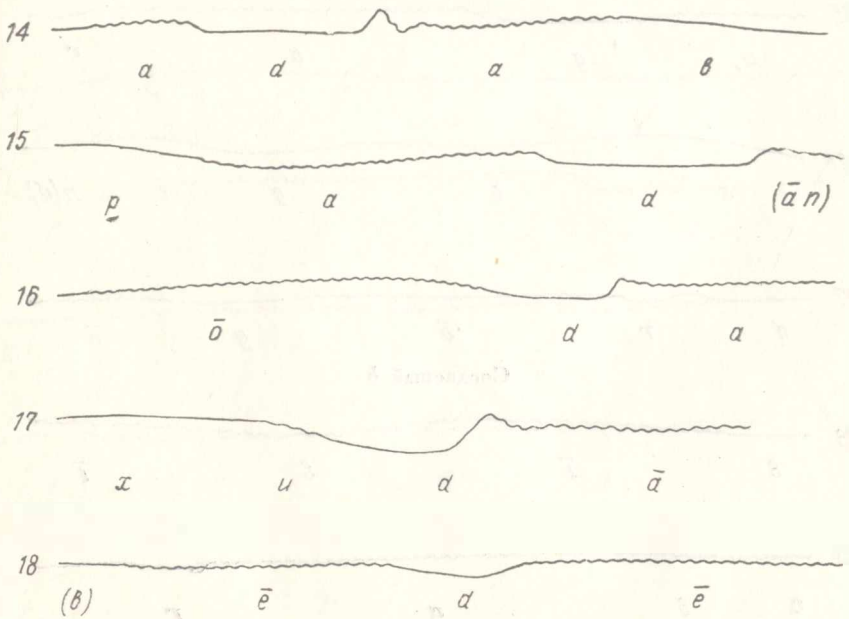
Согласный *d*Согласный *d*Согласный *g*

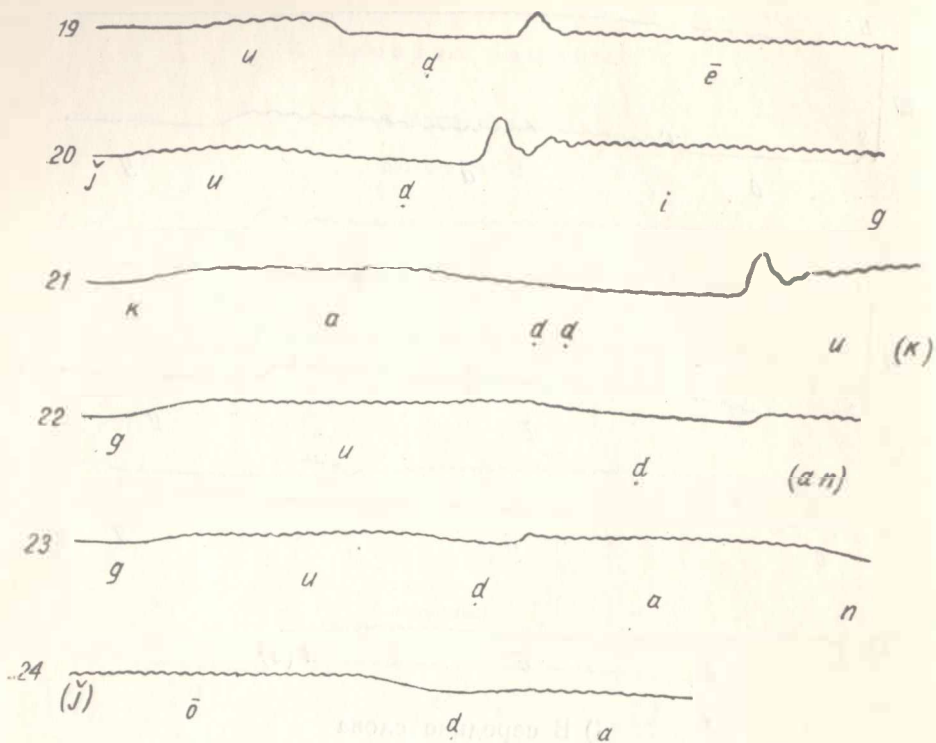
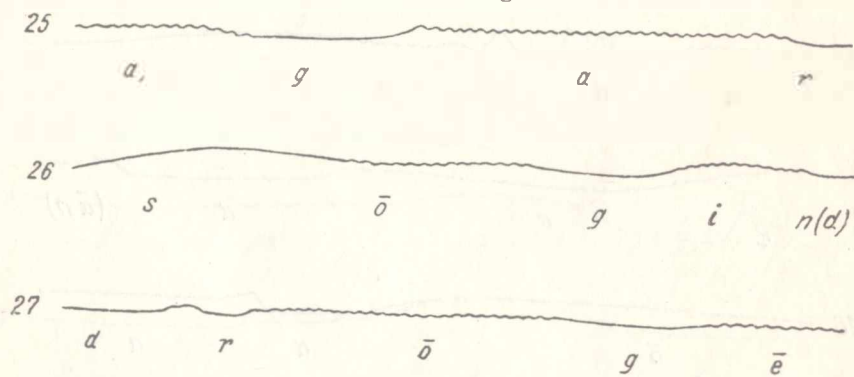
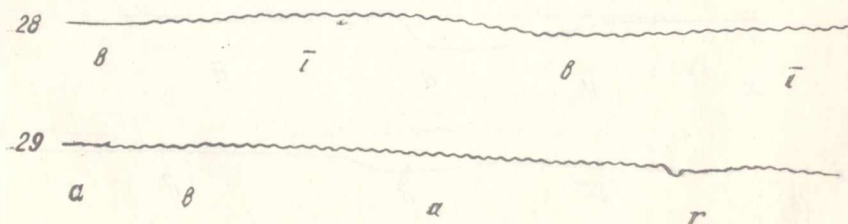
Согласный *b*

б) В середине слова

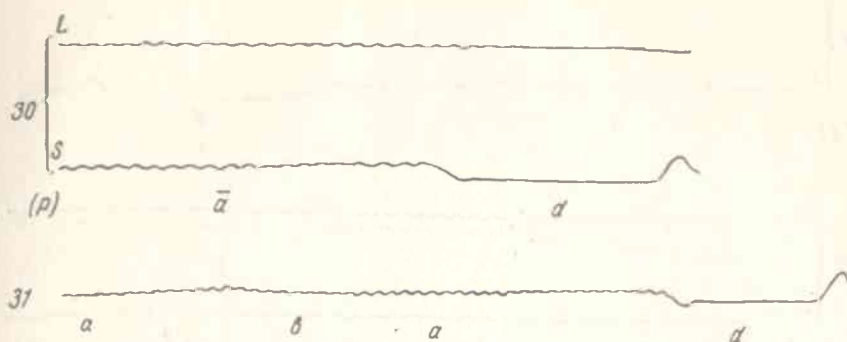
Согласный *d*

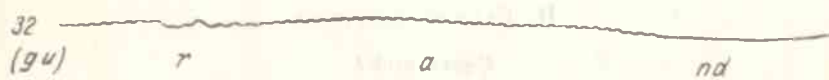
Согласный *d*Согласный *g*Согласный *b*

в) В конце слова

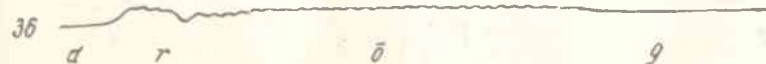
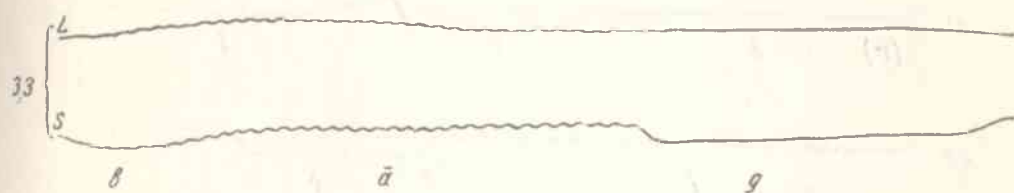
Согласный *d*

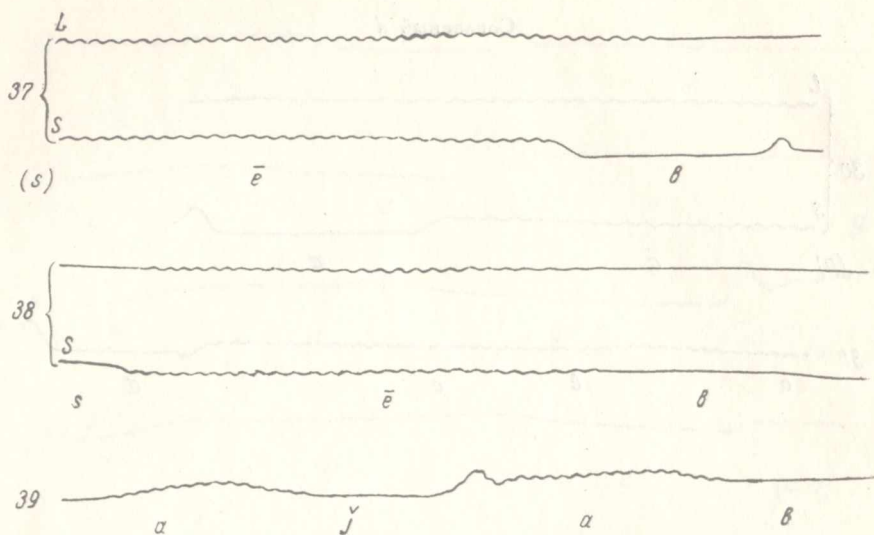

Согласный *d*

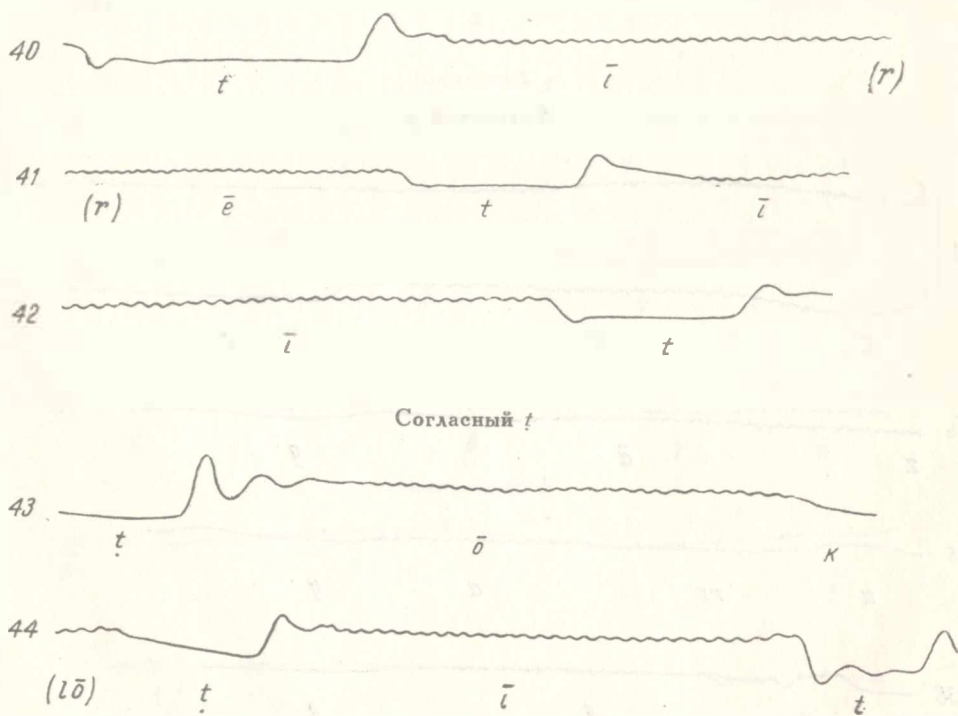

Согласный *g*

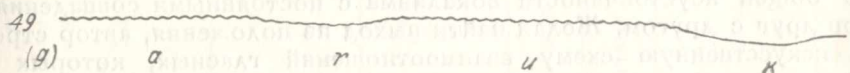
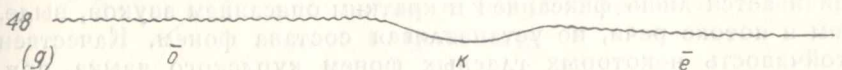
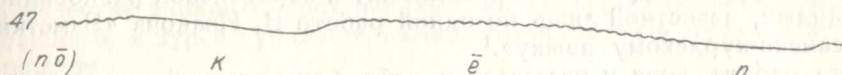
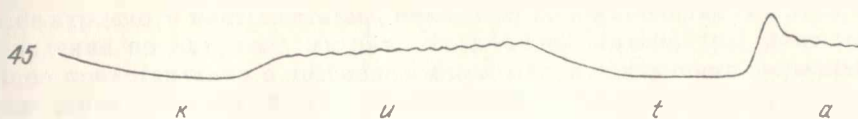

Согласный *b*

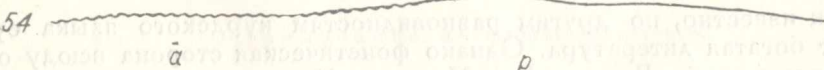
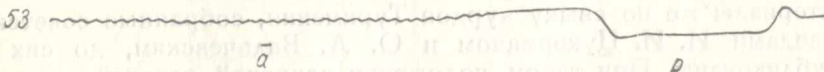
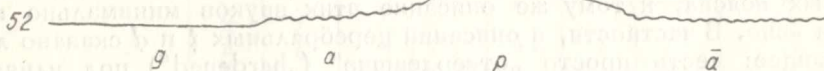
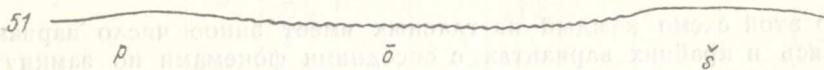
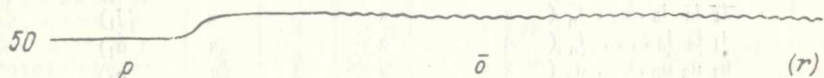
II. Глухие смычные

Согласный *t*

Согласный *k*

Согласный *p*

КУРДСКИЙ ЯЗЫК

Язык курдов Туркмении принадлежит к хорасанской разновидности курманджи, известной лишь по одной работе В. Иванова «Заметки по хорасанско-курдскому языку».¹

Эта работа, хотя и включает в себя фонетический очерк, удовлетворительного представления о фонетике все же не дает, так как автор ограничивается лишь фиксацией и кратким описанием звуков, выделенных им в потоке речи, не устанавливая состава фонем. Качественная неустойчивость некоторых гласных фонем курдского языка, при отсутствии фонологического подхода, создала у исследователя впечатление общей неустойчивости вокализма с постоянными совпадениями звуков друг с другом. Желая найти выход из положения, автор строит явно искусственную схему взаимоотношений гласных, которых он выделяет семь:

$a_1 a_2 a_3 \dots a_n$	(которое почти совпадает	e	$\check{a}_1$)
$\check{a}_1 \check{a}_2 \check{a}_3 \dots \check{a}_n$	(« « «	e_1	i_1)
$e_1 e_2 e_3 \dots e_n$	(« « «	i_1	i_1)
$i_1 i_2 i_3 \dots i_n$	(« « «	u_1	u_1)
$\check{i}_1 \check{i}_2 \check{i}_3 \dots \check{i}_n$	(« « «	o_1	o_1)
$u_1 u_2 u_3 \dots u_n$	(« « «	a_1	
$o_1 o_2 o_3 \dots o_n$	(« « «		

По этой схеме каждый из гласных имеет энное число вариантов, сливаясь в крайних вариантах с соседними фонемами по замкнутому непрерывному кругу: последняя фонема смыкается с первой. В консонантизме также выделен ряд звучаний, фонологическая значимость которых неясна, к тому же описание этих звуков минимально и не всегда ясно. В частности, в описании церебральных t и q сказано лишь следующее: «есть просто „отвердевшие“ („hardened“) под влиянием других согласных зубные», что, собственно, не дает никакого представления о церебральных и не убеждает в наличии их.

Материалы же по языку курдов Туркмении, собранные советскими курдоведом И. И. Цукерманом и О. Л. Вильчевским, до сих пор не опубликованы. При таком положении основной задачей исследования было установление состава фонем, с необходимой их характеристикой.

Как известно, по другим разновидностям курдского языка существует богатая литература. Однако фонетическая сторона всюду освещена очень слабо. В статье Б. В. Миллера «О некоторых проблемах курд-

¹ W. Iwanow. Notes on Khorasani Kurdish. Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal, vol. XXIII, 1927, № 1.

ской фонетики» (Иранские языки, II, 1950), где выделен ряд неясных вопросов курдского консонантизма, изложены также имеющиеся в литературе сведения по каждому из них. Этот обзор литературы дает достаточное представление о тех ненадежных методах изучения фонетики, которые характерны были для старых работ, особенно по зарубежным курдам. В лучшем положении находится изучение фонетики советских курдов Армении, для языка которых фонологический состав более или менее ясен, и разрешению подлежат лишь отдельные (выделенные как неясные) вопросы. Поэтому для сравнительных целей при работе использован главным образом диалект курдов Армении. Поскольку фонетической сводки по нему в литературе не опубликовано, привожу фонологические таблицы, составленные И. И. Цукерманом в 1938 г. и сообщенные в курсе курдского языка, читанном им в Ленинградском университете.

Звуковой состав языка курдов Армении
(по И. И. Цукерману)

Гласные

i u
e o
 a

ь — неопределенный гласный

Согласные:

		Губные		Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Велярные	Фарингальные
Смычные	чистые	p b p' m		t d t' n		k g k'	q	
	аффрикаты			č j č				
Щелевые	фрикативы		f v	s z			x γ	h <u>h</u>
				š ž				
	сонанты	w		l	y			
Дрожащие				r rr				

Примечание. č — фарингализованное.

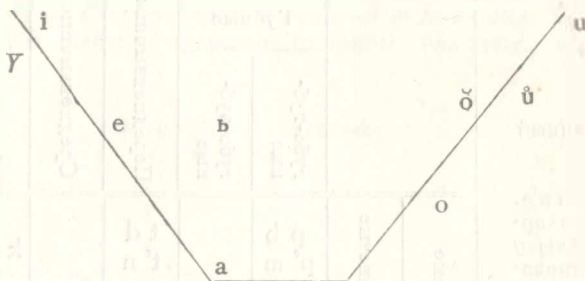
Сбор материалов по фонетике курдов Туркмении проводился в Ашхабаде в октябре 1947 г. Осведомителями были курды — студенты

Пединститута и Медшколы, брат и сестра Рагимовы из поселка Ванновское близ Фирузы. При работе применялся кимограф и искусственное небо. Палатограммы сняты у Рагимовой. Записи на кимографе производились у обоих осведомителей, но у Рагимовой главным образом лишь для контроля, потому что женский голос менее пригоден для записи. Поэтому в основу изложения по длительности гласных положены данные Рагимова. При изложении записи Рагимовой обозначаются буквами Р—ва, записи Рагимова помещаются или вовсе без обозначения или под буквами Р—в. Скорость вращения вала кимографа 159 мм/сек. Постоянность скорости проверялась, как и при записи у белуджей, сотенным (100 колебаний в секунду) камертоном.

ВОКАЛИЗМ

КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ

Вокализм языка курдов Туркмении насчитывает 9 фонем, которые можно представить в следующей таблице:

Эти девять фонем делятся на две группы. В одну группу входят фонемы *ь* и *õ*, в другую фонемы *î*, *e*, *a*, *o*, *û*, *u*, *y*. Фонемы *ь* и *õ* противопоставляются остальным фонемам своей редуцированностью, как количественной, так и качественной. В неударенном открытом слоге они могут исчезать вовсе, особенно *ь*. Роль их во многих случаях сводится лишь к слогаобразующей функции. Исторически фонема *ь* соответствует краткому *î*, иногда краткому *a*. Фонема *õ* соответствует в основной массе слов краткому *u*.

Остальные фонемы характеризуются своей как качественной, так и количественной устойчивостью во всех фонетических положениях за исключением одного — безударного исхода слова, где гласные этой группы могут заметно сокращаться и несколько терять свою качественную определенность. Исторически все фонемы этой группы соответствуют в основной массе слов долгим гласным, за исключением фонемы *a*, отражающей исторически краткое *a*. Именно *î < î̄*; *e < ē* (древнеиранск. *ai*); *a < ā*; *o < ā*; *û < ō* (др.-ир. *au*); *u < ū*; фонема *y* является новообразованием и соответствует преимущественно фонемам *o* и *u* в языке курдов Армении.

Но в курдском языке фонемы этой группы едва ли можно назвать долгими, так как в нем количественное противоположение хотя и не исчезло, но приняло иной вид: оно идет не по линии «долгота —

краткость», а по линии «редуцированность — нередуцированность». В отношении к редуцированным или сверхкратким гласным *ь* и *õ* гласные этой группы можно назвать простыми.

ФОНЕМЫ *ь*, *õ*

Примеры

<i>ь</i>		<i>õ</i>	
<i>dɨl</i>	сердце	<i>gõl</i>	цветок
<i>mɨn</i>	косв. пад. местоим. 1-го лица	<i>gõr</i>	волк
<i>bɨzɨn</i>	коза	<i>gõnõ</i>	вина
<i>sɨ</i>	тьнь	<i>jõft</i>	пара
<i>xonɨ</i>	дом	<i>hõkm</i>	приказ
<i>dɨz</i>	вор	<i>tõnt</i>	горький, терпкий
<i>lozɨm</i>	нужный	<i>dõšmân</i>	враг
<i>xɨrs</i>	медведь	<i>dõ</i>	два
<i>pɨšt</i>	спина	<i>stõkõr</i>	шея
<i>lɨ</i>	нога	<i>sõr</i>	тайна

Фонема *ь* — краткий или редуцированный неогубленный гласный, образуемый в пределах переднего и смешанного ряда. Фонема *õ* — краткий огубленный гласный, образуемый в пределах заднего и смешанного ряда. Степень подъема для обеих фонем фонологически почти безразлична и определяется фонетическим положением. Так, диапазон фонемы *ь* колеблется от 2-го до верхнего подъема. Наиболее отчетливо качество *ь* выявляется под ударением в односложных словах и в исходе слова, где его можно определить как краткое открытое *e*, отодвинутое назад (вариант «*e* — » или «*ə*»): «*dɨ-l*» 'сердце'; «*xonɨ* — » 'дом'. В слогах, закрытых двумя согласными, в соседстве с заднеязычными и увулярными согласными, в двусложных словах и во всех неударенных положениях *ь* обычно бывает смешанного ряда более высокого подъема (обычно между 4-й и 5-й ступенями подъема) и очень кратким: «*xɨrs*» 'медведь', «*lozɨm*» 'нужный', «*bɨzɨn*» 'коза', «*pɨšt*» 'спина'. Крайняя степень редукции *ь* возникает в неударенном открытом слоге, где *ь* может исчезать вовсе, особенно перед сонантами: *kros* || *kɨrõs* 'рубашка', *gzer* || *gɨzér* 'морковь'.

Верхний передний вариант («*i*») возникает в положении перед *y*: «*s'iyõr*» 'всадник', «*d'ijõ mɨn*» 'моя мать'. Здесь *ь* тоже может легко исчезать, оставляя за собой сильную палатализацию предшествующего согласного: «*s'yõr*, *d'yo*».

Для фонемы *õ* наиболее характерен подъем, указанный в таблице (т. е. 4-й подъем), но она может быть и более открыта (до 3-й ступени) и более закрыта (до 5-й ступени). Она более устойчива, чем фонема *ь*, и подвергается полному сокращению значительно реже. Фонема *õ* может продвигаться вперед до смешанного ряда: «*stõ-kõr*» 'шея', «*sõ-r*» 'тайна'. Таким образом, в ряде случаев единственным звукоразделом между *ь* и *õ* остается признак огубленности. Отсюда возможно смешение обеих фонем: *ь* может перейти в фонему *õ*, и обратно. Чаще при этом происходит делабиализация *õ*, чем лабиализация *ь*. Этим могут быть объяснены нередкие случаи соответствия фонемы *ь* этимологическому *й*, а не *й*: *pɨšt* 'спина', *dɨz* 'вор', *bɨlɨl* 'соловей'.

ФОНЕМЫ *i, e*

Примеры

<i>i</i>		<i>e</i>	
<i>šir</i>	молоко	<i>sev</i>	яблоко
<i>tir</i>	стрела	<i>šer</i>	лев
<i>pir</i>	старый	<i>bel</i>	лопата
<i>çit</i>	ситец	<i>xer</i>	добро
<i>dik</i>	петух	<i>kem</i>	меньше
<i>isol</i>	в этом году	<i>mêž</i>	мозг
<i>p'inâ</i>	заплата	<i>bedâ</i>	люцерна
<i>bist</i>	двадцать	<i>me</i>	овца
<i>ryvî</i>	лиса	<i>se</i>	три
<i>dōyri</i>	прямо		

Фонема *i* — неогубленный гласный верхнего подъема переднего ряда, устойчивый в своем качестве. Фонема *e* — неогубленный гласный переднего ряда 4-го подъема. В исходе слова, особенно под ударением, может несколько расширяться: «*me*» 'овца', «*se*» 'три'. В закрытых слогах, напротив, фонема *e* сужается: «*šer*» 'лев', «*bel*» 'лопата', «*sev*» 'яблоко'. Индивидуально и в зависимости от стиля речи *e* в закрытых слогах может сужаться настолько, что его легко смешать с *i*: «*šir*». Повидимому, в языке возможно смешение обеих фонем в этом положении, так как существуют такие дублиеты, как *k'er* || *k'ir* косв. пад. от *k'or* 'работа'. В открытых слогах такого сильного сужения *e* не происходит, даже при быстром темпе речи; *e* в словах: *evór* 'вечер', *mêž* 'мозг', *šerón* 'львы', *k'or daké* 'работает' всегда сохраняет свое качество.

В безударном исходе слова фонемы *i* и *e* несколько сокращаются, благодаря чему они могут иногда сближаться на слух с фонемой *ь*. Повидимому, возможно смешение этих фонем, так как засвидетельствован случай безразличного употребления *ь* и *i* (изафет): *sólъ bywъ* || *sólî bywî* 'будущий год'. В остальных фонетических положениях *i* и *e* сохраняют свою длительность.

ФОНЕМА *a*

Примеры

<i>k'ar</i>	осел	<i>agár</i>	если
<i>kar</i>	глухой	<i>k'ânâ</i>	старый
<i>dast</i>	рука	<i>habt</i>	семь
<i>bas</i>	хватит	<i>darpék</i>	брюки
<i>az</i>	я	<i>la</i>	предлог места и времени
<i>odâm</i>	человек	<i>ponzdâ</i>	пятнадцать
<i>k'alâm</i>	капуста		

Фонема *a* — неогубленный гласный нижнего подъема, по преимуществу нейтрального (смешанного) ряда. В зависимости от окружающих согласных может продвигаться вперед и назад, но незначительно: рядом с увулярными и заднеязычными оно более заднее, рядом с согласными со среднеязычной артикуляцией оно более переднее: «*k'ar*» 'осел', «*qarpuz*» 'арбуз', «*ža*» предлог исхода, «*ša-s*» 'шесть', «*k'ór dakâ-y*» 'работает'.

Фонема *a* соответствует исторически краткому *a*, а между тем она не попала в группу редуцированных, в отличие от исторически кратких *и* и *і*.¹ Объяснение этому можно искать в следующем.

В белуджском вокализме мы видели, что для фонем *і* и *и* характерна большая краткость, чем для фонемы *a*. Это объяснялось тем обстоятельством, что для белуджских *і* и *и*, поскольку они противоплагаются одновременно двум фонемам, краткость является обязательным признаком для любого фонетического положения. Если для белуджского *a* достаточно качественного отличия от *ā*, то для белуджских *і* и *и* необходима еще и краткость, так как, противопоставляясь качеством фонемам *ī* и *ū* (соответственно), они тем самым сливаются качественно с фонемами *ē* и *ō* и обратно (в зависимости от фонетического положения). Таким образом, то, что в белуджском можно наблюдать для *і* и *и* в зачаточном виде, получило в курдском дальнейшее развитие, — постоянная и большая по сравнению с *a* краткость *і* и *и* привела к их редукции, что протекало параллельно с сокращением долгих и превращением их в простые. Не подвергшееся редукции *a* попало таким образом в группу простых.

Фонема *a* отличается своим качеством от соответствующей фонемы языка курдов Армении, являющейся гласным переднего ряда 2-го подъема («æ»).

ФОНЕМА *o*

Примеры

<i>ov</i>	вода	<i>k'or</i>	работа
<i>boγ</i>	сад	<i>bozor</i>	базар
<i>gomúš</i>	буйвол	<i>xonb</i>	дом
<i>odám</i>	человек	<i>rost</i>	правда
<i>hazór</i>	тысяча	<i>ammo</i>	однако
<i>go</i>	бык		

Фонема *o* — огубленный гласный заднего ряда 3-го подъема, равный по своему звучанию таджикскому *o*. Устойчив в своем качестве и количестве, за исключением положения в безударном исходе, где он может сокращаться и сближаться на слух с фонемой *ō*. Соответствует историческому *ā*. Фонема *o* отличается своим качеством от соответствующей фонемы языка курдов Армении, являющейся слегка огубленным гласным заднего ряда нижнего или 2-го подъема («a°» или «ɔ»).

ФОНЕМЫ *ı̄*, *и*

Примеры

<i>ı̄</i>		<i>и</i>	
<i>t'úr</i>	пушка	<i>bum</i>	сова
<i>búz</i>	белый	<i>tum</i>	воск, сургуч
<i>šúr</i>	солёный	<i>k'ur</i>	глубокий
<i>k'ına</i>	ветхий	<i>dur</i>	далекий
<i>júrón</i>	кукуруза	<i>gomúš</i>	буйвол
<i>gú</i>	(он) сказал	<i>k'ucá</i>	улица
<i>rú</i>	день, солнце	<i>šuśá</i>	стекло
		<i>tu</i>	волосы
		<i>bu</i>	он стал

¹ Редукция *a* в фонему *ɔ* наблюдается лишь в незначительном количестве случаев. Уместно и объяснить эти случаи — задача дальнейшего исследования.

Фонемы *й* и *и* — огубленные гласные заднего ряда; *и* является гласным верхнего подъема; *й* занимает промежуточное положение между *о* и *и*, но ближе к последнему, и артикулируется между 4-м и 5-м подъемом, обычно ближе к 5-му подъему, так что на русский слух напоминает скорее *у*, чем *о*. Таким образом, курдское *й* несколько уже соответствующего ему *о* армянских курдов. Обе фонемы устойчивы как в качественном, так и в количественном отношении. В безударном исходе слова не встречены.

ФОНЕМА *у*

Примеры

<i>kʏr</i>	слепой	<i>rʏvi</i>	лиса
<i>ʃʏr</i>	сабля	<i>nʏnʔk nʏnʔk</i>	ноготь
<i>kʏn</i>	палатка	<i>kʏrak</i>	некий слепой
<i>sʏr</i>	красный	<i>kʏnak</i>	некая палатка
<i>gʏz</i>	орех	<i>sʏrʔk</i>	сыпь
<i>xʏn</i>	кровь	<i>gʏzak</i>	некий орех

Фонема *у* — новообразование языка курдов Туркмении. Является огубленным гласным, артикулируемым в пределах переднего ряда с возможным отодвижением назад. По степени подъема колеблется между верхним и 5-м подъемом. Обычно дифтонгоиден: от *у* к *и* («*vʔ*»); «*xʏn*» 'кровь', «*sʏr*» 'сабля'. Соответствует в языке курдов Армении фонемам *о*, *и* (исторически долгим). О том, что *у* представляет фонему, а не вариант какой-либо из фонем, с которыми *у* так или иначе может соотноситься (с фонемами *о*, *и*, *и̇*, *о̇*, *и̇*), говорит факт употребления *у* в одних и тех же фонетических положениях с указанными фонемами: *gʏz* 'орех' и *bʏz* 'белый'; *xʏn* 'кровь' и *hʏn* 'вы', *ʃʏn* 'место'; *kʏr* 'слепой' и *gʊr* 'волк', *kʏr* 'глубокий', *pʏr* 'старый'. Для большей убедительности можно привести и пары, различающиеся только гласными:

у

о̇, о, и̇, и

sʏr красный
ʃʏr меч

sʊr тайна, *sor* холод
ʃʊr соленый, *ʃir* молоко

Для объяснения возникновения этой фонемы фактов пока недостаточно. Существенно отметить, однако, что качественно она совпадает с фонемой *у* туркменского языка.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

ФОНЕМЫ *и̇*, *е̇*, *а̇*, *о̇*, *и̇*, *и̇*, *у̇*

В односложном слове

Для каждого гласного дается средняя длительность с указанием в скобках числа измерений, из которых выведена средняя; под цифрой средней длительности дается диапазон типовой длительности, а под типовой длительностью — пределы крайних отклонений.

Слог, закрытый одним согласным

Перед г и звонкими щелевыми

i	<i>tir</i>	стрела	<i>t'ir</i>	столб	14.6 (15)
	<i>pir</i>	старый	<i>hiv</i>	луна	12—17
	<i>šir</i>	молоко	<i>niv</i>	половина	12—18
e	<i>šer</i>	лев	<i>beγ</i>	сад(косв.пад.)	16.0 (28)
	<i>zer</i>	золото	<i>sev</i>	яблоко	14—17
	<i>jew</i>	карман	<i>pez</i>	овца(косв.пад.)	13—21
	<i>xer</i>	добро			
a	<i>zar</i>	желтый	<i>k'ar</i>	осел	15.6 (29)
	<i>bar</i>	грудь	<i>az</i>	я	14—18
	<i>kar</i>	глухой	<i>dav</i>	рот	13—19
	<i>tar</i>	сырой	<i>paz</i>	овца	
o	<i>bor</i>	груз	<i>boγ</i>	сад	
	<i>dor</i>	дерево	<i>bov</i>	отец	16.6 (33)
	<i>or</i>	мука	<i>ov</i>	вода	14—18
	<i>sor</i>	холодный	<i>oš</i>	мельница	13—21
	<i>xor</i>	тощий	<i>p'oš</i>	сзади	
u	<i>šur</i>	соленый	<i>xur</i>	кривой	16.7 (22)
	<i>p'ur</i>	волосы	<i>buz</i>	белый	14—18
					13—23
u	<i>dur</i>	далекий			14.4 (15)
	<i>k'ur</i>	глубокий			12—17
					12—17
y	<i>kγr</i>	слепой	<i>sγr</i>	красный	18.0 (21)
	<i>šγr</i>	меч	<i>gγz</i>	орех	17—18
					16—22

Как видно из приведенных цифр, длительность всех семи гласных очень близка друг к другу. Несколько большую среднюю длительность дает фонема *γ*, но это происходит за счет большего количества отклонений от типовой длительности в сторону удлинения, а не от сдвига самой типовой длительности, которая, как и для других гласных, не превышает 18σ. Наиболее же типична для *γ* длительность в 17σ: из 21 измерения 11 случаев падает на 17σ и только 3 на 18σ, длительность же свыше 18σ (с 19 по 22σ) засвидетельствована всего в 6 случаях.

Кроме того, несколько большая длительность *γ* может объясняться и тем, что оно записывалось на 1-й ленте, когда диктор с большим старанием произносил слова. Эта же большая отчетливость произношения могла сказаться и на записанных на той же 1-й ленте гласных *й* и *о*, которые тоже несколько длиннее остальных гласных. То, что приведенная их длительность не постоянна, а связана с темпом речи, показывает сравнение имеющихся записей *й* в словах *gūt* и *t'ūr* на 1-й и 3-й лентах. Данные 1-й ленты: *t'ūr* 'пушка' 16.0(7), данные 3-й ленты: *gūt* 'он сказал' 13.3(8), хотя в первом случае имеем более благоприятное положение для сокращения *й*, так как оно находится между двумя глухими смычными. Следовательно, отмеченное колебание в средней длительности гласных—это лишь отражение их колебаний в пределах их нормальной (типовой) длительности, одинаковой для всех гласных. Сведение данных по всем семи гласным дает четкую картину их общей типовой длительности для данного положения, именно: 14—17σ (табл. на стр. 89). Общая средняя для всех гласных равна 16.0σ (160).

Перед сонантами *л, l, т* и глухими

i	<i>hin</i>	привычный	12.7 (19)
	<i>mis</i>	медь	11—13
	<i>ċit</i>	ситец	9—15
	<i>dik</i>	петух	—
e	<i>kem</i>	мало	13.4 (7)
	<i>bel</i>	лопата	13—15
			13—15
a	<i>sad</i>	сто	13.4 (6)
	<i>haq</i>	право	—
			11—16
o	<i>k'ol</i>	дыня	14.2 (8)
	<i>sol</i>	год	—
	<i>xol</i>	дядя	12—16
û	<i>t'ûp</i>	пушка	15.0 (21)
	<i>gût</i>	он сказал	13—17
	<i>sûl</i>	обувь	12—19
u	<i>bum</i>	сова	11.6 (17)
	<i>mum</i>	воск	11—13
	<i>hun</i>	вы	8—14
	<i>şun</i>	место	—
v	<i>p'ut</i>	пуд	—
	<i>kyn</i>	палатка	16.6 (8)
			15—19

В этом положении все гласные в своей средней длительности сокращаются примерно на 2σ. Общая типовая длительность равна 12—15σ, т. е. сдвигается несколько в сторону сокращения при почти тех же пределах максимальной длительности. Общая средняя равна 13.4σ (77).

Слог, закрытый двумя согласными

i	<i>bist</i>	двадцать	14.7 (8)
			14—16
			13—16
e	<i>dest</i>	рука (косв. пад.)	14.9 (12)
	<i>penj</i>	пять	14—17
			13—18
a	<i>dast</i>	рука	15.0 (10)
			14—16
			13—17
o	<i>rost</i>	правый	17.4 (7)
			14—17
			13—20
û	<i>dûst</i>	друг	17.7 (9)
	<i>gûşt</i>	мясо	15—19
	<i>p'ûst</i>	кожа	15—21

Как видно из приведенных данных, гласные в слоге, закрытом двумя согласными, не сокращаются сколько-нибудь заметно. Общая типовая длительность равна 14—17σ (табл. на стр. 89).

Следовательно, нормальная длительность гласных в односложном слове (закрытый слог) в зависимости от фонетических условий колеблется очень незначительно — в пределах 11—17σ в произношении Рагимова. Диапазон крайних отклонений тоже невелик: 8—23σ.

Аналогичную картину дают и имеющиеся записи Рагимовой, которая при подчеркнуто отчетливом произношении дает максимально долгое звучание гласных (записанные слова — те же):

	Перед <i>г</i> и зв. щел.	Перед <i>л, т, л</i> и смычными	В слоге, закрытом двумя согласными
<i>i</i>	19.4 (16)	18.5 (11)	17.4 (4)
	18—20	17—20	15—16
	14—22	17—22	15—22
<i>e</i>	18.4 (14)	17.0 (3)	19.2 (4)
	17—19	—	18—20
	16—21	16—18	18—23
<i>a</i>	—	—	—
<i>o</i>	16.4 (47)	15.2 (5)	16.1 (7)
	14—18	—	15—18
	12—21	13—17	15—18
<i>ü</i>	17.0 (16)	14.9 (12)	14.6 (8)
	14—19	14—18	13—15
	14—19	10—18	13—17
<i>u</i>	19.8 (15)	17.7 (10)	—
	17—20	14—17	—
	17—23	14—21	—
<i>y</i>	18.0 (24)	15.5 (6)	—
	15—19	13—16	—
	11—23	13—18	—

Существенно здесь отметить, что в данной записи наиболее долгими оказываются гласные *i* и *u* и наиболее краткими — *o* и *ü*, в противоположность записи Рагимова. Значит, действительно наблюдаемое различие в длительности гласных зависит целиком от темпа речи.

Хотя Рагимова дает предельно четкое звучание, длительность гласных в ее произношении не слишком увеличивается. Общая типовая длительность в 1-м фонетическом положении колеблется между 14—19 σ, т. е. удлинена по сравнению с произношением Рагимова на 2 σ. Существенно, что предел максимальной длительности (крайние отклонения) остается тем же самым — 23 σ.

Поскольку длительность всех семи гласных одинакова, в дальнейшем для большей простоты изложения данные для всей группы гласных будут излагаться суммарно, с указанием лишь типичных, отражающих данное фонетическое положение, слов.

В двусложном слове

В исходе слова

Ударенные

1) Тип: *bɛrɛ́, rɛví*

Средняя длительность	14.4 (118)
Типовая длительность	12—17
Крайние отклонения	9—22

В этом положении имеем ту же длительность, которая характерна для односложного слова в закрытом слоге.

Неударенные

2) Тип: *ɛ́*ónde*

Средняя длительность	12.3 (61)
Типовая длительность	9—15
Крайние отклонения	6—18

Неударенные гласные, хотя и сокращаются заметно, что сказывается на сдвиге и типовой их длительности и пределов их длительности (крайние отклонения), но все же не очень сильно: типовая длительность ударенных и неударенных исходных гласных совпадает на отрезке в 4σ (12—15σ), т. е. неударенные гласные сокращаются не обязательно и не регулярно, но имеют больший диапазон сокращаемости (до 9σ).

В открытом начальном слоге

Ударенные

	1) Тип: <i>méžb</i> , <i>bûne</i> , <i>hôte</i>	2) Тип: <i>k'arak</i>
Средняя длительность	12.4 (56)	9.5 (7)
Типовая длительность	11—15	9—12
Крайние отклонения	7—18	6—12

Неударенные

	1) Тип: <i>ryvî</i> , <i>odâm</i> , <i>utôγ</i> , <i>bedâ</i>	2) Тип: <i>k'alâm</i> , <i>k'uçâ</i> , <i>p'onî</i>
Средняя длительность	11.2 (162)	8.3 (85)
Типовая длительность	10—14	6—11
Крайние отклонения	6—16	4—15

Цифры показывают, что и в этом положении ударение мало влияет на длительность гласной. Большее влияние оказывают глухие смычные, сокращая гласный.

В закрытом начальном слоге

Ударенные

	1) Тип: <i>gârma</i> , <i>disso</i>	2) Тип: <i>cônde</i>
Средняя длительность	12.4 (14)	9.7 (12)
Типовая длительность	11—14	8—11
Крайние отклонения	11—14	8—11

Неударенные

	1) Тип: <i>darpék</i> , <i>jondór</i>	2) Тип: <i>t'axtâ</i>
Средняя длительность	11.6 (28)	8.1 (19)
Типовая длительность	10—13	7—11
Крайние отклонения	8—13	6—11

Из приведенных цифр видно, что в закрытых слогах длительность гласных такая же, как и в открытых.

В закрытом исходном слоге

Ударенные

	1) Тип: <i>jondór</i> , <i>gomûš</i> , <i>niçîr</i>	2) Тип: <i>darpék</i> , <i>t'of'ân</i> , <i>pyštâk</i>
Средняя длительность	12.6 (90)	10.5 (76)
Типовая длительность	11—14	9—13
Крайние отклонения	7—18	6—17

Неударенные

1) Тип: *k'ōrak*,
k'cramak

Средняя длительность 11.1 (16)
Типовая длительность 10—13
Крайние отклонения 10—14

В результате, все приведенные данные говорят о малой изменчивости рассматриваемых гласных по длительности. Ударение, характер слога и его положение в слове почти не влияют на длительность гласных. Наиболее долог гласный в односложном слове, но и здесь его нормальная длительность даже в положении, благоприятном для сохранения длительности (рядом со звонкими и щелевыми), колеблется в пределах всего лишь 14—17с. Таким образом, для рассматриваемых гласных при большой их устойчивости характерна сравнительно малая абсолютная длительность.

Для большей наглядности ниже приводится сводная таблица длительности гласных в рассмотренных фонетических положениях.

Таблица длительности гласных *i*, *e*, *a*, *o*, *u*, *ɨ*, *ʉ* в отдельных измерениях между звонкими и щелевыми

Длительность в с	Односложное слово		Двусложное слово							
	перед одним согласным	перед двумя согласными	открытый слог				закрытый слог			
			в исходе		в начале		первый слог		второй слог	
			удар.	неудар.	удар.	неудар.	удар.	неудар.	удар.	неудар.
5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
7	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—
8	—	—	—	2	3	5	—	1	1	—
9	—	—	2	6	3	7	—	—	2	—
10	—	—	3	5	3	24	—	9	5	5
11	—	—	5	9	8	20	3	5	16	6
12	4	—	24	11	8	42	6	10	17	2
13	10	3	18	7	10	20	3	3	20	2
14	20	8	24	6	6	18	2	—	16	1
15	27	9	21	10	7	8	—	—	8	—
16	29	9	10	2	1	6	—	—	2	—
17	33	5	16	3	3	1	—	—	1	—
18	15	2	5	1	2	—	—	—	1	—
19	9	4	2	—	1	—	—	—	—	—
20	8	1	4	—	—	—	—	—	—	—
21	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
23	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Общее количество измер.	162	42	135	64	56	162	14	28	90	16

Примечание. Цифры в столбцах означают число произнесений, падающих на данную единицу длительности. Типовая длительность обозначена жирными цифрами.

ФОНЕМЫ ь, ӧ

В односложном слове

Слог, закрытый одним согласным

	1) Тип: <i>dbz, gôr</i>		2) Тип: <i>dyl, göl</i>	
	Р-в	Р-ва	Р-в	Р-ва
ь	9.3 (13)	9.7 (8)	7.1 (17)	9.2 (18)
	9—11	—	6—8	7—10
	9—11	7—12	6—8	7—13
ӧ	8.5 (16)	9.6 (19)	8.0 (4)	10.5 (4)
	8—10	8—12	—	—
	8—10	5—15	6—9	7—13

Данные по обоим гласным у обоих дикторов весьма близки, так что их можно суммировать. В результате суммирования имеем:

	1-й тип	2-й тип
Средняя длительность	9.2 (56)	8.3 (43)
Типовая длительность	8—11	6—9
Крайние отклонения	5—14	6—13

Слог, закрытый двумя согласными

	1) Тип: <i>sbst, jöft</i>	2) Тип: <i>körm</i>
Средняя длительность	9.7 (32)	7.3 (16)
Типовая длительность	7—10	5—9
Крайние отклонения	7—14	5—10

В двусложном слове

В исходе слова

Ударенные

	1) ӧ (<i>dödö</i>)	2) ь (<i>xonb</i>)
Средняя длительность	17.7 (11)	10.5 (8)
Типовая длительность	15—20	8—12
Крайние отклонения	15—20	6—15

Здесь ӧ выделяется своей длительностью. Повидимому, оно в ударном исходе примыкает к первой группе гласных, а не к ь; фонема ь тоже несколько растягивается в ударном исходе по сравнению с односложным словом (закрытый слог), что не было характерно для гласных первой группы.

Неударенные

(Данные имеются только для ь: *méžb, cöpkb*)

Средняя длительность	8.9 (6)
Типовая длительность	7—10
Крайние отклонения	7—12

Насколько можно судить по небольшому количеству измерений, неударенное ь в исходе сокращается незначительно.

В открытом начальном слоге

Ударенные

 (Имеются данные только для *ь* в слове *тѣна*)

Средняя длительность	4.9 (9)
Типовая длительность	4—6
Крайние отклонения	3—7

Неударенные

Тип: <i>dyzdk, dōdō</i>	Тип: <i>zylōn, t'ōt'ūn, qyrōs, honār</i>
<i>ь</i> 6.3 (13)	1.7 (41)
4—6	0—5
3—11	0—8
<i>ō</i> 6.7 (21)	3.9 (17)
6—8	2—5
3—11	2—6

Как видно из приведенных цифр, гласный *ō* несколько устойчивее, чем *ь*: он сокращается несколько меньше и не исчезает из слова, как это характерно для *ь* в соответствующих фонетических условиях (главным образом перед сонантами *r, l, m, n*). Между глухими *ō* нормально оглушается целиком (в словах *t'ōt'ūn, stōkōr*) и при его малой краткости представляет лишь качественно неопределенный слогообразующий призвук. Полная редукция *ь* может приводить к полному выпадению его из слова, с превращением двусложного слова в односложное: *byro* || *bro* 'брат', *qyros* || *qros* 'рубашка' и т. д.

Как средство сохранения *ь* в слове в нужных случаях выступает ударение (которое в курдском языке подвижно, причем словарное ударение может подчиняться фразовому и логическому ударениям). Так, имеем *x^oān tēnā* 'моя сестра', где добавочное ударение поддерживает корневое *ь* (*tēnā*), которое иначе должно было бы исчезнуть между двумя сонантами. Аналогично, повидимому, следует объяснять и обязательное сохранение *ь* при вопросительной интонации (на что указывал в устной беседе Ч. Х. Бакаев для языка курдов Армении), т. е. появлением добавочного ударения в слове.

В закрытых слогах длительность обоих гласных (*ō, ь*) одинакова, причем ударение не влияет на длительность сколько-нибудь заметно. Например, в первом слоге ударенное *ō* (тип: *t'ōnt-ā, cōmki*) имеет длительность 4.4σ(4), а неударенное в тех же фонетических условиях (тип: *qōrwōn*) — 3.8σ(9). Большее влияние оказывают соседние согласные: глухие смычные и сонанты сокращают длительность *ь* и *ō*. Так, средняя длительность обоих гласных в первом закрытом слоге, по имеющимся данным, равна: после звонких 5.7σ(13), после глухих смычных и перед сонантами 3.7σ(24), т. е. повторяет тот же диапазон длительности, какой характерен и для открытых слогов, но лишь без редукции *ь*.

Во втором закрытом слоге длительность обоих гласных несколько больше. В положении после звонких — 7.4σ(24).

ВЫВОДЫ

Изложенный материал позволяет выделить следующие основные черты обеих групп гласных.

Гласные первой группы (*i, e, a, o, й, u, y*)

1. Все гласные этой группы имеют одинаковую длительность и одинаково изменяются по длительности в зависимости от фонетических условий.

2. Они характеризуются сравнительно малой абсолютной длительностью. В наиболее благоприятных условиях (в односложном слове) их типовая длительность колеблется лишь между 14—17σ. В результате этого гласные нормально не очень напряжены и полновочувствительны.

3. Длительность гласных в различных фонетических условиях изменяется очень мало, общий диапазон их типовой длительности (между звонкими и шепелявыми) равен всего 9σ (от 17 до 9σ). Для односложного слова характерна длительность в 14—17σ, для двусложного 10—14σ (для ударенных слогов 11—14σ, для неударенных 10—13σ). В неударенном исходе слова гласные нормально могут сокращаться до 9σ (диапазон 9—14σ), т. е. могут быть в этом положении наиболее краткими.

4. Сокращающее влияние на длительность гласных оказывают глухие смычные и сонанты *n, l, m*. В среднем они сокращают гласные на 2σ; диапазон нормальной длительности гласных в соседстве с глухими или сонантами равен 15—6σ.

Гласные второй группы (*ь, ъ*)

1. Гласные второй группы характеризуются крайне малой абсолютной длительностью. В наиболее благоприятном положении (односложное слово) между звонкими и шепелявыми их нормальная длительность колеблется между 8—11σ, а в соседстве с глухими смычными и сонантами между 6—9σ. Поэтому гласные *ь* и *ъ* всегда ненапряжены и характеризуются большой шумностью и малой качественной определенностью.

2. Во всех закрытых слогах оба гласных имеют одинаковую длительность и одинаково изменяются. Для закрытых слогов двусложного слова характерна их длительность в 4—8σ.

3. В открытых слогах гласный *ъ* выявляется как более устойчивый по сравнению с *ь*. В неударенном начальном слоге для фонемы *ь* характерна полная редукция (выпадение), особенно перед сонантами. Общий ее диапазон в этом положении равен 6—0σ. Фонема *ъ* не редуцируется до полного выпадения. Ее диапазон в этом положении равен 8—2σ. Полное оглушение обоих гласных между глухими является нормальным для двусложных слов (как в открытых, так и в закрытых слогах).

4. В абсолютном исходе под ударением гласные *ь* и *ъ* имеют наибольшую длительность. Нормальная длительность *ь* 8—12σ. Повидимому, *ъ* в этом положении может чрезвычайно растягиваться, вплоть до длительности гласных первой группы. В неударенном исходе гласный *ь* сокращается мало, его диапазон в этом положении равен 7—10σ. А так как типовая длительность гласных первой группы в этом положении равна 9—14σ, то их количественное совпадение на протяжении 2σ (9—10σ) является нормальным, что влечет за собой возможные случаи смещения *i* с *ь*. Фонема *ъ* в неударенном исходе не засвидетельствована.

Приведенная характеристика обеих групп гласных показывает иной тип количественного противопоставления сравнительно с белуджским языком. Курдские гласные первой группы едва ли можно назвать долгими: по своей абсолютной длительности они даже несколько короче белудж-

ских кратких (в ударенных слогах). Гласные второй группы тоже не равны белуджским кратким, не способным редуцироваться. Таким образом, курдский вокализм дает новый тип количественного противоположения гласных по редуцированности и нередуцированности.

КОНСОНАНТИЗМ

Консонантизм в основном совпадает с консонантизмом языка курдов Армении и может быть представлен в следующей таблице:

			Губо- губные	Губо- зубные	Перед- не- языч- ные	Средне- языч- ные	Задне- языч- ные	Уву- ляр- ные	Верхне- фарин- гальные	Нижне- фарин- гальные
Ш у м н ы е	смычные	простые	p b		t d		k g	q		
		придых.	p'		t'		k'			
	аффри- каты				č č' j					
	щелевые	однофо- кусные		f v	s z			x, x ^o , γ		h
		двухфо- кусные			š ž					
Сонанты			w			y				
	носовые		m		n		ŋ			
	боковые				l					
	дрожащие				r					

ШУМНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Характерной чертой консонантизма, как и в других курдских диалектах, является противоположение двух рядов глухих смычных: простых и придыхательных. Простые (p, t, k, č) представляют собой глухой согласный со звонким взрывом. Придыхательные (p', t', k', č') не всегда имеют придыхание — оно может заменяться аффрикацией, особенно для k («k^z»). Главным противоположающим признаком между согласными p, t, k, č и p', t', k', č' является звонкий взрыв у первых и глухой у вторых. Придыхательность p', t', k', č' является наиболее характерной, но не единственной реализацией глухого взрыва. Фо-

немы *p*, *t*, *k* в исходе слова имеют глухой взрыв, поэтому в данном положении противоположение обеих групп смычных глухих исчезает. Можно сказать, что всякий глухой смычный в исходе является придыхательным. Так, имеем: *keçe qeçyk* 'маленькая блоха', но *keç* 'блоха'; *ore tьna* 'мой дядя', но *or* 'дядя'; *duste tьna* 'мой друг', но *dust* 'друг' и т. д. В положении же перед гласным оба ряда глухих смычных строго различаются.

Примеры на противоположение простых и придыхательных: *kar* 'глухой' и *k'ar* 'осел'; *kol* 'старик' и *k'ol* 'дыня'; *tir* 'стрела' и *t'ir* 'столб'; *p'ina* 'заплата' и *pir* 'старый'; *p'oni* 'пятка' и *ponzda* 'пятнадцать'; *çarm* 'кожа' и *çand* 'сколько'; *kuçi* 'щенок' и *kuç'a* 'улица' и т. д.

Существенно отметить, что противоположение *ç* и *ç'* по признаку придыхательности отличается от противоположения соответствующих фонем у курдов Армении, где *ç*, повидимому, является фарингализованным («ё») и противоположение идет по линии «фарингализованный — нефарингализованный». Впрочем, фонетическая характеристика *ё* курдов Армении еще недостаточно ясна.

Все звонкие шумные согласные в исходе слова оглушаются, но обычно не полностью, сохраняя звонкое начало («оу» 'вода', «büz» 'белый'), и на русский слух могут быть восприняты в этом положении как глухие. Последнее относится главным образом к щелевым. Смычные же звонкие в исходе, теряя звонкость, не могут быть отождествлены с глухими даже на русский слух. Будучи вообще довольно слабыми, в исходе они ослабевают еще больше, почти или вовсе не имея взрыва. Поэтому, оглушаясь даже полностью, они сильно отличаются от своих глухих пар, характеризующихся не только сильным взрывом, но и придыхательностью. Слабость исходных звонких смычных приводит к их отпадению, благодаря чему в курдском языке звонкие смычные в исходе вообще встречаются сравнительно редко и сохраняются главным образом в положении после сонантов, т. е. в положении, благоприятном для сохранения звонкости: *çand* 'сколько', *körmonj* 'курманджи' (курд), *penj* 'пять'. В большинстве же случаев исходные звонкие смычные отпали. Так, имеем: *byro* (<*byrod(ar)*) 'брат', *dyz* (<*dbzd*) 'вор', *bu* (<*bud*) 'он стал', *gör* (<*görg*) 'волк', *zu* (<*zud*) 'скоро', *bo* (<*bod*) 'ветер', *sor* (<*sard*) 'холодный' и т. д.

Для фонемы *b* характерна спирализация, а вместе с тем и переход в фонему *w* в положении после гласного. Так, имеем: *büne* '(он) стал', но *lawüne* '(он) не стал', *sewêw* (<*sabah*) 'причина', *qawûl* (<*qabul*) 'согласие' и т. д.

В произношении Рагимова наличествует спирализованное *d*, артикулируемое при какуминальном или слегка ретрофлексном (несколько загнутом назад) кончике языка, которое может быть передано знаком *ð*. Встречено оно в глагольном префиксе *da-*: *ðaké* 'делает', *ðabežé* 'говорит' и т. д., в словах: *ðatol* 'пустой', *ðaxo* 'сам', *(y)ðyn* 'другой', *ruðanyn* 'сидим', 'находимся'. У Рагимовой же этого звука нет вовсе, она во всех перечисленных словах произносит обычное дорсальное *d*: *dake*, *dabeže* и т. д. Установить распространение и фонологическую роль этого звука можно только на месте, среди населения, что является задачей дальнейшего исследования.

Глухие щелевые постоянны в своем качестве, за исключением нижнефарингального щелевого *h*, который в положении между гласными, как и в других иранских языках, озвончается и может становиться очень сонорным: «*bañor*» 'весна', «*jiñat*» 'причина'. В исходе

слова *h*, повидимому, вовсе не встречается. Так, имеем *da* вместо *dah* 'десять', *ko* вместо *koh* 'солома', *gōno* вместо *gōnoh* 'грех'. В начале же слова *h* всегда сохраняется, будучи глухим и довольно сильным согласным: *hōt'n* 'итти', *hōkm* 'приказ', *haf(t)* 'семь', *hawó* 'погода' и т. д.

Все рассмотренные шумные согласные, за исключением увулярных, а также фонемы *h*, перед гласными переднего ряда и перед *y* обычно палатализуются. Эта палатализация может быть очень сильной в положении перед редуцирующимся неударенным *ɐ*, если за ним следует *y*. Фонема *ɐ*, имеющая здесь передний вариант, может выпадать вовсе, оставляя за собой сильную палатализацию согласного («*sⁱyor* > *s'yor*» 'всадник', «*dⁱyo m'p* > *d'yo m'p*» 'моя мать'), которая в этих случаях является уже не факультативной, а обязательной. Большую способность к палатализации проявляют звонкие смычные и щелевые. Глухие смычные палатализуются меньше.

По артикуляторной характеристике отдельных согласных следует указать, что двухфокусные согласные *š*, *ž* артикулируются со вторым среднеязычным фокусом, имея, таким образом, обычный для иранских языков тип «мягких» *š* и *ž*. Мягкость эта не очень сильна: второй фокус отодвинут назад, положение кончика языка апикальное. Курдские *š* и *ž* по степени мягкости, пожалуй, больше всего сближаются с белуджскими *š* и *ž* (см. стр. 52), будучи все же несколько мягче последних. Соответственно фонемам *š* и *ž* артикулируются и двухфокусные аффрикаты *j*, *č* и *č'*, произносимые с дорсальной смычкой и «*š*»- или «*ž*»-образной щелью («*dž*», «*tš*»).

Все переднеязычные согласные произносятся при дорсальном положении кончика языка, за исключением фонем *š* и *ž*, для которых характерно апикальное его положение. Впрочем, позиционно (перед дорсальными) *š* и *ž* тоже могут быть дорсальными.

Переднеязычные щелевые артикулируются с круглой щелью и ничем не отличаются от соответствующих русских.

Увулярные не очень энергичны и произносятся обычно без сопровождающего хрипа, но все же более сильны, чем белуджские увулярные, занимая промежуточное положение по силе между слабыми белуджскими и сильными таджикскими.

СОНАНТЫ

Сонанты мало меняются как по признаку участия голоса, так и по силе артикуляции, в результате чего они более устойчивы чем звонкие шумные и не склонны к отпадению. В отличие от шумных согласных, внутри сонантов не выделяются какие-либо коррелятивные ряды или группы согласных, и каждая фонема либо стоит особо, противопоставляясь всем остальным согласным сразу по нескольким признакам (фонемы *r*, *l*, *w*, *y*), либо входит лишь в парное противоположение (фонемы *m—n*, *n—ŋ*). Поэтому изложение особенностей в этой группе согласных сводится к характеристике отдельных фонем.

Фонема *r*. В языке курдов Армении, как известно, фонематически различаются два *r*: одно обычно определяется как «раскатистое» (в курдской графике обозначается буквой *p'*, в транскрипциях — знаками *ɾ*, *ɾ̃*, *rr*), другое как «нераскатистое» (изображается в современной графике буквой *p*). По слуховому впечатлению, поскольку доводилось слышать произношение курдов Армении, обе эти фонемы можно определить следующим образом. Раскатистое *r* («*rr*») есть *r*

ударное, при этом не обязательно многоударное, а обычно (как можно судить на слух) — двухударное, сонорное, которое вполне может быть сближено с русским *г*. Нераскатистое *г* — слабоударное с одним неполносмычным ударом или (вариантно) щелевое и всегда шумное, оглушающееся в исходе слова полностью. Таким образом, если эти наблюдения подтверждаются, курдское «нераскатистое» *г* следует помещать в разряд шумных согласных, а «раскатистое» — в разряд сонантов.

В говоре туркменских курдов противоположение обеих фонем, по видимому, исчезает, если вовсе не исчезло. Во всяком случае, различие этих фонем вовсе не характерно для обоих осведомителей, представляющих молодое поколение. Остаточное оно проявляется в исходе слова, где в отдельных словах более привычным оказывается произношение ударного и сонорного *г*: *tarr* 'влажный', *zerr* 'золото', *p'arr* 'перо'. Но существенно, что такое произношение необязательно. Эти же слова могут быть произнесены и как «*tar, zer, p'ar*» со щелевым или слабоударным приглушенным *г*. С другой стороны, в тех словах, где полагалось бы быть шумному *г* (т. е. в тех словах, где в диалекте курдов Армении имеем «нераскатистое» *г*), при отчетливом произношении может быть произнесено ударное и сонорное *г*: *kyrr* 'слепой', *görr* 'волк', *kyrr* 'сделал' и т. д. Таким образом, по имеющимся данным, для диалекта курдов Туркмении нет оснований выделять две фонемы. Но зато артикуляторный диапазон фонемы *г* в диалекте туркменских курдов очень широк: ее произношение колеблется от сонорного ударного *г* (при подчеркнуто четком произношении — свыше двух ударов) до щелевого приглушенного или полностью глухого. Слабоударный приглушенный вариант *г* («*г*») характерен для исхода слова и для положения перед глухими согласными. Здесь он может оглушаться полностью и вовсе терять ударность, превращаясь в щелевой вариант, что зависит от четкости произношения. При подчеркнуто четком произношении может восстанавливаться в основной вариант — ударное сонорное *г*, характерное для начала слова и положения перед гласным для любого стиля речи. В этом своем основном варианте *г* обычно двухударное.

Фонема *w* является губо-губным плоскощелевым сонантом («*ʋ*»), отличаясь этим от соответствующей фонемы в языке курдов Армении, которая артикулируется с круглой щелью («*w*»). Будучи плоскощелевой, фонема *w* является и менее сонорной, благодаря чему на русский слух без тренировки она плохо отличима от противопологающейся ей губо-зубной шумной фонемы *v*. Сами же курды всегда четко различают обе фонемы. Примеры на противоположение *w* и *v*: *sev* 'яблоко' и *jew* 'карман', *bav* 'отец' и *xaw* 'сон', *ov* 'вода' и *low* 'сын', *vz* указ. местоим. и *wi* указ. местоим. (отдален.), *dovât* 'свадьба' и *gowô* 'обычай', *gyvi* 'лиса' и *luwi* 'фасоль' и т. д. Смещение обеих фонем для нетренированного слуха возможно, впрочем, не во всех фонетических положениях: звучание их очень сильно расходится в исходе слова и в положении перед глухими согласными. В этих положениях губо-зубное *v*, всегда очень шумное, может оглушаться почти полностью (даже при четком произношении оно обычно остается глухokonечным, — «*ov*» 'вода'), так что на русский слух оно может быть смешано с фонемой *f*. Напротив, фонема *w* в этих положениях, как и другие сонанты, не только не оглушается, но становится еще более сонорной, причем в ряде случаев (под влиянием огубленных гласных) *w* может приобретать при этом и круглощелевую артикуляцию («*low*» 'сын').

Фонема *ŋ* — заднеязычный носовой смычный, отсутствующий как самостоятельная фонема в языке курдов Армении, где этот звук возникает лишь как вариант *n* перед заднеязычными *k* и *g*. В диалекте туркменских курдов этот вариант выделился в самостоятельную фонему, возможно, под влиянием туркменского языка. То, что эта особая фонема, а не слитное сочетание *ng* («*ŋg*»), доказывается ее неразложимостью в положении перед гласным. Так, имеем *lŋ* 'нога' и *lŋe* *тып* 'моя нога', в то время как у курдов Армении имеем «*lŋg* || *lŋʰ*», но «*lŋ-ge* *тып*». При этом в диалекте туркменских курдов при самом отчетливом произношении в слове *lŋ* (и аналогичных случаях) не слышится и намек на *g*, в то время как у армянских курдов оно может быть слышно весьма отчетливо: «*lŋg*». Другие примеры на *ŋ* перед гласным: *xʰaŋa* *тып* 'моя сестра', *moŋa* 'корова', где слогораздел проходит перед *ŋ*: *xʰaŋa* *тып*, *mo-ŋa*. Существенно также, что не всякое сочетание *ng* или *nk* в исходе дает *ŋ*. Так, имеем переднеязычное *n* в слове *čap* из *čang* 'лапа'. Наконец, показательно, что *ŋ* очень легко изолируется и может быть произносимо в начальной позиции (в незначимых слогах). К произношению отдельных слогов приходилось прибегать при снятии палатограмм согласных фонем. И такой слог, как *ŋa*, произносился так же легко, как и слоги *ta*, *da* и т. д., что едва ли было бы возможно, если бы звук *ŋ* не был фонемой.

Остальные сонанты (*m*, *n*, *l*) каких-либо особенностей не имеют. Фонема *l* имеет обычный для иранских языков тип звучания — это боковой щелевой с переднеязычной смычкой (положение кончика языка обычно дорсальное, но может быть и апикальным), без какой-либо добавочной артикуляции.

В качестве иллюстрации и дополнения к изложенному на стр. 100—103 прилагаются палатограммы согласных.

ОГУБЛЕННОЕ *xʰ*

Следует особо остановиться на огубленном увулярном *xʰ*, характерном для всего курдского языка и наличествующем также и в рассматриваемом диалекте туркменских курдов. Этот звук не попадает обычно в перечень фонем (см., например, таблицу, приведенную на стр. 79), в курдской графике (у армянских курдов) не имеет отдельного знака, а изображается либо сочетанием букв *xw*, либо огубленность *x* передается следующим за ним гласным: так, сочетание *xʰə* передается в графике буквами *xa*. Фонетической характеристики этого звука тоже не давалось. Между тем выяснить его фонетическую природу и фонологическую роль представляется весьма существенным, так как этот вопрос имеет значение не только для курдского языка, но и для других иранских языков, а также и для общей фонетики. Решение этого вопроса имеет свои трудности и может быть осуществлено лишь на более широком материале с привлечением фактов других иранских языков, где также сохранились огубленные согласные (осетинский, ягнобский, язгулямский языки), что является одной из первоочередных задач дальнейшего изучения курдской фонетики. Трудности вопроса заключаются в следующем: огубленное *xʰ* весьма трудно отделить от последующего гласного, который в сочетании с ним всегда является дифтонгичным. Так, в слове *xʰa* 'сестра' имеем следующее звучание: «*xʰa*». Фонологичность губной работы здесь несомненна, потому что сочетанию *xʰa* противопоставляется сочетание *xa*

(например, в слове *haw* 'сон'). Но к какой фонеме относится эта губная работа, — к первой или ко второй, — определить трудно. Это может быть и $x^0 + a$ и $x + ^0a$. При первом определении мы должны говорить об огубленном x^0 как об особой фонеме, противопоставляющейся неогубленному x , при втором определении — о дифтонгичном a как особой фонеме, противопоставляющейся недифтонгичному a . В настоящем очерке принимается первая трактовка, что можно видеть из таблицы согласных (на стр. 93), где x^0 включено в число согласных фонем. Вторая трактовка была бы практически менее удобна и, пожалуй, менее оправдана, так как в этом случае пришлось бы признать наличие целого ряда дифтонгоидных гласных как особых фонем, поскольку «огубленное x » встречается почти перед любым неогубленным гласным: $x^0and\dot{y}n$ 'учиться', x^0e косв. пад. от x^0a 'сестра', x^0b 'пот'(перед огубленными гласными огубленность x нефонологична: в этом положении всякий согласный слегка огубляется). Перед i огубленное x не встречается, так как такое сочетание дает фонему y (« x^0in » > $хуn$). В диалекте курдов Армении, где нет фонемы y и где фонеме o соответствует a , лишь слегка огубленное, — число дифтонгичных гласных фонем еще более увеличилось бы: "i, "e, "a, "a, "b. Такую трактовку выдвигает специалист-курдовед И. И. Цукерман, правда, пока только в частной беседе. Но против нее говорит, во-первых, чрезвычайная сложность, которую приобретает при ее принятии система вокализма, и, во-вторых, ограниченность употребления дифтонгичных гласных (или дифтонгов) только одним фонетическим положением — после согласного x .

Есть еще и третья возможность — рассматривать звучания типа « x^0a » как сочетание трех фонем: $x + w + a$, где w сильно сонантизовано и ослаблено. Для диалекта туркменских курдов такая трактовка едва ли приемлема, так как w в этом диалекте не очень сонорное. Для диалекта же курдов Армении, где w более сонорно, она вполне возможна. Такая трактовка вполне возможна также для аналогичных звучаний в осетинском языке (дигорское « x^0ar » 'хлеб'), где фонема w чрезвычайно сонорна.

Перечисляя эти возможности, мы все время исходим из той точки зрения, что рассматриваемый слог состоит из отдельных фонем, как и остальные слоги курдского языка (*da, ta, xa, bro* и т. д.). Однако трудность выделения фонем в данном случае уже подсказывает и возможность другого подхода, — может быть, здесь мы имеем дело с целостным противоположением одного слога другому: x^0a противопоставляется слогу *xa*, x^0e — слогу *xe* и т. д. Вполне возможно, что не все факты звуковой системы можно охватить понятием фонемы. Действительно, кажется невозможным разложить « x^0a » на отдельные звучания, так чтобы курд сумел изолировать либо огубленное x , либо дифтонгичное a .

Во всяком случае, эта тема стоит пристального и детального изучения, объективный подход к которому, несомненно, может быть найден.

ВЕРХНЕФАРИНГАЛЬНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ

Верхнефарингальная артикуляция в диалекте курдов Туркмении совершенно отсутствует, что существенно отличает его от диалекта курдов Армении. Верхнефарингальному щелевому h здесь всегда соответствует нижнефарингальный h (*hokm* 'приказ', *hasob* 'счет', *honar* 'талант', 'искусство' и т. д.). Звонкая же верхнефарингальная артикуляция,

характерная для диалекта курдов Армении и существующая там в большинстве случаев (если не во всех случаях) как айнация (фарингализация) гласного, здесь просто отсутствует, не заменяясь ничем (*arab* 'араб', *aziz* 'дорогой', *mor* 'змея', у курдов Армении: *ə'zəb*, *ə'ziz*, *mə'r*).

ОБРАЗЕЦ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ

Записан от Раимова

мын isol, уоны la sóle hazór-ъ nāsъdъ čáll-ъ haft, ballákak č'ónde. мын la we balláke j-ýón, k'arp'úz, k'ol, luwí, sevsaminí, č'oyándár, k'alám, gъzér č'ónde. k'aláme мын kъ nawúne: le hôte i k'aláme мын rъs kъré, ammó tъste ънн hôte на amále. sevsaminíye мын penj p'ut búne, k'ol bist put búne, gъzér šaš put búne luwí dō put-ъ niv búne.

мын sevsaminí, č'oyándár, luwí, k'ol, k'arp'úz la k'áre bor kъr, bъr la šer, frit. la vo drovó so zъvъstóne se p'ut ord, qalóžak, darpék, króšak, k'ommak, eljъkak, haští lítyr naft hъlgъrt. мын vo tъstóno ža nikodó hin hawó gárm-a hъlgъrte, čónkъ am ža šer dur ruđanъn i zъvъstoní la hawó sór-e, hotъn — č'úyni šer qin đawъya.

mašqále ma ža šaš odamón iworát-a: áz-ъme dъyó мын-a, dō x'anjá мын-ън i do bre мын-ън. az la škóle mallamiye đákъma. hárdō bre мын: yek la šer đaxъnyъa, уь ънн la kalxóze k'or đaké. x'е мын, yek la fabriki kor đaké, уь ънн hin qъсъk-a t'árré detsát. dъyó мын бъwъ, la mol so ma хъróge tayór đaké.

la sóly бъwъ bróуъ мынь la šer đaxъnyъ, x'andъne xalós đaká. aw ži đaxóзъya бъwъ, la vo škóli az k'or đakáy (!)đa k'ér k'awъ. bróуъ мына la kalxóze k'or đakáy бъwъ soláka dъn đaxóзъya hárra šer la sófъrye бъхъnyъ. x'anjá мына qъсъk soláka dъn t'árrá pérwi klas x'andъne. hovó, havóle мын rûzgoró ma-ya.

И в этом году, т. е. в тысяча девятьсот сорок седьмом году, посеял огород. В этом огороде я посадил кукурузу, арбузы, дыни, фасоль, картофель, свеклу, капусту, морковь. Капуста у меня не удалась: залило водой и смыло капусту, но все остальное выросло. Картофеля вышло пять пудов, дынь двадцать пудов, моркови шесть пудов, фасоли два с половиной пуда.

Картофель, кукурузу, фасоль, дыни и арбузы я нагрузил на осла, повез в город, продал. На эти деньги купил на зиму три пуда муки, калоши, брюки, рубашку, шапку, рукавицы, восемьдесят литров керосина. Я эти вещи купил уже теперь, пока еще тепло, потому что мы живем далеко от города, и зимой, когда холодно, поездки в город становятся трудными.

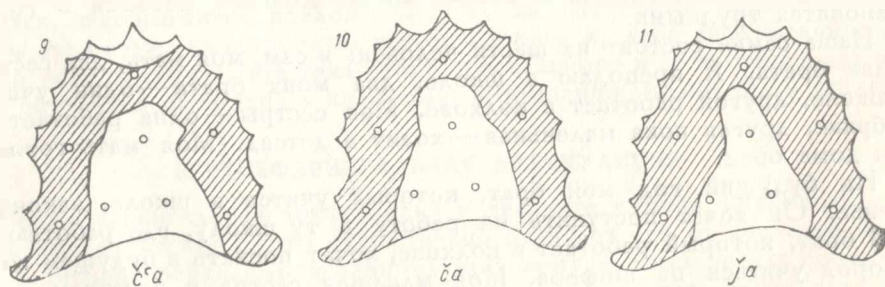
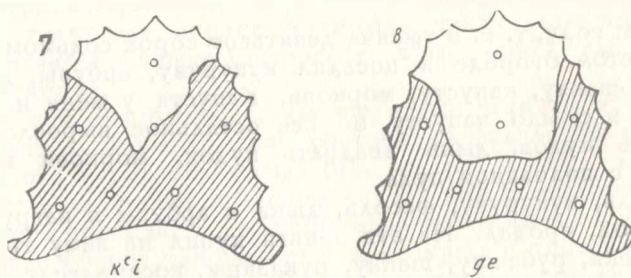
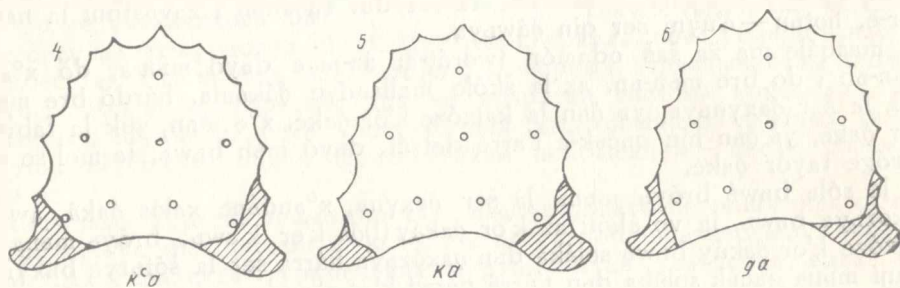
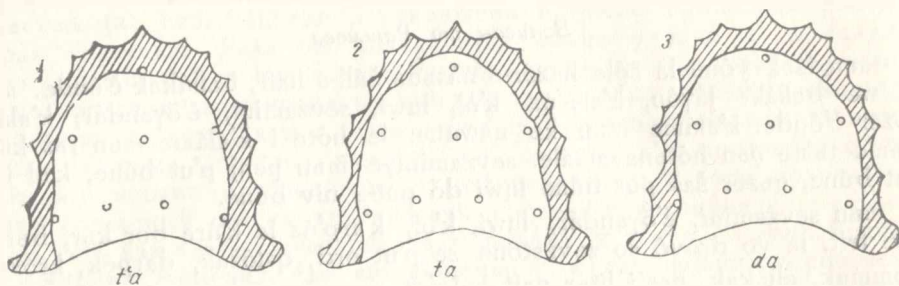
Наша семья состоит из шести человек: я сам, моя мать, две сестры и два брата. Я преподаю в школе, два моих брата — один учится в школе, другой работает в колхозе. Мои сестры — одна работает на фабрике, другая пока маленькая — ходит в детсад. Моя мать готовит нам дома обед.

На будущий год мой брат, который учится в школе, закончит учебу. Он хочет поступить на работу в ту школу, где работаю я. Мой брат, который работает в колхозе, хочет поехать в будущем году в город учиться на шофера. Моя младшая сестра в будущем году пойдет учиться в первый класс.

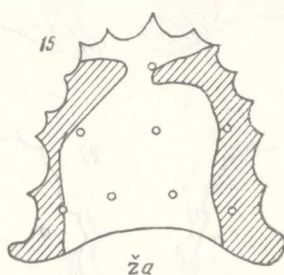
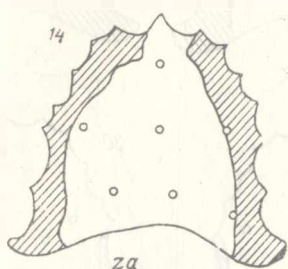
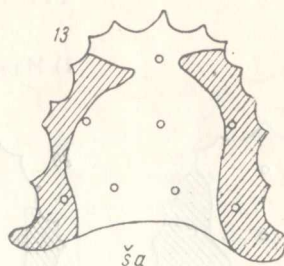
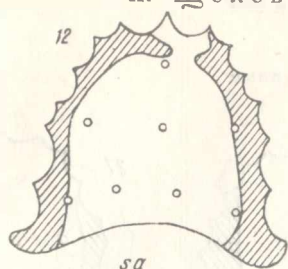
Вот таковы мои обстоятельства и дела.

ПАЛАТОГРАММЫ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ

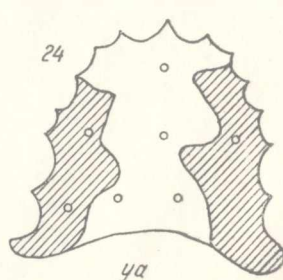
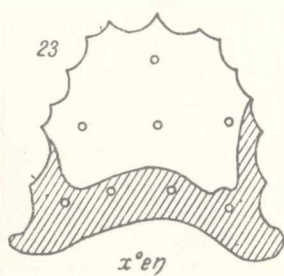
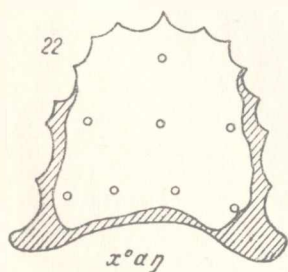
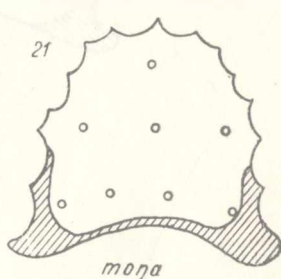
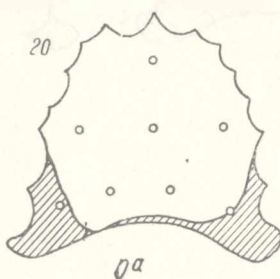
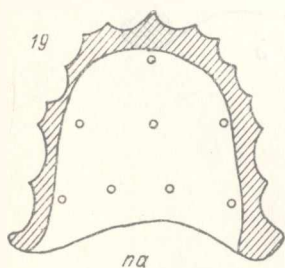
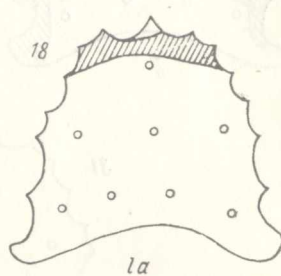
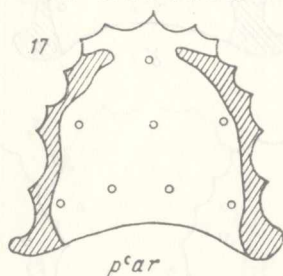
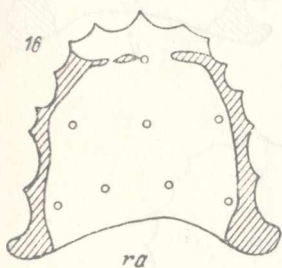
I. Смычные согласные

II. Щелевые согласные

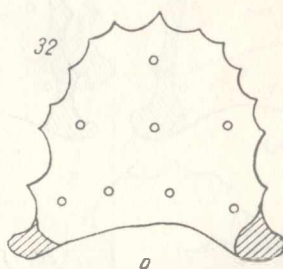
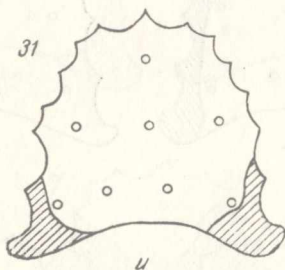
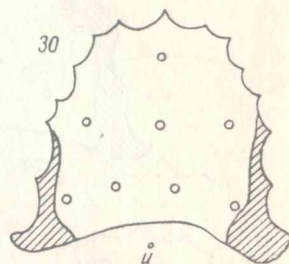
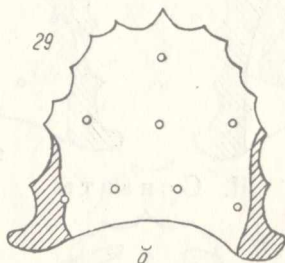
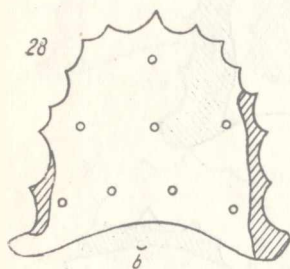
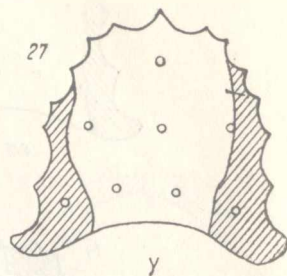
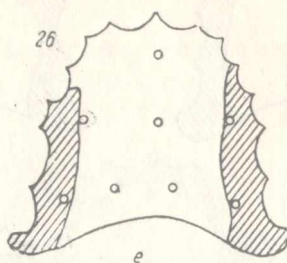
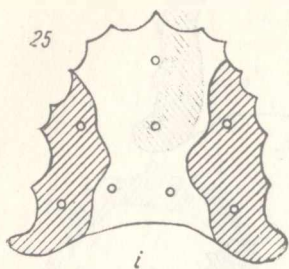

III. Сонанты

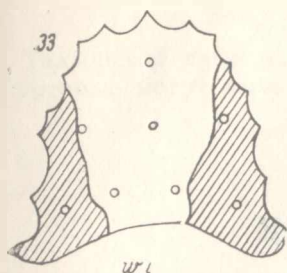

IV. Гласные

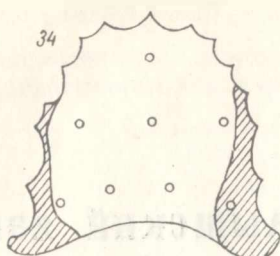
1) Изолированные

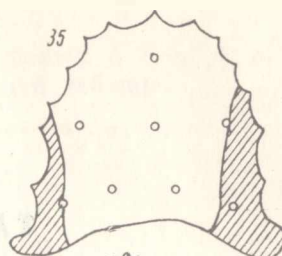
2) Гласные в словах

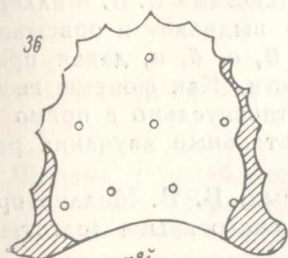
wi

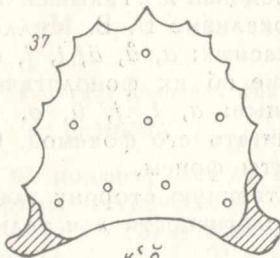
we

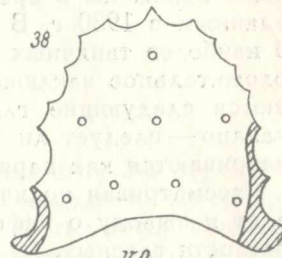
xe

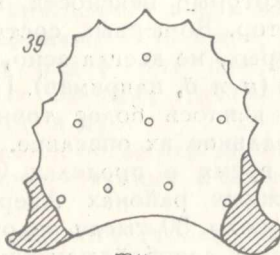
xo

k'ñ

vo

mu

ТАЛЫШСКИЙ ЯЗЫК

Последние и наиболее полные сведения по фонетике талышского языка изложены в предисловии к «Талышским текстам» Б. В. Миллера, изданным в 1930 г. В вокализме Б. В. Миллер выделяет и описывает 10 наиболее типичных гласных: *a, ā, ä, i, i̇, e, ÿ, o, õ, u*, давая предположительное заключение об их фонологичности. Как фонемы выделяются следующие гласные: *a, i, i̇, ÿ, o*. Относительно *e* прямо не указано — следует ли считать его фонемой. Остальные звучания рассматриваются как варианты фонем.

Рассматривая количественную сторону гласных, Б. В. Миллер приходит к выводу о нефонологичности для талышского языка долготы и краткости гласных.

В консонантизме дано перечисление фонем и их краткое описание.

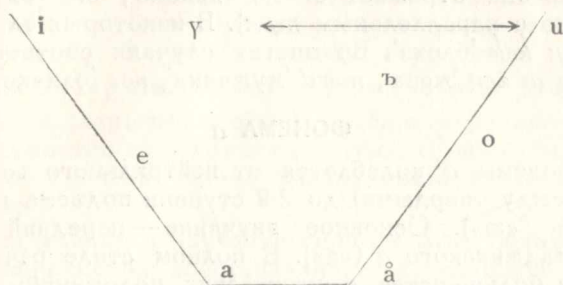
Таким образом, создается известное представление о талышской фонетике, однако на некоторые неясности, главным образом в вокализме, указывает сам автор. Во-первых, состав фонем устанавливается предположительно; во-вторых, не всегда ясно, вариантом какой фонемы является данный гласный (*u* и *õ*, например). Поэтому основной задачей настоящего исследования явилось более точное установление состава фонем и затем более детальное их описание.

Талыши в настоящее время в пределах Советского Союза живут большим массивом в южных районах Азербайджанской ССР (в Талышии), численность их около 80 тысяч человек. Все талыши, в той или иной степени, владеют азербайджанским языком. Большее его влияние сказывается в районах северных, теснее соприкасающихся со сплошным азербайджанским населением. Так, в Ленкоранском районе следы азербайджанского влияния более заметны, чем в южном Астаринском и западном (горном) Зувандском районах (например, влиянием азербайджанского языка можно объяснить различия в артикуляции фонемы *u* в этих районах). Для городского населения, как можно было наблюдать в Ленкорани, характерно полное двуязычие. То же относится повсеместно к младшему поколению, получающему образование в азербайджанских школах и учебных заведениях.

Работа проводилась в г. Ленкорани в мае 1948 г.; осведомителями были школьники, а также студенты Ленкоранского педагогического училища из трех районов: Ленкоранского, Астаринского, Зувандского. Сравнение показало, что большого расхождения по говорам не наблюдается, как это уже отмечалось ранее Б. В. Миллером в его работе. В области фонетики можно отметить лишь некоторые расхождения в звучании фонем и в отдельных случаях — иное их словарное распределение. Эти говорные расхождения каждый раз отмечаются в ходе изложения. За основу же изложения берется произношение трех селений Ленкоранского района, не имеющих каких-либо заметных расхождений между собой: Кяргялан, Болады и Ашганаваде.

ВОКАЛИЗМ

Талышский язык насчитывает семь гласных фонем: *i*, *e*, *a*, *ä*, *o*, *u*, *ʊ*, которые могут быть представлены в следующей таблице.

Примечание. Стрелка указывает диапазон фонемы *u*.

ФОНЕМА *i*

Фонема *i* колеблется по подъему между верхней и 5-й ступенями от «*i*» до «*ɪ*». Первый вариант встречается: 1) в соседстве со среднеязычными согласными (*y*, *k*, *g*) и с согласными, в состав которых входит среднеязычная артикуляция (*š*, *ž*, *č*, *j*), 2) в соседстве с переднеязычными щелевыми (*s*, *z*, *l*), которые палатализируются под влиянием *i* и тем самым его сужают, 3) факультативно после губных и заднеязычных в тех случаях, когда они смягчаются под влиянием *i*.

Примеры: «*kiná*» 'девушка', «*k'i*» союз подчинительный, «*p'iyóž*» 'лук', «*palangi*» 'тигр' (косв. пад.), «*šin*» 'сладкий', «*šišá*» 'стекло', «*či*» 'что', «*s'i*» 'тридцать', «*p'i*» 'старый', «*b'ib'i*» 'тетка', «*k'itób*» 'книга', «*v'ite*» 'бежать', «*l'iva*» 'лист' и др.

Второй вариант встречается после переднеязычных смычных (*t*, *d*, *n*), после увулярных (*x*, *ɣ*) и после губных и заднеязычных смычных, если они не смягчаются.

Примеры: «*dim*» 'лицо', «*tir*» 'стрела', «*pi*» 'нет' и др.

В неударенном открытом слоге перед *y* гласный *i* может сильно сокращаться: «*p'iyóž*» 'лук', «*s'iyóž*» 'черный', «*žiya*» 'веревка'. В остальных фонетических положениях *i* сохраняет свою длительность. Наиболее длительно звучит *i* в ударенных открытых слогах: «*víte*» 'он побежал', «*palangi*» 'тигр', в особенности рядом со щелевыми: «*sí*» 'тридцать', «*šin*» 'сладкий'.

В основной массе слов фонема *i* соответствует историческим *i* и *ē*: *div* 'див', *dim* 'лицо', *pi* 'старый', *šin* 'сладкий'.

ФОНЕМА *e*

Основное звучание — закрытое «е», на 4-й ступени подъема. В исходе слова ударенное *e* может расширяться до степени «*ɛ*»: «*sɛ*» 'три', «*vɛ*» 'много'. Этот же вариант («*ɛ*») может встречаться индивидуально и в закрытых слогах, если согласные этого слога не имеют среднеязычной артикуляции: «*sɛf*» 'яблоко'. В соседстве с согласными со среднеязычной артикуляцией и перед *n* гласный *e* может заметно сужаться, особенно в закрытом слоге: «*žɛn*» 'жена'. Для неударенного слога такое сужение нормально и обычно: «*dɛšmɛn*» 'враг'. Несколько сужаться может *e* и в безударном исходе: «*vóte*» 'он сказал', «*víndʒonɛ*» 'они увидели'. В двух последних положениях, т. е. в безударном закрытом слоге и в безударном исходе *e* может заметно сокращаться,

не доходя, однако, до редукции: «dēšmén, vótě». В полном стиле речи качество и отчетливость *e* восстанавливаются во всех положениях.

Фонема *e* самого разнообразного происхождения. В небольшом количестве слов она отражает *ē*: *sef* 'яблоко', *vev* 'вдовый', *be* 'без', *tex* 'гвоздь' (но с параллельным *məx*). В некоторых случаях возникло из стяжения *ay*: *kek* 'блоха'. Во многих случаях соответствует исторически краткому *a*: *žen* 'жена', *merd* 'мужчина', *nez* 'близко', *nemek* 'соль'.

ФОНЕМА *a*

Диапазон фонемы *a* колеблется от нейтрального «*a*» (как русское ударенное *a* между твердыми) до 2-й ступени подъема переднего ряда (как английское «*æ*»). Основное звучание — передний ряд нижнего подъема типа таджикского *a* («*a*»). В полном стиле речи этот вариант произносится в большинстве фонетических положений: «*bas*» 'хватит', «*dada*» 'отец', «*av*» 'он', «*atr*» 'духи', «*say*» 'взял', «*sa*» 'голова' и т. д.

Вариант «*a*» возникает обычно: 1) в соседстве с заднеязычными и увулярными: «*ka*» 'дом', «*xaba*» 'весть', «*vaxt*» 'время'; 2) в исходе слова, где фонема *a* нормально стремится к варианту «*a*», однако при более тщательном произношении восстанавливается более передний вариант: «*sa* || *sa*» 'голова', «*k'isá* || *k'isá*» 'мешок', «*purná* || *purná*» 'теле-нок', «*v̥sda* || *v̥sda*» 'свой', «*v̥rā* || *v̥rā*» 'место'. 3) Третий случай возникновения варианта «*a*» — влияние гласных заднего ряда (*ā*, *o*, *u*), даже если они непосредственно и не соседят с *a*: «*yuvva*» 'свля', «*ro-ada*» 'на дороге', «*kašop*» 'крылья', «*kattó*» 'староста'.

Противоположный, т. е. крайне передний вариант фонемы *a* — «*æ*» возникает в положении после среднеязычных смычных *k* и *g*: «*elkæ*» 'страна', «*kærgælān*» название селения, «*kæpji*» 'селянин'. Несколько более открытый вариант («*æ*»), т. е. гласный переднего ряда между 1-й и 2-й ступенями подъема возникает в соседстве с согласным *y*: «*sæy*» 'взял', «*æy*» местоим. 3-го лица. Однако влияние *y* значительно слабее и подчиняется отчетливости речи: вариант «*æ*» легко здесь восстанавливается в основной вариант «*a*».

Влияют на продвижение *a* вперед и согласные, имеющие элемент среднеязычной артикуляции, — *š*, *ž*, *č*, *j*, давая промежуточный вариант «*ḁ*»: «*šaš*» 'глаз', «*kačal*» 'лысый', но только в тех случаях, когда этому не препятствуют противоположные факторы, например, увулярные или заднеязычные согласные или гласные заднего ряда. В таких случаях *a* не только не продвигается вперед, но отодвигается назад до варианта «*a*», а согласные *š*, *ž*, *č*, *j* теряют свою мягкость: «*šačól*» 'шакал'.

Заметному сокращению фонема *a* не подвергается. Несколько сокращается она в неударенных открытых слогах, но это сокращение незначительно.

Исторически фонема *a* соответствует краткому *a*: *ka* 'дом', *av* 'он', *šaš* 'глаз', *sa* 'голова' и т. д.

ФОНЕМА *ā*

Диапазон фонемы *ā* колеблется от неогубленного гласного заднего ряда нижнего подъема («*a*-») до огубленного гласного заднего ряда 2-го подъема («*ɔ*»). В отдельных случаях (по говорам и индивидуально) фонема *ā* может достигать 3-й ступени подъема, т. е. такого же подъема, как русское *o*. Основной тип звучания — огубленный гласный между 1-й и 2-й ступенями подъема (вариант «*ā*»).

Задний неогубленный вариант («a-») возникает преимущественно в открытых слогах в соседстве с заднеязычными *k* и *g*, но особенно в соседстве с фарингальным *h*: «ka-vú» 'зеленый', «ba-há-r» 'весна', «ha-» 'каждый', «a-h» 'стенание', 'вдох'. Но при отчетливом их произношении и в этих случаях появляется легкая огубленность.

Противоположный, более закрытый, огубленный вариант — «ɔ», или «ɔ» возникает в закрытых слогах: «kórde || «kórde» 'сделал', «mǝnde || mǝnde» 'остался'. В закрытых слогах *ǝ* вообще несколько более закрыто и больше приближается к *o*, чем в открытых. В закрытых слогах перед носовыми *ǝ* может очень сильно назализоваться: «hǝnde» 'прочитал', «mǝnde» 'оставил'.

Указанные изменения в звучании фонемы *ǝ* не обязательны, и при отчетливом произношении восстанавливается основной вариант («ǝ»). Можно сказать, что она сравнительно устойчива в своем качестве в индивидуальной речи. Однако она имеет широкий диапазон произношения по говорам: от говора к говору меняется основной тип звучания *ǝ*. Так, для трех селений Ленкоранского района (Кяргялан, Болады, Ашганаваде) основным типом звучания *ǝ* является задний слабо огубленный гласный, близкий ко 2-й ступени подъема (вариант «ǝ»). Неогубленный вариант «a-» для этих селений мало характерен, но так же не характерен для них и более закрытый вариант «ɔ». При описании фонемы *ǝ* был взят за основной именно этот тип звучания.

В произношении осведомителя Рустамова из Зуvandского района основной вариант фонемы *ǝ* можно охарактеризовать как гласный более низкого подъема (чуть выше нижнего) с более слабой огубленностью. Здесь значительно чаще появляется вариант «a-» и значительно реже — вариант «ɔ». Соответственно с этим в Зуване сдвинут вперед и вверх основной тип звучания фонемы *a*, которая имеет здесь своим основным вариантом более закрытый тип звучания (вариант «a»).

Напротив, для произношения Алимовой (Шхакяран, Ленкоранский район) и Самедова (Астаринский район) основным является более закрытый и более огубленный вариант, который можно определить как открытое *o* («ɔ»), образующееся между 2-й и 3-й ступенями подъема. В произношении Алимовой оно может достигать часто 3-й ступени подъема.

В соответствии с этим, как для Алимовой, так и для Самедова характерен мало продвинутый вперед вариант фонемы *a*, а нейтральный ее вариант («a») появляется в их произношении значительно чаще.

С количественной стороны фонема *ǝ* весьма устойчива, сколько-нибудь заметно она не сокращается ни в каких положениях.

Различение фонем *a* и *ǝ* — самое существенное уточнение, которое надлежит внести в наблюдения, изложенные в «Талышских текстах». Противоположение их несомненно — они встречаются в одних и тех же фонетических положениях: *bas* 'хватит' и *dās* 'рука'; *dadā* 'отец' и *bābā* 'дед'; *ašdē* 'вставать' и *āsdā* 'кость'; *av* 'он' и *āz* 'я'; *atr* 'духи' и *āsp* 'лошадь'. Кроме того, можно найти и противопологающиеся пары: *sa* 'голова' и *sā* 'сто'; *da* 'ущелье' и *dā* 'десять'; *ka* 'дом' и *kā* 'сделал'.

В основной массе слов *ǝ* соответствует этимологически краткому *a*, как и фонема *a*. Примеры: *āz* 'я', *ālaf* 'травы', *dāst* 'степь', *gām* 'жара', *hāft* 'семь', *āsp* 'лошадь', *dās* 'рука' и т. д. Значительно реже *ǝ* соответствует долгому *ā*: *māndē* 'оставлять', *āsudā* 'спокойный', *bāhār* 'весна', *kāsā* 'чашка', *šmā* 'вы'. Таким образом, в талышском языке

произошло расщепление исторически краткого *a* на две фонемы: *ä* и *a*. Определить фонетические условия этого расщепления можно будет лишь при изучении большого количества словарного материала, собрание которого в точной фонологической записи является задачей дальнейшего исследования.

ФОНЕМА *o*

Фонема *o* — узкий огубленный гласный заднего ряда, по подъему колеблется по говорам от 4-й до 5-й ступени. Для указанных трех селений Ленкоранского района, которые взяты за основу при изложении, характерной является артикуляция *o* на 4-й ступени подъема или чуть выше («*o* || *o*»). Для Зуванда характерно несколько более открытое произношение (несколько ниже 4-й ступени: «*o*»). Для Астаринского района и селения Шахяран Ленкоранского района характерно (особенно в открытых слогах) очень узкое звучание *o* — на 5-й ступени подъема или чуть ниже («*u* || *u*»), которое может восприниматься как *u*: «*udām*» 'человек', «*tujfā*» 'род', 'племя', «*u-gorde*» 'вернулся', «*muī*» 'рыба' и т. д.

В зависимости от фонетического положения колебания *o* по подъему невелики: оно несколько уже в открытых слогах и шире в закрытых. В общем, *o* устойчиво в своем качестве. Нужно указать лишь на один обязательный вариант *o* по признаку ряда. После среднеязычных смычных *k* и *g* фонема *o* значительно продвигается вперед вплоть до смешанного и даже смешанного продвинутого вперед ряда, приближаясь к азербайджанскому *ə*. Примеры: «*gəhar*» имя собственное, «*gəbalay*» 'гриб'. Влияние среднеязычных сказывается на *o* не только при непосредственном соседстве с ним; так, в слове «*əl'kæ*» 'страна' *k* не примыкает непосредственно к *o*, однако оно сильно смягчает *l* и, таким образом, все слово произносится при движении языка вперед и вверх, благодаря чему и здесь возникает тот же сильно продвинутый вперед вариант — «*ə*». Наличие обязательного варианта, близкого по звучанию к азербайджанскому переднему *ə*, облегчает талышам заимствовать азербайджанские слова, сохраняя их звучание. Так, те талыши, которые восприняли из азербайджанского языка слово *əmr* 'жизнь', произносят его только так, с передним *ə*, хотя фонетических причин для появления этого звука в данном слове нет.

Таким образом, при заимствовании большого числа азербайджанских слов с *ə* возникает возможность расщепления фонемы на две: *o* и *ə*, т. е. в настоящее время имеются предпосылки для превращения двух вариантов одной фонемы в разные фонемы. Если большее число таких слов, как *əmr*, проникнут в талышский язык (сейчас же *əmr* употребляется не всеми и еще ощущается как чужое слово) с сохранением переднего *ə*, то уже можно будет говорить о двух фонемах. Сейчас же в таких случаях можно говорить лишь об азербайджанской манере произношения.

С количественной стороны *o* в общем устойчиво. Оно лишь может несколько сокращаться в слогах, закрытых двумя согласными, а также в закрытых слогах между глухим смычным и сонантами *r* и *l*: «*rōr*» 'перо'.

Исторически фонема *o* в основной массе слов соответствует долготу *a*: *ou* 'вода', *go* 'корова', *odām* 'человек', *to* 'мать', *sor* 'год', *vo* 'ветер' и т. д. Очень узкая артикуляция талышского *o*, отражающего историческое *a*, объясняется появлением в талышском языке новой фонемы *ä*

(из исторически краткого *a*). Противопоставляясь этой близкой по артикуляции фонеме, талышское *o* и приобрело очень узкое звучание. В тех случаях, где сужению *o* мешали фонетические условия, оно частично должно было совпасть с фонемой *ā*. Возможно, что случаи соответствия фонемы *ā* долготу *ā* найдут себе объяснение именно в этом.

ФОНЕМА *и*

Фонема *и* — сильно огубленный гласный верхнего (или немного ниже) подъема. По признаку ряда имеет очень широкий диапазон: от заднего до смешанного, продвинутого вперед или даже переднего, близкого к азербайджанскому или совпадающему с азербайджанским *y*.

Эти колебания *и* объясняются разными причинами: частью они определяются навыками говора, частью же фонетическими причинами. Для Ленкоранского района характерен заметно продвинутый вперед вариант («*y*—») как основной, так что для Ленкоранского района можно было бы выбрать для обозначения этой фонемы знак *y*, а не *и*. Для Астаринского района характерен лишь слегка продвинутый вперед вариант («*и*—»). Для Зувандского района характерен задний, не продвинутый вариант («*u*»). В тех случаях, где зувандское *и* продвигается вперед, всегда видны фонетические причины. Эти фонетические причины, способствующие продвижению *и* вперед, следующие: 1) влияние предшествующих переднеязычных, особенно щелевых (*s*, *z*) и среднеязычных *š*, *ž*, *y*, *č*, *j* (среднеязычные смычные в соседстве с *и* не засвидетельствованы); 2) наличие в слове гласных переднего ряда (*i*, *e*, *a*). Факторы, препятствующие продвижению *и* вперед, следующие: 1) влияние увулярных *x* и *ɣ*; 2) наличие в слове гласных заднего ряда *ā* и *o* (и в отдельных своих вариантах *ɔ*).

Согласные губные и заднеязычные, таким образом, по отношению к *и* являются нейтральными, в соседстве с ними звучит основной вариант *и* данного говора.

Так, по трем говорам мы имеем следующее произношение одних и тех же слов:

Ленкоранский район	Астаринский район		Зувандский район	
« <i>bu</i> —»	« <i>bu</i> —»	со слабой продвинуто-стью	« <i>bu</i> »	запах
« <i>gu</i> — <i>š</i> »	« <i>gu</i> — <i>š</i> »		« <i>guš</i> »	ухо
« <i>gu</i> — <i>žd</i> »	« <i>gu</i> — <i>žd</i> »		« <i>gužd</i> »	мясо
« <i>mu</i> — <i>z</i> »	« <i>mu</i> — <i>z</i> »		« <i>muz</i> »	муха
« <i>mu</i> — <i>š</i> »	« <i>mu</i> — <i>š</i> »		« <i>muš</i> »	мышь
« <i>pu</i> — <i>r</i> »	« <i>pu</i> — <i>r</i> »		« <i>pur</i> »	полный
« <i>pu</i> — <i>l</i> »	« <i>pu</i> — <i>l</i> »		« <i>pul</i> »	деньги
« <i>ku</i> —»	« <i>ku</i> —»		« <i>ku</i> »	слепой
« <i>ku</i> —»	« <i>ku</i> —»		« <i>ku</i> »	тыква
« <i>čy</i> —»	« <i>ču</i> —»		« <i>ču</i> —»	палка
« <i>dy</i> — <i>st</i> »	« <i>du</i> — <i>st</i> »	со слабой продвинуто-стью	« <i>du</i> — <i>st</i> »	друг
« <i>šy</i> —»	« <i>šu</i> —»		« <i>šu</i> —»	муж
« <i>ry</i> —»	« <i>ru</i> —»		« <i>ru</i> —»	река
« <i>ryž</i> »	« <i>ry</i> — <i>ž</i> »		« <i>ru</i> — <i>ž</i> »	день
« <i>sy</i> »	« <i>sy</i> —»		« <i>su</i> —»	соленый
« <i>zy</i> »	« <i>zy</i> —»		« <i>zu</i> —»	сила

Для всех трех районов отмечено заднее непродвинутое вперед *и* («и») в таких словах, как: «kāvú» 'зеленый', «lokú» 'рисовый хлеб', «poxut» 'горох', «āvšúm» 'шелк', «ovšúm» 'луна', «xup» 'кровь', «zuvā» 'сын', «xumor» имя собственное, «murād» имя собственное, «sobun» 'мыло' (Ленкорань и Зуванд). Во всех этих примерах присутствует или увулярный, или гласный заднего ряда, или оба вместе, что и мешает *и* продвигаться вперед. Как видно на примерах *āvšum* и *ovšum*, влияние гласного *о* или *ā* сильнее, чем влияние *š*; *š* само подчиняется гласным заднего ряда, теряет свою мягкость и уже не способствует продвижению *и* вперед.

Слово *sobun* в Астаринском районе звучит как «su-bu-n». Этот пример хорошо иллюстрирует сказанное о влиянии гласных заднего ряда на звучание *и*: если в первом слоге имеем гласный заднего ряда *о*, то и следующее *и* является задним («sobun»), если первый гласный — переднего ряда, то и второе *и* продвигается вперед.

С количественной стороны фонема *и*, как и *о*, в общем устойчива; она может сокращаться в тех же фонетических положениях, что и *о* («rūpnā» 'теленки'), но не редуцируется.

Исторически фонема *и* в основной массе слов соответствует долгим *ō* и *ū*: *guš* 'ухо', *bu* 'запах', *kāvú* 'сизый', *xup* 'кровь' и т. д.

Все рассмотренные фонемы (*i*, *e*, *a*, *ā*, *o*, *u*), отражающие в большинстве случаев исторически долгие гласные (фонемы *i*, *ā*, *o*, *u* и частично *e*), для современного состояния талышского языка не могут быть охарактеризованы как долгие. Они не протяжны, мало напряжены и по своим акустическим свойствам могут быть приравнены к курдским нередуцированным гласным, которые тоже продолжают исторически долгие гласные. Утерев долготу, талышские гласные, аналогично курдским, сохраняют, однако, ее следы, выражающиеся в количественной устойчивости. Рассмотренные гласные не сокращаются очень сильно и вовсе не редуцируются. Показательно, что аналогично курдскому *a* (см. по этому поводу стр. 83) талышское *a*, отражающее краткое *о*, попало в группу устойчивых (бывших долгих) гласных, поскольку оно не редуцировалось, в отличие от других исторически кратких.

В курдском языке исторически краткие *i* и *u* дали редуцированные *ь* и *ъ*, противопоставляющиеся остальным гласным своей сверхкраткостью и связанной с ней ненапряженностью и качественной нечеткостью звучания (при очень широком диапазоне качественных изменений). При описании курдских *ь* и *ъ* отмечались слабость их противоположения и возможность смешения между собой.

В талышском языке это смешение исторически кратких *i* и *u* осуществилось: бывшие краткие *i* и *u* редуцировались в одну фонему *ь*, соответствующую курдским *ь* и *ъ* и противостоящую всем остальным фонемам своей краткостью, способностью к редукции и очень широким диапазоном артикуляции.

ФОНЕМА ь

Фонема *ь* — весьма краткий неогубленный гласный с очень широким диапазоном. По признаку ряда колеблется от заднего до смешанного, продвинутого вперед (или переднего, продвинутого назад). По подъему колеблется между 5-м и 2-м подъемом, т. е. охватывает четыре ступени подъема. Из целой шкалы звуков, составляющих эту фонему, можно выделить следующие варианты.

1) Вариант «ъ» — неогубленный гласный заднего ряда 5-го подъема. Характерен главным образом для ударенных слогов рядом с губными, заднеязычными и увулярными, а также для ударного исхода слова. В последнем положении фонема *ъ* не очень кратка и качество ее при отчетливой речи определяется без труда. Примеры: «bъrz» 'рис', «ъm» 'этот', «kъtъ» 'кот', «tъ» 'ты', «mъ» 'мы', «bъz» 'коза'. Вариант «ъ» является основным вариантом фонемы, при полном стиле речи он характерен почти для всех фонетических положений. 2) Вариант «ī-» или «ь» (от переднего, продвинутого вперед до смешанного «ь», примерно 5-го подъема и ниже). Встречается в соседстве с переднеязычными щелевыми в открытых слогах: «sī-mā» 'вы', «zъné» 'знать', «sъ» 'красный'. 3) Вариант «ε-» или «э» (от переднего, продвинутого назад «ε-» до смешанного «э» между 3-й и 4-й ступенями подъема). Встречается в соседстве с переднеязычными смычными в закрытых слогах и в исходе слова: «č̣l» 'сорок', «ḍl» 'сердце', «ḍ-» 'два'. В полном стиле восстанавливается в вариант «ъ». 4) Вариант «ə» или «л̄» (от смешанного до заднего неогубленного между 2-й и 3-й ступенями подъема). Под ударением встречается в слогах, закрытых двумя согласными в соседстве со смычными: «ḅl̄nd || ḅl̄nd» 'высокий'. В неударенных слогах представляет дальнейшую ступень редукции вариантов «э» и «ъ»: «ḅl̄nd, ḍr̄óz» 'длинный'. Всегда очень краток. Возникает только в быстрой речи. 5) Крайне редуцированный, качественно неопределенный вариант («ь»), представляющий собой некий гласный призвук. Появляется в неполном стиле речи в неударенных открытых слогах, преимущественно перед сонантами *r, l, m, n*: «g̣l̄áu» 'один', «ḅl̄nd» 'высокий', «g̣n̄é» 'упал'. При дальнейшей редукции в этих положениях может выпадать совсем.

В быстрой речи фонема *ъ* в соседстве с губными согласными, а также в соседстве с *š* и *ž*, которые артикулируются с участием губ, во всех своих вариантах может слегка огубляться, что дает впечатление короткого, ослабленного *о* или *ə*: «ḅʷl̄ḅʷl̄» 'соловей', «ṿʷṭʷṣ̌one» '(они) сказали', «ъʷḍá» 'свой'. Однако при более отчетливом произношении этой огубленности не наблюдается. Если принять во внимание, что *ъ* всегда короче *о* (*ъ* может заметно растягиваться только в абсолютном исходе под ударением), то, получив огубленность, оно все же продолжает противопоставляться фонеме *о* своей краткостью. Остается мало фонетических оснований для смешения *о* и огубленного *ъ*. Однако факты чередований *о* и *ъ* по говорам все же есть, например, слово *voté* 'говорить' произносится в Астарином районе как *ṿʷté*.

Фонема *ъ* в соседстве со среднеязычными *k, g* не засвидетельствована. В соседстве с *y*, имея очень переднее звучание, она очень слабо противопоставляется фонеме *i*, обычно смешиваясь с ней. Отсюда имеем такие дублиеты, как *piyoz || p̣yoz* 'лук', *siyo || ṣyo* 'черный', причем более обычным является произношение с *i*.

Из сказанного видно, что фонема *ъ* противопоставляется всем остальным фонемам главным образом своей краткостью и способностью к редукции и даже полному исчезновению. Однако в связи с тем, что, с одной стороны, фонема *ъ* в отдельных положениях, а именно в ударенных слогах (особенно в исходе слова), может несколько удлиняться, а с другой стороны, остальные фонемы в особо неблагоприятных позициях могут сокращаться («ṣyo», «p̣ŕn̄á», «p̣ŕ»), то одного количественного противопоставления остальным гласным для фонемы *ъ* оказывается не всегда достаточно. Поэтому, хотя фонема *ъ* имеет очень

широкий качественный диапазон, он все же ограничен: *ɤ* не может быть гласным переднего ряда, поскольку оно могло бы совпасть с фонемой *i* или *e* (в их кратких вариантах). В противополжении гласным заднего ряда доминирующим признаком *ɤ*, повидимому, остается его краткость и связанная с ней его общая вялость артикуляции.

КОНСОНАНТИЗМ

Согласные талышского языка могут быть представлены в следующей таблице:

		Губные		Передне-язычные		Средне-язычные		Задне-язычные		Увулярные		Фарингальные		
		глух.	звонк.	глух.	звонк.	глух.	звонк.	глух.	звонк.	глух.	звонк.			
Шумные	смычные	простые	p	b	t	d	ḱ	ǵ	k	g				
		аффрикаги			č	ǰ								
	щелевые	однофокусные	f	v	s	z					x	ɣ		h
		двухфокусные			š	ž								
Сонанты							y							
	носовые		m		n									
	боковые						l							
	дрожащие				r									

Примечание. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен.

СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Характерной особенностью талышского консонантизма является соотношение глухих и звонких смычных. Звонкие *b*, *d*, *g* являются полнозвонкими только в интервокальном положении. В начале слова и после глухих согласных они нормально глухие и имеют только звонкий взрыв («*ḅ*, *ḍ* ɣ»), отчего на русский слух воспринимаются часто как *p*, *t*, *k*. В исходе слова после гласных и звонких согласных имеют звонкое начало и слабый глухой взрыв без придыхания. После глухих согласных фонемы *b*, *d*, *g* в исходе не встречаются.

Глухие *p*, *t*, *k* являются придыхательными. Придыхательность наиболее сильна в начале слова, где она является главным признаком,

различающим пары *p—b*, *t—d*, *k—g*. Между гласными, где при противоположении этих пар на первое место выступает признак «глухость — звонкость», придыхательность *p*, *t*, *k* несколько ослабляется.

В положении после глухих щелевых (*f*, *s*, *ʃ*, *x*) фонемы *p*, *t*, *k* обычно вовсе теряют придыхательность и под влиянием следующего гласного могут артикулироваться со звонким взрывом, отождествляясь, таким образом, со звонкими согласными, которые в этом положении всегда выявляются в глухом своем варианте. В результате, в положении после глухих щелевых в талышском языке мы имеем нормально фонемы *b*, *d*, *g*, а не *p*, *t*, *k*: *māšdā* 'утро', *ʔšdā* 'свой', *āsbō* 'всадник', *kʔšdē* 'убивать', *kāšdē* 'сеять', *hʔšgi* 'засуха', *pešdā* 'зад', 'спина', *hāfdā* 'неделя' и т. д. (фонетически: «*māšda*, *ʔšda*, *āspo*, *kʔšde*, *kāšde*, *hʔšgi*, *pešda*, *hāfda*»).

В исходе слова после глухих щелевых глухие смычные сохраняются, так как всегда сохраняют в этом положении глухой взрыв. Так, имеем: *mʔšt* 'кулак', *hāft* 'семь', *hʔšk* 'сухой', *āsp* 'лошадь'.

Рассмотренный переход глухих смычных в звонкие не является обязательным. В отдельных случаях глухие могут сохраняться, оставаясь придыхательными. Это происходит обычно при изменении слов, когда этимологическая связь с исходной формой слова не утрачена. Так, *mʔšt* 'кулак' или *dust* 'друг' в косвенном падеже нормально будут иметь *t* (*mʔšti*, *dusti*), равно как и в слове *hāftō* 'семьдесят' при постоянной связи с *hāft* 'семь' или *bist-ʔ-dʔ* 'двадцать два' при *bist* 'двадцать'. Кроме того, сохранение глухих колеблется индивидуально и по говорам. Так, имеем параллельно формы *dāstā* || *dāsdā* 'рукоятка', «*dustāy*» || *dusdāy* 'тюрьма'. В слове *kʔšti* 'пояс' во всех случаях засвидетельствовано стойкое *t* (ср. *kʔšdē* 'убивать', где *t* никогда не восстанавливается).

Таким образом, противоположение согласных *b*, *d*, *g* и *p*, *t*, *k* основывается на двух моментах: 1) на признаке «придыхательность — непридыхательность»; 2) на признаке «глухость — звонкость». Первый признак выступает на первый план в начале слова и после глухих согласных, второй признак — в интервокальном положении. В конце слова оба признака имеют одинаковое фонологическое значение (*d* в исходе — со звонким началом, но с глухим взрывом, слабым и без придыхания; *t* — глухое целиком с более энергичным взрывом, сопровождающимся придыханием). Смычные вообще являются более слабыми по сравнению с глухими.

Переднеязычные смычные *t* и *d* артикулируются при дорсальном положении кончика языка.

«Мягкие» *k̂* и *ĝ*, отмечавшиеся уже в «Талышских текстах», представляют собой среднеязычные смычные — глухой и звонкий. Они являются самостоятельными фонемами, противопоставляющимися заднеязычным *k* и *g*. О том, что *k̂* и *ĝ* являются особыми фонемами, а не вариантами *k* и *g*, говорит наличие тех и других звуков в одних и тех же фонетических положениях: *tika* 'кусок' и *ka* 'дом', *kek* 'блоха' и *nemek* 'соль', *palang* 'тигр' и *lɔng* 'нога', *gami* 'корабль' и *gatē* 'брат', *kinā* 'девушка', *kiyā* 'гнедой' и *kitób* 'книга', *ki* союз подчинительный. Для Зувандского района имеем также противопоставляющуюся пару: *tika* 'кусок' и *tika(y)* 'немного' (в Ленкоранском районе *tikay*). Обе фонемы мало употребительны и встречаются в речи довольно редко. Однако считать эти фонемы чужими, проникшими из азербайджанского языка,

едва ли можно. Обе фонемы встречаются не только в азербайджанских или в общих с азербайджанским языком словах. Напротив того: принадлежность общего с азербайджанским языком слова к талышскому или азербайджанскому может быть определена именно по различному его произношению: со среднеязычным или заднеязычным. Так, имеем: талышское *bark* || азербайдж. *bark* 'крепкий'; талышское *kum* || азербайдж. *kum* 'крыша'. Отмечены фонемы *k* и *g* в следующих словах:

	<i>k</i>		<i>g</i>
<i>olkā</i>	страна	<i>gohār</i>	имя собств.
<i>tikā</i>	кусок	<i>gobaláy</i>	гриб
<i>kanji</i>	селянин	<i>gami</i>	корабль
<i>kiyā</i>	гнедой	<i>palang</i>	тигр
<i>kek</i>	блоха	<i>kargalan</i>	название селения
<i>kinā</i>	девушка		
<i>šxakarān</i>	название селения		

Фонетически фонемы *k* и *g* определяются как среднеязычные смычные аффридированные. Аффрикация может быть весьма сильной, особенно у глухого *k*, который на русский слух может даже быть смешан с ч. Именно по признаку аффридированности легче всего отличить талышские среднеязычные и заднеязычные смычные. Акустический признак мягкости не всегда может быть достаточным, так как заднеязычные талышские *k* и *g* (особенно *k*) могут довольно заметно палатализироваться перед *e* и *i* (особенно перед *i*: «k'i» союз подчинительный), сохраняя противоположение среднеязычным *k* и *g* («k'ina» 'девушка'). Поэтому не всякое «мягкое» *k* и *g* следует относить к фонемам *k* и *g*.

ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Фонема *u* является губо-зубным шумным согласным во всех фонетических положениях. В исходе слова талышское *u* не сонантизуется, а остается губо-зубным шумным, несколько оглушаясь к концу своего звучания: «ou» 'вода', «paу» 'девять'. В общем, по своему выявлению талышское *u* близко к губо-зубному курдскому *u*. Последнее, впрочем, является все же более шумным, противопоставляясь сонорному губогубному *u*.

Двухфокусные щелевые *š* и *ž* выявляются в следующих главных вариантах. В соседстве с гласными переднего ряда они артикулируются со вторым средним фокусом при апикальном или дорсальном положении кончика языка, давая акустическое впечатление чрезвычайно мягких «š» и «ž»: «žiyā» 'веревка', «še» 'итти', «šy» 'муж', «žep» 'жена'. В соседстве с гласными заднего ряда *š* и *ž* артикулируются со вторым задним фокусом при апикальном или какуминальном положении кончика языка, что дает акустическое впечатление твердых «š» и «ž», весьма близких к русским: «žogó» 'так', «āvšúm» 'шелк', «ovšúm» 'луна', «dāšt» 'поле', «vínđžone» (Зуванд) 'они увидели', «pšón» 'знак'. При сочетании переднего и заднего гласного возникает среднее по мягкости звучание *š* и *ž*, близкое к типу или таджикских или несколько более твердых белуджских *š* и *ž*: «k'iž-on» 'птицы', «aš-de» 'вставать', «b^rriš-on» 'они отрезали', «ru-ž-on» 'дни'. Во всех этих случаях второй фокус *š* и *ž* является среднеязычным, но несколько

продвинутом назад; такой средний тип $\check{s}$ и $\check{z}$ является нормальным и обычным для их положения в соседстве с гласным смешанного ряда $\check{a}$: «- $\check{s}\check{a}$ -» местоименный суффикс 3-го лица, « $\check{s}\check{a}$ » 'свой' и т. д. Таким образом, диапазон фонем $\check{s}$ и $\check{z}$ в талышском языке весьма широк: в нем может быть засвидетельствовано буквально любое из возможных их звучаний. Существенно отметить, что фонема $\check{z}$ в талышском языке является весьма употребительным звуком, что сближает талышский язык с курдским и, напротив, отделяет от белуджского.

Те фонетические черты, которые характеризуют фонемы $\check{s}$ и $\check{z}$, характерны и для фонем $\check{c}$ и $\check{j}$. Фонемы $\check{c}$ и $\check{j}$ являются дорсальными двухфокусными аффрикатами с « $\check{s}$ »- и « $\check{z}$ »-образным исходом, изменяющимся в зависимости от фонетического положения аналогично фонемам $\check{s}$ и $\check{z}$. Но поскольку для $\check{c}$ и $\check{j}$ положение кончика языка нормально дорсальное, то обе аффрикаты могут иметь еще более мягкое звучание, которое при ослаблении щелевого элемента при более быстрой речи может дать для фонемы $\check{c}$ впечатление сильно палатализованного « t' ». У звонкого аффриката $\check{j}$ щелевой элемент сильнее (поскольку для звонких вообще характерна более слабая смычка), поэтому он всегда слышится как отчетливый аффрикат. С другой стороны, благодаря дорсальному положению кончика языка, второй фокус их щелевой артикуляции не может так легко продвигаться назад до ярко выраженного заднего типа, как это происходит для щелевых $\check{s}$ и $\check{z}$, при артикуляции которых кончик языка не связан дорсальной смычкой и может легко принимать какуминальное положение. В результате, фонемы $\check{c}$ и $\check{j}$ не приобретают слишком твердого произношения под влиянием гласных заднего ряда, — второй фокус их образования остается средним и может лишь несколько продвигаться назад.

Переднеязычные щелевые s и z артикулируются с круглой щелью и ничем заметно не отличаются от соответствующих русских.

Увулярные щелевые x и γ фонетически весьма близки к белуджским x и γ : они довольно слабы, имеют сравнительно слабый шум и не сопровождаются характерным хрипом. Все же талышские x и γ несколько более сильны и имеют более отчетливо выраженную увулярную артикуляцию (при более активном участии мягкого нёба). Следует отметить, что в ряде случаев отмечается соответствие этимологическому x фонемы h : *hušk* 'сухой', *hârdé* 'есть', *har* 'осел', *hârié* 'покупать', *hova* 'сестра' и др. Фонема γ , как и в белуджском, всегда щелевая. Некоторыми талышами, хорошо владеющими азербайджанским языком, в словах, общих с азербайджанскими, начальное γ может произноситься на азербайджанский манер — как смычное аффрицированное велярное g : *gâz* 'гусь' (вместо *γâz*), *guti* 'ящик' (вместо *γuti*), *garz* 'долг' (вместо *γarz*). Однако такое произношение всегда осознается как азербайджанское и отчетливо противопоставляется собственному произношению. Начальное азербайджанское и персидское g , поскольку оно в этом положении может быть почти чистым смычным, может передаваться в талышском также фонемой g : *gošun* || *γušun* 'войско', *gъya* || *γъya* 'скалы', 'голые горы'. Увулярной смычной артикуляции талышский язык, как и белуджский, вовсе не знает. Вообще отражение в талышском этимологических увулярных арабских ع и ق и персидского или азербайджанского g весьма близко к их отражению в белуджском языке.

Нижефарингальный щелевой h широко употребителен в талышском языке. Как уже указывалось, в ряде случаев он соответствует этимологическому x . Фонетически имеет широкий диапазон:

будучи по преимуществу глухим, может озвончаться в интервокальном положении. Случаев ослабления и выпадения *h* не наблюдается.

Губо-зубной щелевой *f* никаких особенностей не представляет, но встречается редко и по преимуществу в заимствованных словах.

Все щелевые звонкие в исходе слова, как и смычные, могут частично оглушаться, но не полностью и всегда распознаются на слух как звонкие.

СОНАНТЫ

Щелевой среднеязычный сонант *y* в начале слога может быть довольно шумным, артикулируемым с сильной воздушностью. В исходе слога и перед согласными значительно ослабляется, становясь весьма сонорным, вплоть до неслогового *i*: «*haivón*» 'скот', «*geisú*» 'женская коса', «*gy*» 'шея', «*gyai*» 'один'. Впрочем, при отчетливом произношении и в этих положениях возможно, как в русском языке, более шумное звучание *y*: «*gyu*», «*gyau*».

Носовой сонант *ŋ* в основном своем звучании является переднеязычным. Однако в положении перед заднеязычными смычными он закономерно становится заднеязычным: «*saŋgô*» 'вечер', «*raŋg*» 'краска', «*vāŋg*» 'крик', 'зов'. Перед среднеязычными смычными он становится среднеязычным: «*palaŋg*». Таким образом, фонема *ŋ* подчиняется влиянию следующего смычного, артикулируясь той же частью языка.

Изменения фонемы *l* идут по линии большей или меньшей ее мягкости, отсутствию мягкости или веляризации, что артикуляционно означает различную степень подъема спинки языка в различных ее частях, т. е. наличие той или иной добавочной артикуляции под влиянием соседних звуков или отсутствие ее. В нейтральных фонетических положениях, где отсутствует резко выраженное влияние передних или задних гласных, а также увулярных согласных, — в соседстве с *ə*, *a*, *ā*, а также при сочетающемся влиянии передних и задних гласных — фонема *l* представляет обычный распространенный тип «среднего» *l*, с переднеязычной смычкой и плоским положением спинки языка: «*lʷsde*» 'лизать', «*ālaŋ*» 'травя', «*lʷŋg*» 'нога'. В соседстве с гласными переднего ряда *i* и *e* (особенно, если и согласные в этом слове имеют среднеязычную артикуляцию) *l* может очень сильно палатализироваться и приобретает очень мягкое звучание, близкое к русскому палатализованному *ль*: «*el'kæ*» 'страна', «*l'iva*» 'лист', «*l'yu*» 'канава', «*kel'id*» 'ключ'. Напротив, если в слове наличествуют только гласные заднего ряда и особенно если в нем имеется увулярный согласный, фонема *l* становится в различной степени веляризованной (в зависимости от силы влияния), давая акустическое впечатление твердого *l* («*l*»), иногда по твердости доходящего до русского твердого *л* (веляризованного): «*lon*» 'гнездо', 'куратник', «*lokna*» 'люлька', «*loku*» 'рисовый хлеб', «*xaix*» 'народ'.

Фонема *ɾ* является переднеязычной, одно- или двухударной. Случаев ослабления и выпадения *ɾ* не отмечено. Фонема *m* никаких особенностей не представляет.

Все сонанты, в отличие от шумных, вовсе не оглушаются в исходе слова.

О ВЗАИМОВЛИЯНИИ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ

Все согласные талышского языка, за исключением увулярных и фарингального *h*, палатализуются перед гласными переднего ряда *i* и *e* (перед *e* — в меньшей степени).

Вообще особенностью талышского консонантизма является заметная изменяемость согласных в зависимости от окружающих гласных. Если в состав слова входят гласные заднего ряда, то и согласные приобретают более твердое звучание (*š, ž, č, j, l*), если же в слове присутствуют только передние гласные, то и согласные приобретают мягкое звучание. Однако, в свою очередь, и качество гласных тоже в значительной мере зависит от качества тех согласных, которые не подвергаются влиянию гласных. Эти стойкие согласные следующие: среднеязычные *k, g* и увулярные *x* и *ɣ*. Наличие *k* или *g* в слове определяет качество соседних гласных: гласные заднего ряда *o* и *u* продвигаются вперед вплоть до переднего ряда, давая варианты «*ø*» и «*ʏ*»; гласный *a* дает ярко выраженный передний вариант «*æ*», так что все слово приобретает мягкое звучание («*ølkæ*» 'страна'). Напротив, наличие в слове увулярных *x* и *ɣ* ведет к продвижению гласных назад: фонемы *ø, u, o* рядом с ними имеют всегда заднее звучание, фонема *a* продвигается назад, теряя передний характер, что в свою очередь отражается на характере фонем *š, ž, č, j, l*, которые становятся более твердыми («*ɣoʃun*» 'войско', но не «*ɣoʃʏn*»). Гласные переднего ряда *i* и *e* не подвергаются заметному влиянию увулярных, оставаясь в пределах переднего ряда. Согласный *h* не подвергается влиянию гласных, но и не влияет на них сам. Довольно стойкими являются и переднеязычные *t* и *d*, которые мало палатализуются под влиянием передних гласных.

ОБРАЗЦЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ¹

I

Ленкорань

(селение Ашанаваде)

1. *ikara gɔlay kɔtɔ ba palangɪ pe-gɔnde. palangɪ xaba-ʃ say: «kɔtɔ, tɔ ba č-ama toɣfa oxʃaʃ hese, bas boʃi gadaliʃ?»*. 2. *kɔtɔ vóťʃe: «mɔ odami dás-ada-m»*. *palangɪ vóťe: «odam čokna ʃey-e, — tɔn-ɔʃ žoɣo gadaliʃ ká?»*. 3. *kɔtɔ vóťʃe: «boy bɔʃámon, ba tɔ odam niʃon bɔdam»*. 4. *ɔlay merd ʃum žeda-be*. 5. *kɔtɔ vóťe: «ɔm hā odam»*. *palangɪ omay, xaba-ʃ say: «tɔ č-ama toɣfa žoɣo gadali ká?»*. *vóťe: «hā»*. 6. *palangɪ vóťe: «bavada hozo bɔbi, de tɔ-m dābe hese»*. 7. *merdi vóťe: «bavada, tikay bɔmānd, bɔʃum, ɔʃda ɣvva ka-da bɔyam (|| biyam) čaɣn čiči vóťe, — žoɣo bakamon»*. 8. *merd tikay ʃe, nima ro-ada o-gārde, vóťʃe: «tarsedam, tɔ bɔvitiʃ»*. 9. «*ne, na bavitam»*. *merdi vóťe: «bāva kārda-ni-m»*. 10. *palangɪ vóťe: «bavada čič bɔkamon?»*. *merdi vóťe: «bavada tɔni boy ba kali vɔra da-váʃm»*. 11. *palangɪ rozi be. merdi da-váʃʃe, ɔlay lavoʃ pe-gátʃe, — āna-ʃ kuay, āna-ʃ kuay!* 12. *oxo palangɪ lovaʃ kāy: «mɔni maku, mɔ bɔʃum, de tɔ koɣ-ɔm ni»*.

1. Однажды кошка встретила с тигром. Тигр спросил: «Кошка, ты похожа на наше племя, но почему ты маленькая?». 2. Кошка сказала: «Я в руках человека». Тигр сказал: «Что такое человек, что он сделал тебя такой маленькой?». 3. Кошка сказала: «Давай пойдем,

¹ Ударение в текстах ставится в тех случаях, когда оно падает не на последний слог. Если при написании через дефис не проставлено ударение, значит оба элемента имеют собственное словарное ударение, например: *e-ɔʃdɔm* («*é-ɔʃdɔm*» 'я связал').

я покажу тебе человека». 4. Один человек пахал. 5. Кошка сказала: «Это вот человек». Тигр подошел, спросил: «Это ты наш род таким маленьким сделал?». Он сказал: «Да». 6. Тигр сказал: «Тогда готовься, я буду с тобой бороться». 7. Человек сказал: «Тогда подожди немного, я пойду, свою силу из дома принесу, тогда, как сказано, так и сделаем». 8. Человек немного отошел, с полдороги вернулся, сказал: «Боюсь, ты убежишь!». 9. «Нет, не убегу». Человек сказал: «Я не верю». 10. Тигр сказал: «Тогда что же нам делать?». Человек сказал: «Тогда давай я тебя вместо вола привяжу». 11. Тигр согласился. Человек запряг его, взял палку, — и уж бил его, бил! 12. Наконец, тигр взмолился: «Освободи меня, я пойду, — к тебе у меня нет больше дела».

II

Ленкорань

(селение Ашганаведе)

1. mäsda-mäsda be, hama h̄ta-bin. 2. ḡlay suk doy t̄p-ada t̄sda kašón-t̄s kuyay bašda pešde, h̄and̄še: «gug-gulu-gul!». 3. šayoli t̄m-t̄s masay, vite. ži-y-ada ba suki-š diya k̄ay, č-avi óv-t̄s še, — ve čok. 4. suk ba ži e-p̄voyay. 5. oxoy šayol ba z̄von omay: «h̄a suka boyli! č̄ ha-šanga sado hese. ba ži e-vo, b̄h̄and̄!». 6. suki h̄ande iyan vót̄še: «ne, šayola b̄ab̄a! b̄da alab̄aš č̄ h̄an-ada bašdu, č̄aȳn e-bavoi». 7. šayol alab̄aši nóm-t̄s masay, — vite. heč ba dumo diya-š na-k̄ay.

1. Было раннее утро, все спали. 2. Один петух на верхушке дерева своими крыльями захлопал по своей спине, запел: «Гуг-гулу-гу!». 3. Шакал это услышал, побежал, посмотрел снизу на петуха, у него потекли слюнки, — очень хорош, мол. 4. Петух вниз не спускался. 5. Наконец, шакал сказал: «Да, братец петух, что за приятный голос! Слезь вниз, спой». 6. Петух запел и сказал: «Нет, дедушка-шакал, пусть Алабаш [собака] проснется, тогда я слезу». 7. Шакал услышал имя Алабаш, — убежал, совсем назад не оглядывался.

III

Зуванд

1. p̄óz-ada don t̄sda livon e-k̄arda, alafon suteden. bark s̄orda vo ḡnde. 2. p̄óz-ada šavon d̄roz, ružon kuton beda, odami d̄l beda-ni nave-ro, h̄a taraf siyo-siyoy doйда, bazi kižon ba ḡama v̄ron kečmiš bedan. 3. avasór-ada, tostón-ada isa nave ba odami lazzate doйда, am̄a p̄óz-ada žago beda-ni. 4. pozi oxoy-oxoy-ada voa voyda, — z̄m̄stoni n̄-be, p̄óz-ada voa voyda.

1. Осенью деревья свои листья осыпают, травы засыхают, сильный холодный ветер дует. 2. Осенью ночи становятся длинные, а дни короткие, людям не хочется гулять, всюду мрачно-мрачно, некоторые птицы улетают в жаркие страны. 3. Весной, летом гулять человеку доставляет удовольствие, но осенью — не так. 4. В конце осени выпадает снег. Зимы еще нет, а снег (уже) осенью выпадает.

Кроме приведенных образцов, были прочтены и проверены на месте некоторые номера из «Талышских текстов» Б. В. Миллера с целью

уточнения его записи, весьма близкой к фонологической и нуждающейся лишь в отдельных коррективах. Главные из них — различие фонем *a* и *ā* и отнесение оглушенных смычных после глухих щелевых к фонологическому ряду звонких, а не глухих согласных, например: *ʔšda* 'свой', а не *ʔšta* (знаку *ʔ* соответствует *ʔ* в транскрипции Б. В. Миллера).

Ниже приводятся фразы и слова из текстов II, IV, V и VIII (из раздела «Мелкие рассказы и анекдоты»), в которых имеются расхождения в записи. После фразы в скобках указывается номер строки записи Б. В. Миллера.

Из текста II

Текст проверен в Ленкорани. Б. В. Миллером он записан, повидимому, в Зуване, на что указывают формы местоименных энклитик *-ʔʔ*, *-ʔʔon*, соответствующие ленкоранским *-ʔʔ*, *ʔʔon*. Как закономерное это расхождение специально не выделяется.

ba katto šikāyat kārde (2) 'он пожаловался старосте'.

bʔʔi, ay bʔgat, biya iyo (3) 'иди, схвати его, приведи сюда'.

ʔe, čas-ʔʔ kārde, av-ʔʔ gāte, č-ay lʔngón-ʔʔ e-ʔʔʔde, av-ʔʔ hāʔde hiy-ada, ʔʔdan omay katto-ku (3—4) 'он пошел, подстерег его, связал ему ноги, оставил его на посеве, сам пришел к старосте'.

mʔ dʔz-ʔm gāte (5) 'я вора поймал'.

hāʔʔme (5) 'я оставил (его)'.

bo či mʔ-vārde? (6) 'почему не привел?'.

č-ay lʔngón-ʔm e-ʔʔʔda. — de čiči e-ʔʔʔde? vōtʔʔe: «de huʔayna ālafi e-ʔʔʔdame» (6—7) 'Я связал ему ноги. — Чем связал? Тот сказал: «Я связал хушейнской травой»'.

č-ay dāʔón-an e-ʔʔʔde? (8) 'руки (ты) ему тоже связал?'.

av ʔʔda lʔngon o-bakā (8—9) 'он свои ноги развяжет'.

mʔ šāk-ʔm mʔʔe č-ay dāʔon e-ʔʔʔdʔm, āy-an šāk-ʔʔ aʔʔ-ni o-ka-ʔʔda lʔngon (9—10) 'мне не пришло в голову (мне не пришло мысли) связать ему руки, ему тоже не придет в голову развязать себе ноги'.

māʔda āʔdin (10) 'утром они встали'.

dia-ʔ kārde (11) 'он посмотрел'.

tʔ iyo bo čiči māndaʔ? (11—12) 'ты почему здесь остался?'.

ʔogo (14) 'так, такой'.

Из текста IV

Текст проверен в Ленкоранском районе (селение Дига). Постоянные расхождения (типа *dās* 'рука', *kārde* 'сделал', *ālaf* 'травы' и др.) особо не отмечаются.

bʔ-kāʔdamon (2) 'мы посеем'.

pōz-adā-ʔon kāʔde (2) 'осенью они посеяли'.

omayn ba-ʔda ka (3) 'они пришли к себе домой'.

bāhār-ada (3) 'весной'.

yāyraz ālafi hečči ni (4—5) 'кроме травы ничего нет'.

č-ama nemeki čiy hārda! (5) 'нашу соль кто-то съел'.

omayn (5) 'они пришли'.

gullaʔand (6) 'стрелок'.

ʔogo gulla ayāndin (6—7) 'они так стреляли'.

hečči ni (8) 'никого нет'.

č-ama nemeki hārde muʔi (8) 'нашу соль съели мухи'.

ama avoni b̥k̥šdamon (8—9) 'мы их убьем'.
 b̥ váxd-ada (9) 'в это время', 'как раз'.
 p̥šde (9), p̥šda (10) 'сел'.
 hamro b-ay vôte (11) 'товарищ ему сказал'.
 mārde (13) '(он) умер'.

Из текста VI

Текст проверен у представителя зувандского говора. Расхождение в местоименных суффиксах (зув.-(ʔ)ž, -(ʔ)žon || ленкор. и астар. -(ʔ)š, -(ʔ)šon) как закономерное специально не выделяется.

glay merd... pe-ša ba kay kumi-sa, šaʔp e-še p̥znaže (1) 'один человек влез на крышу, а слезть оттуда не мог'.
 šana dod hārāy-ʔš kārde (2) 'сколько он ни кричал (звал на помощь)'...
 g̥rda ben hama di ahl, fikir-žon kārde, vótzone: «odam b̥žu, katto biya» (2—3) 'собрались все жители селения, подумали, сказали: «Пусть кто-нибудь пойдет, приведет старосту»'.
 flon kas pe-ša ba kay kumi-sa, e-ša z̥nda-ni (4—5) 'такой-то человек влез на крышу дома, а слезть не может'.
 t̥ katto-ž (5) 'ты староста'.
 ay (5, 14) 'его', 'им'.
 xaylak fikir-ʔš¹ kārde (6) 'он хорошенько подумал'.
 biyan bo m̥-ro d̥roza žiya (6) 'принесите мне длинную веревку'.
 vārdžone (6) 'они принесли'.
 zumānda odam 'сильный человек' (7).
 žiya-ž š̥-doy (7) 'он бросил веревку'.
 žiya da-bāst ba-šda miyoni (8, 15) 'привяжи веревку к своему поясу'.
 da-bāste (9, 15) 'привязал'.
 žiya ʔm sāy-ž-an doy ba šo kasi zamin-sa (9) 'этот же конец веревки он дал четверем человекам на земле'.
 a merd či kay kúmo e-gni ba zamin (10) 'тот человек упал с крыши на землю'.
 xalx hama taʔib mānde (11) 'все люди удивились'.
 a mār-d-ni (13) 'он не умер'.
 sabinay ki m̥ vīndame (13) 'потому что я видел'.
 kāna kattó-žon vārde (14) 'привели прежнего (старого) старосту'.
 ay žiya-ž doy vārde (14) 'он приказал принести веревку'.
 š̥-dože žiya (15) 'он бросил веревку'.
 āv-žon čolo be-kārd-žone (16) 'они вытащили его из колодца'.

Из текста VIII

Текст проверен у представителя астаринского говора.

g̥lay merdi Miyonkú-ada móy-ʔš suya kārda-be x̥nb (|| х̥mb)-ada.
 avasór-ada х̥mb-ʔš be-vārdá-be iyan š̥sdás-be (1—3). 'Один человек в Миянку засолил рыбу в кувшине. Весной он вынес кувшин и вымыл'.
 purna (|| porna) (3, 4, 5 и др.) 'теленки'.
 a porna da-mānde х̥nb i l̥šde (4) 'теленки принялись лизать кувшин'.

¹ Глухое š объясняется здесь, повидимому, влиянием следующего глухого согласного.

hosda-hosda sa-s da-noy ba хъmbi dъla (4) 'постепенно он засунул голову в кувшин'.

ъsda (5) 'свой'.

č-a porna sa bānd be (5) 'голова теленка застряла'.

хъmb re-gārde (6) 'кувшин перевернулся'.

porna gъniy ba zamin (6) 'теленочек упал на землю'.

ka soybi ženi vīndъše, hēl-ъs kāy ъsda šua-ko (|| -ku): «purna mārde!».

(7) 'жена хозяйина дома увидела, закричала своему мужу: «Теленок умер!».

ašte (8) '(он) встал'.

čāna fikr-ъs kārde, pъznāše purna sa be-vā (8—9) 'сколько он ни думал, не мог вытащить голову теленка'.

odām-ъs vъ-γānde ba katto dimo (9) 'он послал человека к старосте'. kattō-ъn vārde, ba katto-s vъte (9—10) 'привели старосту, он сказал старосте'.

purna say (11) 'голову теленка'.

ъ-sa čayū sokna be-vamon? (12—13) 'теперь оттуда как мы вытащим?'.

хъmbi barъsдан (13) 'разбейте кувшин'.

arъsдъsone хъmb (13) 'кувшин разбили'.

hama-ъon taaјib kārde (14) 'все удивились'.

āγl mānda odam (14—15) 'умный человек'.

хаsang (15) 'хорошо'.

ТАТСКИЙ ЯЗЫК

Татский язык известен в двух главных разновидностях: собственно татской (так называемой «мусульманско-татской») и еврейско-татской. Главные исследования по татскому языку принадлежат Всев. Миллеру и его продолжателю Б. В. Миллеру, уделявшим внимание обеим разновидностям языка. Однако еврейские говоры оказались более изученными как более монолитные, различающиеся более или менее заметно (главным образом в лексике) лишь в двух своих разновидностях: северной, исследованной Всев. Миллером,¹ и южной, исследованной Б. В. Миллером.² Собственно татский язык диалектально более дробный и более подвержен влиянию окружающих языков (азербайджанского, дагестанских). Тот говор, на котором основывал свое описание татского языка Всев. Миллер,³ оказался неудачным для этой цели. Как выяснилось позже, он «стоит несколько особняком от других [говоров] и иногда даже плохо понимается другими татами-мусульманами».⁴ Большее представление о татских говорах дало экстенсивное обследование татов Азербайджана, проведенное Б. В. Миллером в 1928 г., предварительные результаты которого были опубликованы в работе «Таты, их расселение и говоры».⁴ Собранные же тексты были изданы значительно позднее.⁵ Так как это обследование было кратковременным, то отмечены были лишь наиболее существенные черты татского языка. В текстах отражены говоры: рустовский, апшеронские (сураханский и балаханский), хизинский, кильварский, матрасинский, лахиджский. Объем текстов для каждого говора небольшой.

Система вокализма татского языка не вполне выясняется из указанных работ. Оба исследователя не раз отмечали большую неустойчивость гласных звуков. Хотя Всев. Миллер подробно останавливается на фонетике в своих работах, но все же он описывает лишь выделенные им звучания, а не фонемы. Б. В. Миллер свое понимание татского вокализма вложил в разработанную им транскрипцию, которая не обременена случайными и излишне многообразными вариантами звучаний. Однако его транскрипция все же не является вполне фонологич-

¹ Всев. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь. СПб., 1892; он же. Очерк фонетики еврейско-татского наречия. Тр. Лазар. инст. вост. яз., III, М., 1900; он же. Очерк морфологии еврейско-татского наречия. Тр. Лазар. инст. вост. яз., вып. VII, М., 1901.

² Б. В. Миллер. О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа. Изд. АН СССР, Л., 1932.

³ Всев. Миллер. Татские этюды, ч. I. Тексты и татско-русский словарь. Тр. Лазар. инст. вост. яз., вып. XXIV, М., 1903; он же. Татские этюды, ч. II. Опыт грамматики татского языка. Тр. Лазар. инст. вост. яз., вып. XXVI, М., 1907.

⁴ Б. В. Миллер. Таты, их расселение и говоры (Материалы и вопросы). Баку, 1929.

⁵ Б. В. Миллер. Татские тексты. Сб. «Иранские языки», М.—Л., 1945, стр. 107—126.

ческой, о чем он сам предупреждает читателя. В работе «Таты, их расселение и говоры» он пишет: «сложного вопроса, какие звуки в татских говорах являются фонемными, а какие лишь варианты фонем, осложненного вышеуказанной неустойчивостью татского вокализма, я здесь касаться не буду, т. к. для его решения надо располагать большим чем я количеством материала».¹

О консонантизме можно было иметь более удовлетворительное представление, но все же ряд вопросов, фонологически важных, оставался неясным и здесь: роль и степень палатализации заднеязычных смычных, употребление верхнефарингальных $\bar{e}$ и $\bar{h}$, характеристика и трактовка увулярного согласного, соответствующего арабским ع и ق .

Таким образом, основной задачей предпринятого исследования явилось установление состава фонем, а также их необходимая фонетическая характеристика, причем основное внимание было обращено на фонетику собственно татского языка как менее изученную и более неустойчивую по сравнению с еврейскими говорами.

Для татского языка Азербайджана характерна большая раздробленность по говорам с существенными расхождениями в области фонетики. Таты в настоящее время быстро ассимилируются с азербайджанцами. Родным языком они пользуются только в пределах своего селения, дети учатся в азербайджанских школах. Более сильно сказывается азербайджанское влияние в промышленных районах (Апшеронский полуостров) и менее в районах сельскохозяйственных. Значительные колебания языковых норм наблюдались и внутри одного селения между старшим и младшим поколениями, а также между разными слоями населения по степени приобщения к азербайджанскому языку и культуре. Наиболее ярким примером такого колебания языковых норм является нефтяной поселок Балаханы близ Баку.

Работа проводилась в июле 1948 г. в Баку и в поселке Балаханы по апшеронским говорам (балаханскому и сураханскому) и в г. Кубе по говорам конахкентскому и дивичинскому, не отраженным в записях Б. В. Миллера. Конахкентский и Дивичинский районы расположены более чем в 100 километрах на север от Баку, соседят друг с другом и их говоры довольно близки между собой. Основными помощниками в работе были студенты педучилищ и институтов, привлекались также школьники и учителя.

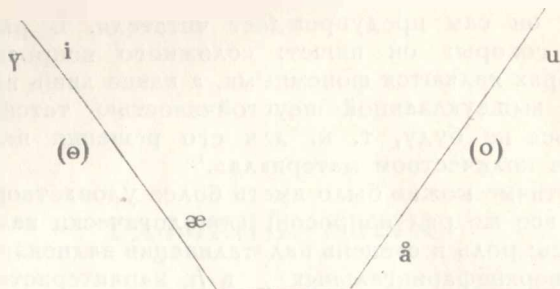
Последующее изложение основано на материалах всех четырех указанных говоров с выявлением их расхождений. Сокращенное обозначение говоров следующее: Б. — балаханский, С. — сураханский, К. — конахкентский, Д. — дивичинский. В тех случаях, когда два последних говора не дают расхождений, они объединяются под обозначением К.—Д.

ВОКАЛИЗМ

Основу татского вокализма, общую для всех исследовавшихся говоров, составляют следующие гласные фонемы: i , a , $\bar{a}$, u , $\bar{u}$, ei , ou , eu .

В артикуляторной таблице простые татские гласные (не дифтонги) можно представить в следующей таблице, с обозначением лишь основного места артикуляции каждой фонемы. В скобках заключены фонемы балаханского говора.

¹ Б. В. Миллер. Таты, их расселение и говоры, стр. 2, прим.

ФОНЕМА *i*

Фонема *i* колеблется между верхним и 4-м подъемом (от «*i*» до «*e*»). В говорах Дивичинского и Конахкентского районов после увулярных согласных и *г* фонема *i* может значительно продвигаться назад, давая акустическое впечатление *ы*: «*xı-rɾam*» 'я купил', «*xı-šk*» 'сухой', «*ɾı-š*» 'борода'. Для татов Апшерона такое продвижение *i* назад не характерно, — оно не выходит за пределы переднего ряда, но зато в соседстве с увулярными и фарингальными может очень сильно расширяться, вплоть до 4-го подъема, т. е. до «*e*»: «*xɛšk*» 'сухой'. Таким образом, для апшеронских татов имеем широкий диапазон *i* по подъему, для татов К.—Д. — по ряду и по подъему («*xı-šk*» 'сухой', «*ɛlm*» 'наука'). Общим для всех говоров является возможность сильного сокращения *i* в неударенных слогах. Примеры на фонему *i*: *nim* («*nɪm*») 'половина', *ci* («*ci*») 'что', *ciɾəs* («*ciɾəs*») 'собрал', *rixɪ* («*rɛxt*») 'насыпал', *giriɪt* («*gɛrɛxt*») 'убежал', *di ki...* («*d'i ki...*») 'увидел, что...', *imruz* («*imruz*») 'сегодня'.

ФОНЕМА *ə*

Колеблется от нижнего подъема нейтрального продвинутого вперед ряда («*a-*») до 4-го подъема переднего ряда («*e*»). Основным вариантом является 2-й подъем переднего ряда («*ə*»). у апшеронских татов он более закрыт («*ə*»), у татов К.—Д. более открыт («*ə*» и «*ə*»). Вариант «*a-*» встречается рядом с велярными и гласными заднего ряда: «*xa-štan*» 'сам', «*ʃəmta-t*» 'общество'. Вариант «*e*» встречается рядом со среднеязычными согласными и гласным *i* в быстром стиле речи: «*kek*» 'блоха', «*šeš*» 'шесть', «*dɛtei*» 'второй', «*səɛtei*» 'третий'. В полном стиле речи вариант «*e*» рядом со среднеязычными может восстанавливаться в вариант «*ə*», а при более отчетливом (несколько нарочитом) произношении и в вариант «*ə*»: «*k:k* || *kək*», «*səg* || *səg*» 'собака'. Так, в зависимости от отчетливости речи слово *dɛtai* может звучать следующим образом: «*dɛtei* || *dɛtei* || *dɛtai*», а в говорах К.—Д. даже «*dɛtai* || *dɛtai* || *dɛtai*».

Таким образом, как мы видим, две фонемы *i* и *ə* дают одинаковый вариант «*e*» в обычном стиле речи и близкие варианты «*e*» и «*ɛ*» в полном стиле речи. Поскольку эти варианты возникают в разных фонетических позициях («*e*» после велярных из *i* и «*ɛ* || *e*» между среднеязычными из *ə*) и являются постоянными, то уже в самом татском языке есть предпосылки для их обособления. Звук «*e*», с одной стороны, выделяется говорящим из прочих вариантов *i* и *ə*, т. е. получает известную автономность, с другой стороны, «*e* || *ɛ*» из *ə* и «*e*»

из *i* отождествляются между собой. Таким образом, внутри языка в данный момент имеются предпосылки для образования фонемы *e* из совпадающих вариантов двух других фонем. Такому обособлению этих вариантов, заставляющему некоторых татов при написании «*xešk*» и «*kek*» выбирать букву *e*, а не *i* или *æ*, в значительной мере способствовало влияние азербайджанского языка. Каждый тат двуязычен. Азербайджанский язык имеет в своем составе фонему *e*. Таты, владеющие азербайджанской системой вокализма, легко выделяют в своем восприятии звук «*e*». Именно влияние азербайджанского вокализма привело к тому, что у части татов в полном стиле речи в таких словах, как *kæk*, закрепился узкий вариант: «*kek*». Для той части татов, где такой сдвиг осуществился, можно уже говорить о возникновении фонемы *e*, которая может захватывать в дальнейшем все новые и новые слова. Возникновение и распространение фонемы *e* в татском весьма существенно может поддерживаться тем фактом, что азербайджанские слова таты заимствуют целиком в азербайджанском фонетическом облике, поскольку они владеют азербайджанской фонетической системой. Так, имеем вошедшие в татский язык слова *gozbel* 'горбун', *meša* 'лес' и т. д., с произношением отсутствующих в татском языке фонем *e* и *o*. Однако выделение *e* в особую фонему в настоящее время еще нельзя считать осуществившимся фактом для татского языка в целом. Для большинства татов, как апшеронских, так и К.—Д., в таких словах, как «*kek*», «*xešk*» (Б.), «*šeš*» (К.—Д.), звук «*e*» остается вариантом фонемы *æ* (*kæk*, *šæš*) или фонемы *i* (*xišk*). В количественном отношении фонема *æ* более или менее устойчива, она сокращается в неударенных слогах, но не редуцируется.

ФОНЕМА *ä*

Артикуляционный диапазон фонемы *ä* по говорам в общем одинаков: от нейтрального *a* («*a*») нижнего подъема до «*Λ*» заднего ряда 2-го и даже 3-го подъема. В последнем случае *ä* может быть слегка огубленным, иногда в начале своего звучания, иногда в конце, иногда полностью, что дает впечатление открытого *o*. Наиболее характерен огубленный вариант в соседстве с губными: «*pa^o*» 'нога', «*ma^ou*» 'мать', «*ba^o*» 'раз', «*xeirəm*» (Б.) 'я купил'. В исходе слова *ä* к концу своего звучания расширяется и при этом теряется огубленность, так что оно остается огубленным только в начале, приобретая несколько дифтонгоидное звучание: «*p^oΛ*», «*b^oΛ*». Степень и устойчивость губной работы при артикуляции *ä* колеблется по говорам; наиболее сильна его огубленность в балаханском говоре, где она для части татов из сопровождающего признака превращается в обязательный и дает устойчивый «*o*»-образный вариант: «*pa^o*» 'нога', «*ma^ou*» 'мать', «*ba^o*» 'раз', «*bəz*» 'еще' и распространилась в исходе слова на положение после любого согласного: «*də*» 'дал', «*mulla^o*» 'мулла', «*sətə^o*» 'три', «*zə*» 'ударил' и т. д. Такое закрепление огубленного варианта заднего *ä* в балаханском говоре создает предпосылки к расщеплению фонемы *ä* на две фонемы. Вариант фонемы *ä* — «*o*» — отделяется от нее и попадает в сферу фонемы *o*, возникшей в балаханском говоре в недавнее время. Поскольку возникновение фонемы *o* характеризует только балаханский говор и процесс этот довольно сложен, то этот вопрос будет рассмотрен ниже отдельно.

Нейтральный вариант фонемы $\bar{a}$ («а»), акустически звучащий, как а русское под ударением между твердыми, встречается довольно редко, преимущественно в полном стиле речи в середине слова, не в соседстве с губными: «tat» 'tat', «sal» 'год', «danist» 'узнал' и после *r*: «raft» 'пошел', «rasiragar» (rāsirægār) 'прохожий' и в соседстве с велярными: «papaх» 'папах'. Для быстрой же речи наиболее характерным является задний вариант, примерно 2-й ступени подъема, слегка огубленный («Λ° || э»). В количественном отношении фонема $\bar{a}$ устойчива: она никогда не редуцируется и заметно не сокращается.

ФОНЕМА *u*

Фонема *u* — огубленный гласный заднего ряда. По подъему колеблется в зависимости от фонетического положения от верхней до 5-й ступени и даже ниже (от «u» до «υ» и «υ»). Наиболее широкий вариант встречается в соседстве с велярными и сонантами *n*, *l*, *g*, из которых *g* наиболее сильно влияет на расширение *u*: «pυl» 'деньги', «gυz» 'день', «pυr» 'полный', «хυп» 'кровь', «хυgυz» 'петух' и т. д. Расширение *u* при этом более характерно для закрытых слогов, чем для открытых. Широкий вариант возможен также в исходе слова: «tмυ» 'мы'.

В балаханском говоре широкий вариант *u* («υ»), обязательный в положении рядом с велярными и *g*, обособившись от фонемы *u* аналогично варианту «ɔ» фонемы *a*, выделился в фонему *o*, что привело к дальнейшему звуковому расхождению этого варианта с фонемой *u*. Если в говорах К. — Д. имеем звучание «gυz || rυz, pυr || rυr, хυп || хυп», то в говоре Балаханы эти слова звучат как «roz || rɔz, por || pɔr». Таким образом, в говоре Балаханы фонема *u*, аналогично фонеме $\bar{a}$, расщепляется на две фонемы: закрепившиеся в указанных фонетических положениях широкие варианты ее звучания попадают в сферу фонемы *o*, которой нет в других говорах.

Узкий вариант фонемы *u* встречается в соседстве с остальными согласными, преимущественно в открытых слогах в середине слова, в соседстве с губными, и в закрытых слогах: «gufti» (k.) 'он сказал', «tмυ» 'волосы', «tuti» 'попугай', «guʃ» 'ухо', «bu» 'запах'. В неударенных, особенно открытых слогах, *u* может сильно сокращаться и редуцироваться: «kuti || kʰti» (Б.) 'он сказал', «čyráp» 'пастух', «dūræ» 'дым'.

ФОНЕМА *y*

Представляет собой огубленный гласный, колеблющийся по подъему, как и фонема *u*, от верхней до 5-й и несколько ниже ступени. По признаку ряда имеет широкий диапазон: от заднего продвинутого вперед до переднего ряда. Обычное звучание — сильно продвинутый вперед или передний огубленный гласный. Всегда краток, мало напряжен, артикуляция вялая. Огубленность в быстрой речи может сильно ослабляться, отчего зачастую *y* акустически напоминает звук «i». Например: «iʃmυ || yʃmυ» 'вы'. Возможность утери огубленности фонемой *y*, с одной стороны, и возможность приобретения огубленности фонемой *i*, с другой (поскольку последняя может в неударенном положении редуцироваться и ослабляться, а оттого легко подпадать под влияние соседних губных, например, в слове *birim* 'мы были' имеем

слегка огубленное звучание i — «bi^orim»), — приводит к смешению этих фонем и различному распределению их по говорам. Так, в говоре Б. имеем слово *bilənd* 'высокий', а в говорах К.—Д. оно звучит как *bɯlynd*; или Б.: *bæ dʲɤtæi* 'второму', К.: *bæ dʲɤtæy* (в последнем случае при переходе $i > y$ сказалось влияние предшествующего y). Внутри говоров наблюдается частое чередование фонем i и y , вызванное влиянием наличествующих в слове губных или негубных гласных. Так, имеем слово *birim* 'мы были', но *bɯry* 'он был', где первый гласный меняется в зависимости от второго (— y глагольная флексия 3-го лица).

По говорам возможна также взаимозамена фонем y и u . Фонема u в отдельных случаях может быть продвинута вперед, а диапазон фонемы y доходит до заднего продвинутого вперед ряда. Таким образом, имеются фонетические предпосылки для соответствий по говорам фонем y и u . Примеры: Б.: u , К.—Д.: y 'он'; Б.: *ʃɯtu*, К.—Д.: *yʃtu* || *ʃɯtu* 'вы'; Б.: *jur*, К.—Д.: *jyr* 'образ', 'способ' и др.

Широкий вариант фонемы y — 5-го и ниже подъема (« ϕ ») — возникает закономерно в соседстве с фарингальными h , h и ϕ : «*səhbat*» 'беседа', «*təhmat*» 'выговор', «*səhb*» 'утро', «*hək*» 'приказ' и т. д. (в положении после увулярных фонем y не встречается). В говоре Б. засвидетельствован один случай варианта « ϕ » в другом фонетическом положении: «*gəšk*» 'гнида', где y расширяется, вероятно, под влиянием g .

В то время как для говоров К.—Д. фонема y в указанном положении расширяется не очень значительно («*sy-hb*, *ty-hmat*» и т. д.), и вариант « y || ϕ » остается в пределах ее фонетического диапазона, в говоре Балаханы, аналогично рассмотренным случаям с вариантами фонем a (вариант « α »), u (вариант « y || ϕ »), α и i (вариант « e »), имеет место обособление варианта « ϕ » от фонемы y , сопровождающееся дальнейшим звуковым расхождением с ней. В говоре Б. этот вариант расширяется до 3-й ступени подъема сверху и даже ниже (« ϕ ») и по звучанию совпадает с азербайджанской фонемой ϕ . Таким образом, и в данном случае в говоре Б. мы имеем дело с расщеплением фонемы (y) и возникновением новой фонемы (ϕ). Однако, если о возникновении фонемы ϕ для говора Б. можно говорить с несомненностью, то трактовка в нем звука « ϕ » как фонемы требует значительных оговорок. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

ФОНЕМА *ei*

Фонема *ei* представляет собой нисходящий дифтонг. Первый гласный — узкое « e », второй — неслоговое « i ». Встречается во всех рассматриваемых говорах. Этимологически соответствует по большей части сочетанию *ay*: *peidā* 'видимый', *mei* 'вино', *meimū* 'обезьяна'. В ряде случаев возникло на татской почве из сочетания гласных $\tilde{a} + i$ или $\alpha + i$: *deim* < *dā-im* 'дадим', *deind* < *dā-ind* 'вы дайте'. То, что этот дифтонг не представляет собой сочетания двух фонем (а этими фонемами могли бы быть $\alpha + y$ или $\alpha + i$), а является самостоятельной фонемой, т. е. неделимым звуком, показывают следующие факты.

В татском языке встречается сочетание фонем α и y , что в быстрой речи может дать звучание «*ei*»: «*bei mæp*» 'мне', «*bærei*» 'почему?', «*meivēiyeræ*» 'фрукты'. Однако при отчетливом произношении фонема α

восстанавливается в этих случаях в вариант «е» и «æ», а второй элемент таких сочетаний — неслоговое «j» — становится более шумным, превращаясь в согласный *y*: «bæy mæn || bæy mæn», «bæréyi çi || bægræyi çi», «meivéyæræ || meivæyæræ». В дифтонге же (*ei*) первый элемент («е») не может расширяться ни при каких условиях: он всегда остается узким: «meivæ», но никогда не «meuyvæ» или «mæuyvæ». При быстрой речи второй элемент дифтонга может значительно ослабляться, так что дифтонг превращается в дифтонгоид — в *e* с дифтонгондным концом «eⁱ»: «zu bišeind» 'торопитесь', «deim» 'дадим' и т. д. Начальный элемент дифтонга при этом может сужаться, так что в результате возможно полное слияние обоих элементов в фонему *i*. Поэтому в татском языке могут встречаться соответствия *i* || *ei*. Так, приведенное выше слово *zu bišeind* засвидетельствовано в балаханском говоре также в форме *zu bišind*. Такой переход *ei* в *i* замечается пока только в наиболее употребительных словах и морфемах и лишь у отдельных лиц.

Для той части татов Балаханы, для которых можно говорить о возникновении фонемы *e*, возможно стяжение дифтонга, при сокращении второго элемента не в звук *i*, а в звук *e*. Так, имеем в говоре Б. пример произношения слова *deim* 'дадим' как *dem*.

Таким образом, имеем два фонетических варианта фонемы *ei*:

1) Дифтонг «*ei*», характерный для всех положений в полном стиле речи.

2) Дифтонгоид «*eⁱ*», возникающий в неполном стиле речи. При большем ослаблении второго элемента и сужении первого возможно полное стяжение обоих элементов в звук *i*; в часто употребляемых словах этот вариант может переноситься и на полный стиль речи, что приводит к замещению фонемы *ei* фонемой *i* и к созданию в языке дублетных форм: *bišeind* || *bišind*. Редкое, но все же засвидетельствованное стяжение дифтонга *ei* в звук «е» создает лишние предпосылки для возникновения фонемы *e*.

ФОНЕМЫ *ou*, *øy*

Дифтонг *ou* этимологически соответствует сочетанию *av/aw*: *ou* 'вода', *gou* 'корова', *xou* 'сон'. Дифтонг *øy* — сочетанию *av/aw*: *šøy* 'ночь', *døy* 'бег', *jøy* 'ячмень'. Дифтонг *øy* возникает также на татской почве из сочетания фонемы *ä* или *æ* с гласным *y*: *brøy* 'пусть он пойдет' (при основе *brä* + оконч. 3-го лица -*y*); *biyøy* 'пусть он придет' (при основе *biyä*). То, что дифтонги *ou* и *øy* являются фонемами, показывают следующие факты: рядом с *jou* 'грызи' имеем *jou-im* 'мы грызем' со слогоделением перед *i*. Отсюда ясно, что дифтонг *ou* неразложим и второй его компонент не является вариантом согласной фонемы *v*. То же самое имеем в примере *xou-im* 'мы захотим' (основа *xou*), *døy-im* 'мы побегим' (основа *døy*). Возникнув в таких случаях, как *døy* 'пусть он даст', *šøy* 'пусть он станет', *brøy* 'пусть он уйдет', *biyøy* 'пусть он придет', дифтонг *øy* получает морфологическую нагрузку: он становится показателем 3-го лица единственного числа аориста в основах на -*ä*, -*æ*, так что попадает в число морфологически активных фонем. Может быть, именно то обстоятельство, что стечение

$\bar{a}+y$ оказалось обычным на стыке морфем, привело к быстрому их слиянию в одно целое. В комплексе $br\bar{a}-y$ фонема y грамматически значима, а фонема $\bar{a}$ — грамматически незначима. Ясно, что она, подвергшись влиянию y и уподобившись ему фонетически (« $br\bar{a}-y > br\bar{e}y$ »), и фонологически легко могла стать его компонентом. Аналогичный случай мы видели при рассмотрении дифтонга ei : $breind$ из $br\bar{a}-ind$. Напротив, мы не имеем примеров для дифтонга ou из сочетания $\bar{a}+u$, так как такое сочетание не встречается на стыке морфем (фонема u не является каким-либо морфологическим показателем).¹ В таком слове, как $k\bar{a}vu$ 'сизый', после выпадения v (которое превращается здесь в слабый губо-губной спирант и может исчезать вовсе) стяжения гласных $\bar{a}$ и u в дифтонг не происходит, поскольку они здесь равнозначны со смысловой точки зрения, а возможному их фонетическому слиянию (близость артикуляции) препятствует более сильный фонетический фактор — слогораздел ($k\bar{a}-u$).

Стяжение же $\bar{a}+y$ или $\bar{a}+y$ в $\bar{e}y$, возникавшее первоначально в глагольных формах, распространилось на все случаи стечения $\bar{a}$ или $\bar{e}$ и y : $pe\bar{y}s$ из $pe(\bar{a})(v)\bar{y}s$ 'напиши'; $de\bar{y}st$ из $dae(v)\bar{y}st$ 'убежал'.

То, что дифтонги ou и $\bar{e}y$ противоплагаются друг другу, а не являются вариантами одной фонемы, показывают следующие пары: $de\bar{y}$ 'бегн' и dou 'мороз', 'иней'; $je\bar{y}$ 'ячень' и jou 'грызи'.

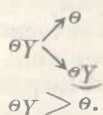
Фонетический диапазон фонем ou и $\bar{e}y$ весьма широк. Варианты « ou » и « $\bar{e}y$ » встречаются только в полном стиле речи в исходе слова и в середине слова перед согласным: « gou » 'корова', « hou » 'сон', « $\bar{s}e\bar{y}$ » 'ночь', « $je\bar{y}$ » 'ячень', « $pe\bar{y}s$ » 'напиши', « $de\bar{y}st$ » 'он убежал'. В обычном же стиле речи конечный элемент дифтонга ослабляется и превращается в соответствующий дифтонгоид: « ho^u » 'спроси', « $pe^{\bar{y}s}$ » 'напиши' и т. д. При более быстрой речи в часто употребляемых словах дифтонгоидный элемент может исчезать вовсе, и тогда мы имеем « $хо$ » 'спроси', « $пёс$ » 'напиши' и т. д. Для наиболее употребительных слов последний вариант распространяется и на полный стиль речи: « $о || ou$ » 'вода', « $biye || biye\bar{y}$ » 'пусть придет', « $bre || bre\bar{y}$ » 'пусть уйдет', « $хо || хо^u$ » 'спроси'. В положении перед гласным полного дифтонга не бывает и в полном стиле речи, где в лучшем случае имеем дифтонгоид: « $хо^u\bar{y}$ » 'он спросит', « $хо^u\bar{im}$ » 'мы спросим', « $de^{\bar{y}um}$ » 'я побегу'. В быстрой же речи дифтонгоидный конец исчезает вовсе:

« $хо-\bar{um}$ »	захочу	« $de-\bar{um}$ »	побегу
« $хо-\bar{y}$ »	захочет	« $de-\bar{y}$ »	побежит
« $хо-\bar{im}$ »	захотим	« $de-\bar{im}$ »	побежим
« $хо-\bar{ind}$ »	захотите	« $de-\bar{ind}$ »	побежите
« $хо-\bar{ynd}$ »	захотят	« $de-\bar{ynd}$ »	побегут

Распространение вариантов « $о$ » и « $е$ » на полный стиль речи создает

предпосылки или для расщепления одной фонемы на две: $ou \begin{matrix} \nearrow o \\ \searrow ou \end{matrix}$;

¹ Такие случаи, как $da+um$ 'я дам', дают стяжение $d\bar{a}m$ 'дам'. Элемент u в морфеме $-um$ не несет самостоятельной морфологической нагрузки: для указания на лицо действия достаточным оказывается одно $-m$.

 или для изменения фонетического облика фонемы: ou > o:
 eу > e.

В балаханском говоре можно наблюдать все этапы дальнейшего развития этих предпосылок.

1. Для части жителей Балаханы имеем состояние, изложенное выше: звуки «о» и «е» являются вариантами фонем ou и eу, которые, как правило, восстанавливаются в полном стиле речи в основной дифтонгический вариант. Однако для некоторых часто употребляемых слов в полном стиле речи возможно дублетное произношение: ou || o 'вода', xou || xo 'спроси', breу || bre 'пусть пойдет'.

2. Для другой части дублетное произношение в полном стиле речи захватывает большее количество слов, а для наиболее употребительных слов закрепляется произношение с о и е: o 'вода', xo 'спроси', biše 'станет', 'сделается'.

3. Для третьей части дифтонгоидные варианты исчезают вовсе во всех фонетических положениях для любого стиля речи: o 'вода', go 'корова', peš 'пиши', de 'беги' и т. д. Последний случай наблюдался только у самого младшего поколения (у школьников).

Причины, благодаря которым так быстро идет стяжение дифтонгов в однородный гласный, яснее могут быть выявлены при рассмотрении фонем о и е в балаханском говоре.

Для говора Сураханы характерно состояние, изложенное в первом пункте.

В конахкентском говоре фонетически полных дифтонгов нет вовсе; в полном стиле речи обычно слышатся дифтонгоиды «o^u» и «e^y», но в большем количестве слов имеем однородный гласный и в полном стиле речи: «de» 'беги', «xo» 'сон', «še» 'ночь', «de-ym» 'я бегу'. Пассивно конахкентский говор допускает и другую норму для слов с дифтонгоидными гласными — сочетания «ov» и «ev»: «ov» 'вода', «šev» 'ночь', «xov» 'сон', «dev» 'беги' и т. д. По расспросным сведениям произносительная норма с *v* характерна для соседних говоров Густова и Чичи, где дифтонги, повидимому, мало развиты.

Для говоров Дивичинского района наличие аналогичных произносительных форм еще более характерно. Для отдельных представителей (Пулатов из селения Зейва) произношение «šev» 'ночь', «jev» 'ячень', «xov» 'сон' и т. д. существует наряду с произношением «še^(u)», «je^(u)», «xo^(u)» и т. д. В слове «пиши», произносимом обычно и здесь как «pe^yš», имеем у того же Пулатова случай этимологически наиболее полного произношения, даже с сохранением неогубленного варианта *æ*: «pæ(w)uš». Несомненно, здесь мы имеем дело со скрестившимися нормами разных говоров, и соответствия по говорам («o^(u)» || *av*; «e^(u)» || *ev* || *æv*) получили у отдельных дивичинцев одинаковые права. Следует отметить, что для дивичинского говора несколько ослаблена фонологическая значимость eu. Как уже указывалось, при описании фонемы *æ* для дивичинского говора характерно более открытое, т. е. «а»-образное ее произношение, иногда вплоть до «а». Такой вариант фонемы *æ*, получая от следующего за ним *v* (в быстрой речи рядом с огубленными гласными «w») огубленность и сливаясь с ним, может давать не дифтонг e^y, как в говоре Балаханы, а дифтонг ou. Так, в дивичинском говоре имеем dou вместо deу 'беги'. Дифтонг eу образуется, повидимому, только в тех случаях, когда

фонема *æ* находится после согласных со среднеязычной артикуляцией и имеет очень переднюю артикуляцию: «*šæv*» > *šəv*. Далее, сочетание *ā* или *æ* с фонемой *y* не дает такого закономерного слияния в дифтонг, как в балаханском говоре: здесь, благодаря наличию этимологически полных форм, всегда возможно разложение дифтонга: «*pæ-ŷš*» и даже «*pə-wŷš*». Кроме того, в ряде случаев дифтонг *əy*, потерявший свою дифтонгоидность и превратившийся в однородный звук «*ə*», сближается иногда по звучанию с широким вариантом фонемы *y* и отождествляется с ней. Так, имеем «*jə^y* > *jə*» > *jy* 'ячень'.

ФОНЕМЫ *o* и *ə* В ГОВОРЕ БАЛАХАНЫ

Фонема *o*

Процесс возникновения фонемы *o* в говоре Балаханы в существе своем аналогичен рассмотренному при описании *æ* случаю появления фонемы *e*. Именно: фонетически близкие варианты разных фонем, возникающие в разных фонетических положениях и тем самым получающие известную независимость от фонетических условий, ассоциируясь друг с другом, отделяются от прежней фонемы и объединяются фонологически между собой, что приводит и к их полному фонетическому совпадению. Такому выделению способствует влияние азербайджанского языка, где эти звуки наличествуют как фонемы.

В случае с *e* мы видели только зародыш новой фонемы, распространенной на татские слова лишь у отдельных представителей говора, наиболее подверженных влиянию азербайджанского языка. В случае с *o* имеем уже сформировавшуюся фонему для всего говора в целом; колеблются по отдельным группам населения лишь пределы ее словарного распространения.

Как уже говорилось, «*o*»-образные варианты возникают у трех фонем: *u*, *ā* и *ou*. Наиболее закономерный и обязательный вариант дает фонема *u* в соседстве с увулярными и сонантом *r*. В других говорах фонетически здесь представлен гласный 5-го подъема («*u*») или несколько ниже («*u*»), в говоре же Б. имеем «*o*», даже не всегда закрытое, колеблющееся от 3-го до 4-го подъема: «*xop*» 'читай', «*roz*» 'день', «*ro*» 'лицо', «*xoroz*» 'петух', «*por*» 'полный'. Надо полагать, что пока это «*o*» не отделилось от фонемы *u*, оно не было таким открытым, а было уже, как это и засвидетельствовано в других говорах, в частности в соседнем сураханском говоре («*ruz*, *ru*, *xuru*» и т. д.). Уже один факт обильного заимствования азербайджанских слов при полном сохранении их фонетического облика, в том числе и азербайджанской фонемы *o* (*goz-bel* 'горбун', *sol* 'левый' и др.) достаточен для того, чтобы звук «*u*» ассоциировался с ней (азербайджанское *o* довольно узкое — колеблется между 4-й и 3-й ступенями подъема) и сблизился затем с ней фонетически, т. е. стал более широким.

Однако выделению *o* как фонемы, несомненно, способствовал также и свой, внутриязыковый фактор. Именно: звук «*o*» возникает также из фонемы *ou* как ее вариант. Характерный сначала для быстрой речи, он в наиболее благоприятных фонетических положениях, а также в наиболее употребительных словах может распространяться и на полный стиль речи с обязательным сохранением в других, менее употребительных словах полного варианта («*o*» 'вода', «*go*» 'корова', но «*dou*» 'иней').

Возникают, таким образом, чрезвычайно выгодные условия для противопоставления звуков «о» и «о^а», поскольку они встречаются в одинаковых фонетических положениях, но закрепляются за разными словами. В этом случае даже без влияния азербайджанского языка отношения звуков «о» и «о^а» наполовину фонологичны: нельзя (по крайней мере, для основной массы жителей) *о^а* в слове *dou* 'иной' заменить звуком «о». Значит, звуки «о» и «о^а» не представляют собой фонологически безразличных колебаний одной фонемы. Здесь «о» уже получает известную автономность, частично противопоставляясь *о^а* (фонетически это «о», сильно огубленное, образующееся между 3-й и 4-й ступенями подъема, т. е. не очень открытое, совпадающее с азербайджанским *о*). При таком положении для возникновения фонемы *о* уже достаточно предпосылки внутри самого языка: «о» стало бы фонемой в тот момент, когда в наиболее употребительных словах, как *о* 'вода', *хо* 'сон', дублетные варианты *о^а*, *хо^а* исчезли бы вовсе. Влияние азербайджанского языка явилось здесь внешним толчком, который дал возможность этим предпосылкам быстрее осуществиться.

Следует отметить, что самому факту легкого усвоения татами таких азербайджанских фонем, как *о*, *е* и *ө*, в значительной мере способствует наличие в самом татском языке этих звуков в виде постоянных (обязательных) вариантов других фонем.

Третий случай возникновения звука «о» дает фонема *ä*. Как уже говорилось при ее описании, фонема *ä* может быть весьма закрытой — вплоть до 3-го подъема. Закономерно получая рядом с губными огубленность, она превращается в открытое *о* («*э*»). При таком положении, когда в языке уже имеется фонема *о*, этот огубленный вариант заднего *ä* легко может отождествиться с ней, что и происходит в говоре на глазах (*ро* < *rä* 'нога', *тоу* < *täü* 'мать' и пр.). Легкую огубленность *ä* получает не только в соседстве с губными. В тех случаях, когда оно является гласным заднего ряда не нижнего подъема (2-й подъем и выше), оно вообще легко приобретает огубленность, поэтому превращение его в фонему *о* происходит не только рядом с губными.

Процесс ассимиляции «о»-образного варианта фонемы *ä* с фонемой *о* протекает по говору неравномерно: для одних этой ассимиляции не существует: звуки «*л^о*» и «*э*» остаются вариантами фонемы *ä*: *rä* 'нога', *täü* 'мать' и т. д. (фонетически *ä* представляет здесь слабо огубленный гласный заднего ряда «*л^о*»: «*рл^о*», «*мл^оу*»; звук «*э*» встречается только в неполном стиле речи). Для других имеем закономерное превращение *ä* в *о* в соседстве с губными, с соответствующим звуковым изменением (сильная огубленность и более высокий подъем: «*ро*» или «*рэ*» 'нога', «*бо*» или «*бэ*» 'раз' (фонологически: *ро*, *бо*). Для третьих ассимиляция *ä* с *о* распространяется и на другие фонетические положения, в частности закономерно на исход слова: *do* 'дал', *zo* 'ударил', *sæto* 'три' и т. д.

Последний случай, как и закономерный переход дифтонгов в монофтонги, засвидетельствован лишь у младшего поколения.

То, что *о* действительно выделилось уже как фонема, показывают такие противопоставления, как *го* 'лицо' и *zæfrú* 'вниз': *о* и *и* находятся здесь в одинаковом фонетическом положении, слово *го* не допускает варианта с *и*, и слово *zæfrú* не допускает варианта с *о*. Следовательно, здесь мы имеем отчетливое фонологическое противопоставление. Анало-

гичные случаи имеются для противопоставления *o* — *ā*: *xok* 'свинья', но *xāk* 'прах', 'земля'.

Таким образом, фонема *o* складывается: 1) из широкого варианта фонемы *u* (его переход в *o* осуществился для всего говора), 2) из дифтонга *ou* (переход осуществляется частично), 3) из огубленных вариантов фонемы *ā* (переход осуществляется частично). В остальных говорах фонема *o* не выделялась: «*o*»-образные звучания остаются вариантами своих фонем.

Фонема *ə*

Также можно говорить и о возникновении фонемы *ə* в говоре Балаханы, которая, однако, не получила еще такого широкого распространения, как фонема *o*.

Звук «*ə*» появляется как обязательный вариант фонемы *γ* в соседстве с фарингальными (после увулярных *γ* не встречается), которые расширяют *γ* вплоть до 4-й ступени подъема. Обычно это происходит в словах арабского происхождения, где фарингальные встречаются чаще: «*səhb*» 'утро', «*səhbæt*» 'беседа', «*həkm*» 'приказ', «*hərs*» 'раздражение', «*həkmān*» 'обязательно', «*təhmæt*» 'выговор'. Пока мы остаемся в пределах этих примеров, едва ли можно говорить о фонеме *ə*, так как здесь мы имеем дело со строго обусловленным фонетическим вариантом. Однако владение татами азербайджанской фонетикой, в которой наличествует фонема *ə*, приводит к фонологическому обособлению этого варианта и отделению его от фонемы *γ*. Так, имеются случаи, когда по исчезновении фонетического условия, приведшего к возникновению «*ə*», последнее не исчезает, а остается. В слове *kəpə* 'старый' из *kəhnə* (фонетически «*kəhnə*») звук *h*, благодаря которому появился вариант «*ə*», будучи слабым, выпал, но «*ə*» сохранилось, хотя фонетической поддержки в слове *kəpə* «*ə*» уже не имеет (в других говорах это слово звучит как *kəhna*). Отсюда видно, что вариант «*ə*», ассоциируясь с азербайджанским *ə*, выделяется как фонема и в татских словах. Вариант «*ə*» может возникать также и под влиянием *r*, расширяющем гласную. Такой случай имеем в слове «*rəšk/g*» 'гнида', где *γ*, находясь в слоге, закрытом двумя согласными, расширяется под влиянием *r* особенно сильно (вариант «*ə*»). В результате, этот вариант ассоциируется с фонемой *ə* и отождествляется с ней вполне и фонетически, расширяясь еще больше (в говорах К.—Д. это слово засвидетельствовано в форме *rišk*). Случаи частых соответствий *i* || *γ* по говорам уже отмечались. В других случаях после *r* (в открытых слогах) *γ* не расширяется настолько, чтобы сближаться с фонемой *ə*. Так, имеем слово *būγγ* 'он был', фонетически «*būγγ*». Кажущаяся незначительная разница в звучании фонемы в слове «*būγγ*» и в слове «*rəšk*» оказалась, однако, достаточной для того, чтобы во втором случае вариант «*ə*» ассоциировался бы с фонемой *ə*, что привело к дальнейшему его расширению.

Второй случай возникновения *ə* — монофтонгизация *əy*. В каких случаях это происходит — уже указывалось при описании фонемы *əy*. Вообще здесь наблюдается полная аналогия с монофтонгизацией *ou* и слиянием его с фонемой *o*. В результате такой монофтонгизации могут быть засвидетельствованы частые случаи возникновения *ə* в татских словах: *pəš* 'пиши', *də* 'беги' и т. д. Эти случаи, в которых звук «*ə*», несомненно, противопоставляется фонеме *γ* (*dγ* 'два' и *də* 'беги'), значительно способствуют обособлению «*ə*» в таких словах, как «*səhb*» 'утро',

где оно начинает ассоциироваться с *ə* в словах *də*, *nəš* (< *dəy*, *nəys*), т. е. противопоставляться фонеме *y*. Здесь мы опять видим, что предпосылки выделения «*ə*» как фонемы налицо в самом татском языке, влияющие же азербайджанского языка лишь ускоряет этот процесс.

Таким образом, для говора Балаханы при наличии таких примеров, как *kəpā* 'старый', уже можно говорить об *ə* как о фонеме. В говорах К.—Д. фонемы *ə* не выделилось. В таких словах, как *sɣhbæt* 'беседа', имеем лишь незначительное расширение *y*: «*sɣhbæt*», слово «старый» произносится как «*kɣhnæ*». Эти несколько расширенные варианты *y* перед фарингальными не сближаются со звуком «*ə*», являющимся вариантом дифтонга *əy*. Напротив, иногда встречается обратный случай: подчинение и уподобление «*ə*» (из *əy*) фонеме *y*: *jɣ* < *jə* < *jəy* 'ячмень'.

В заключение можно привести следующие схемы фонемного состава татского языка.

Конахкент, Дивичи, Сураханы. Состав вокализма — восемь фонем: *i*, *æ*, *ā*, *u*, *y*, *ei*, *ou*, *əy*.

Балаханы. Состав вокализма: 1) для старшего и среднего поколений — десять фонем: *i*, *æ*, *ā*, *u*, *y*, *o*, *ə*, *ou*, *əy*, *ei*; 2) для младшего поколения — восемь фонем: *i*, *æ*, *ā*, *u*, *y*, *o*, *ə*, *ei* (фонемы *ou*, *əy* монофтонгизировались).

В последнем случае имеем систему вокализма, уже основательно перестроенную на азербайджанский лад. Само собой разумеется, что эти схемы дают лишь попытку статически передать живой процесс изменения в вокализме. В живой же речи каких-либо резких граней в нормах произношения между поколениями нет, и характерной чертой для балаханского говора является широкий диапазон произносительных норм.

О ДЛИТЕЛЬНОСТИ ГЛАСНЫХ

Количество (длительность) гласных в татском языке едва ли имеет фонологическое значение. Противоположения долгих и кратких здесь не наблюдается: историческое противоположение *a—ā* превратилось в противоположение *æ—ā* (фонетически «*æ*» — «*ɶ*»), исторически долгие *i*, *ē* и краткое *i* слились в одной фонеме *i* (*riš* 'борода', *sib* 'яблоко', *gir* 'возьми', *ci* 'собрал', *ki* 'кто', *i(n)* указат. местоим., *bist* 'двадцать'); для исторических *ū*, *ō* и *u* наблюдается либо аналогичное слияние в одну фонему *u*, либо качественное противоположение *u—y*: *dust* 'друг', *kur* 'слепой', *zu* 'быстрый', *xudā* 'бог', *xurús* (К.—Д.) 'петух', *gyl* 'цветок', *dym* 'хвост', *dɣ* 'два'. Количественное выявление фонем при этом одинаково и не зависит от исторических соответствий (например, соответствует ли *u* в данном слове исторически долгому или краткому гласному). Так, имеем ряд случаев, когда исторически долгие могут сильно сокращаться, иногда доходя до редукции (Б.): «*rō*» 'лицо', «*pōstín*» 'шкура', «*gūr*» 'могила', «*dūræ*» 'дым', «*xōræk*» 'обед', «*zur-z'ri*» 'быстро'. В последнем примере особенно ясно видно влияние фонетического положения: в одном и том же слове, в повторе *u*, попадая в неударенный открытый слог, редуцируется. Если просмотреть все приведенные примеры, то и в них можно обнаружить фонетическую причину сокращения гласных: либо они стоят после глухих смычных (сокращающих гласную) в неударенном слоге, либо находятся в соседстве с *g* или увулярными, которые, как наблюдается во многих языках, сокращают

гласный даже в ударенном положении. Вообще, как правило, наблюдается одинаковая длительность исторически долгих и кратких гласных: *čiræš* (перс. *čide āst*) 'он собрал' и *girúm* (перс. *gērām*) 'я возьму', *kuræ* (перс. *kūre*) 'круг' и *gumān* (перс. *gōmān*) 'мысль', *čit* (перс. *čēt*) 'ситец' и *sib* (перс. *sib*) 'яблоко' и т. д.

Однако некоторые следы исторического противоположения по долготе и краткости все же сохраняются. Так, в татском вокализме можно выделить гласные редуцирующиеся и не редуцирующиеся. Редукция характерна для гласных: *i*, *u*, *ʏ* в неударенном открытом слоге. Гласные *æ* и *ā* не редуцируются. Гласные *i*, *u*, *ʏ* объединили в себе и исторически краткие и исторически долгие (*i*, *ī*, *ē* и *u*, *ū*, *ō*). Можно было бы предположить, что в случаях редукции *i*, *u*, *ʏ* мы имеем дело с исторически краткими фонемами. Но это далеко не так — в ряде случаев редуцируются и исторически долгие, как уже можно видеть из приводившихся выше примеров. Другие примеры: «*mīdēim*» 'мы дадим', *kūtāh* 'короткий'. Выходит, что исторически долгие и краткие ассимилировались полностью (*i*, *ī*, *ē* > *i*; *u*, *ū*, *ō* > *u*, *ʏ*) — и с качественной и с количественной стороны, при этом ведущими оказались фонетические свойства кратких гласных, поскольку бывшие долгие уподобились им в их способности к сокращению.

Гласный *ā* почти целиком соответствует долгому *a*, поэтому он и сохранил свою количественную устойчивость. Гласный *æ* соответствует исторически краткому *a*, но, как уже показали материалы по другим иранским языкам, краткое *a* всегда устойчивее кратких *i* и *u*, и в тех языках, где последние превращаются в редуцированные звуки (курдский, талышский), историческое *a* попадает в группу стойких фонем. И в данном случае, не включая в себя (за редкими исключениями)¹ исторически кратких *i* или *u*, татское *æ* по своей устойчивости попало в пару к *ā*, а не к остальным гласным. То, что между фонемами *æ* — *ā* действительно не осталось количественных противоположений, показывают нередкие случаи соответствия этимологически краткого *a* фонеме *ā*, а не фонеме *æ*: *rāft* 'он ушел', *ān(m)ā* 'однако' (Б.), *ādam* 'человек', *tār* 'влажный', *āvārd* 'принес' (Б.), *zā* 'ударил', *brā* 'иди' и т. д.

Изложенная характеристика гласных с количественной стороны является определяющей для татского языка. Однако в незначительном количестве слов засвидетельствована фонологическая долгота для гласных *ā* (*ā*) и *u* (*ū*). Эти слова следующие: *nāzik* 'нежный', *āxir* 'конец', *tūti* 'попугай', *mānæ* (К.: *vānā*) 'причина', *zūrīn* 'сильный', *dūr* 'далекий', *nāzū* (Б.) 'кошка'. Все эти слова, за исключением трех последних, употребляются и в азербайджанском языке с долгими гласными, так что в отношении их можно предположить простое заимствование. Последнее слово в азербайджанском языке не употребляется, но весьма возможно, что этимологически оно общее с *nāzūk* 'нежный', 'ласковый'. Но даже если это так, то простым заимствованием этот случай все же объяснен быть не может: здесь сохраняется долгота после переосмысления слова, когда уже оборвана этимологическая связь с азербайджанским *nāzik*. Выходит, что и для самого татского языка не чужды фонологические долготы. Впрочем, иначе трудно было бы объяснить и простое заимствование первых примеров: язык, в котором нет фонологических долгот, хотя бы остаточных, едва ли с такой легкостью смог бы заимствовать долготы чужого языка.

¹ Например, глагольный префикс *bi* || *br* || *bæ*, редуцирующийся во всех трех случаях.

Слова *zūrín* и *dūr* уже не имеют отношения к азербайджанскому языку. Объяснить здесь долготу фонетическими причинами нельзя, так как рядом с *zūrín* существует слово *durā* 'дым', где *u* не только не звучит долго, но может даже редуцироваться; а рядом со словом *dūr* — слово *gur* 'могила' с возможным сильным сокращением *u* («gür»). По-видимому, в татском языке в небольшом количестве слов реликтивно сохраняются этимологические долготы, аналогично таджикскому языку, где в отдельных словах сохраняются исторически долгие *ī* и *ū*, если они находятся в неударенном открытом слоге. Почти все приведенные татские примеры дают долгие *ā* и *ū* именно в этом фонетическом положении. Более того, аналогично таджикскому языку, при переходе в закрытый слог, татский долгий гласный теряет свою долготу: *zūrín* 'сильный', но *zur* 'сила'. Исключение составляет единственный пример *dūr*, где долгота *u* проявляется в закрытом слоге. При дальнейшем исследовании следует детальнее остановиться на вопросе о сохранившихся долготах и тщательнее проверить по всем говорам приведенные здесь примеры.

КОНСОНАНТИЗМ

Татский консонантизм может быть представлен в следующей таблице:

		Губные		Передне-язычные		Средне-язычные		Задне-язычные		Увулярные		Фарингальные		
		глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	звонкие	глухие	глухие	звонкие	верхнефаринг.		нижнефаринг.
Шумные	смычные	простые	p	b	t	d	(k)	g ← → g	k		g	(ɛ)		h
		аффрикаты			č	ǰ								
	целые	однофкусные	f	v	s	z	h ₁	y			x	γ	(h)	
		двухфкусные			š			y						
Сонанты				w				y						
	носовые		m		n									
	боковые				l									
	дрожащие				r									

Примечание. Стрелки указывают диапазон фонем. В скобках заключены фонемы, употребляемые факультативно или не во всех говорах. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен.

ФОНЕМЫ *g*, *k*, *k̰*

По говорам состав консонантизма довольно устойчив. Расхождение наблюдается только в одном случае: в балаханском говоре среднеязычное *k̰* выделилось как самостоятельная фонема, в то время как в говорах Д., С., К. «*k̰*» представляет собой вариант фонемы *k*, как и среднеязычное «*g̰*» представляет вариант фонемы *g*. Поскольку выявление фонемы *g* тождественно для всех говоров, то проще начать изложение с нее.

Фонема *g* выявляется в двух равноправных вариантах: заднеязычный смычный «*g*» и среднеязычный смычный «*g̰*». Первый вариант встречается перед гласными заднего ряда в начале слога и после гласных заднего ряда в конце слога. Примеры: «*guʃ*» 'ухо', «*gur*» 'могила', «*gu*» 'скажи', «*gāl*» 'зов', «*gou*» 'корова', «*nug*» 'новый', «*rāsī-gægār*» 'прохожий', 'встречный'.

Второй вариант — среднеязычный (или сильно продвинутый вперед заднеязычный) «*g̰*», встречается перед гласными переднего ряда в начале слога и после гласных переднего ряда в конце слога. Примеры: «*g̰yl*» 'цветок', «*digæ*» 'другой', «*g̰æræft*» 'он взял', «*sæg̰*» 'собака', «*dig̰næ*» 'вчера'. Этот же вариант встречается в конце слова и после согласного, если предшествующие ему звуки являются 'мягкими' (гласный — переднего ряда, согласный — среднеязычный или с элементами среднеязычной артикуляции): «*g̰yrg̰*» 'волк', «*kærg̰*» 'курица', «*lyng̰*» 'нога', где несколько палатализуются и согласные, предшествующие *g̰* («*g̰yrg̰*, *kærg̰*, *lyng̰*). В тех же случаях, когда в начале слова имеем увулярный согласный, который не только не палатализуется под влиянием следующего переднего гласного, но, напротив, отодвигает его назад, то в исходе после согласного имеем вариант «*g*» («*xī-šg*» 'сухой').

Вариант «*g̰*» имеет свой, частый в быстрой речи, но не обязательный вариант: в положении между двумя гласными переднего ряда он может спирантизоваться, превращаясь в «*y*». При отчетливом произношении восстанавливается в «*g̰*», но в наиболее употребительных словах щелевой вариант распространяется и на полный стиль речи, а так как он по своему звучанию совпадает с фонемой *y*, то возникают дублиеты: «*ægær* || «*æyær*» 'если', «*digæ* || «*diyæ*» 'другой'.

Таким образом, диапазон рассматриваемой фонемы, которую точнее было бы обозначать не *g*, а *g/g̰*, колеблется от смычного заднеязычного до щелевого среднеязычного.

В говорах К.—Д. выявление глухой пары *g* — фонемы *k*, которую тоже можно обозначить как *k/k̰*, совершенно аналогично рассмотренному. Примеры: вариант «*k̰*»: «*kār*» 'дело', «*kār*» 'глухой', «*pāk*» 'чистый', «*xāk*» 'земля', «*xuk* || «*xug*» 'свинья', «*kuk*» 'сын', «*su(w)uk*» 'легкий'. Вариант «*k*»: «*kæk*» 'блоха', «*kei*» 'когда', «*kæmæŋ*» 'пояс', «*kinær*» 'край', «*pæmæk*» 'соль', «*kitāb*» 'книга'. Щелевой вариант «*h̰*» (ich-laut): «*pæælbæhi*» 'блюдечко', «*keihi*» 'когда' (< *kei ki*).

Отдельные представители говоров, наиболее сжившиеся с азербайджанским языком, допускают азербайджанское произношение в общих для обоих языков словах: «*pāk*» 'чистый', «*xāk*» 'земля', и даже в произношении одного осведомителя (Шафиев, Конахкент) имеем «*kār* || «*kār*» 'глухой'. Ясно, однако, что это единичные случаи и для говоров К.—Д. в целом не характерны.

В говоре же Балаханы подобное произношение стало массовым и единственным, поэтому для говора Б. можно говорить о выделении *k* как фонемы. Это значит, что здесь закрепилось под влиянием азербайджанского языка произношение «*k*» после заднего гласного: «*xāk*» 'земля', «*hæiāk*» 'гибель', «*rāk*» 'чистый'. Можно было бы думать, что здесь лишь расширилась сфера употребления варианта «*k*»: в конце слова оно стало употребляться после любого гласного. Однако наряду с «*xāk*» 'земля' после других задних гласных имеем твердое «*k*»: «*xok* || *xog*» 'свинья', «*nug*» 'новый' и т. д. Значит, *k* закрепилось не за определенным фонетическим положением, а за определенными словами, оторвавшись от определенного фонетического положения. В результате, в балаханском говоре мы находим такую противопоставляющуюся пару, как *kār* 'работа' и *kār* 'глухой', причем последнее слово варианта *kār* не допускается. В говорах К.—Д., как уже отмечалось, оба эти слова произносятся одинаково (*kār*). Сураханский говор, больше подвергшись влиянию азербайджанского языка, все же сохранил различие за счет гласных (*kār* 'работа', *kær* 'глухой'). Говор же Балаханы целиком воспринял азербайджанское звучание, в результате чего *k* и получило значимость фонемы. Однако все же противоположение фонем *k* и *k* очень ограничено: оно встречается только в одном фонетическом положении: в соседстве с *ā* (перед *ā* в начале слога и после *ā* в конце слога). В отношении к другим гласным осталось прежнее положение: рядом с передними гласными встречается только «*k*», рядом с задними (*u* и *o*) — только «*k*».

ФОНЕМА *g*

Другая фонема, нуждающаяся в описании, — увулярное *g*. В начале слова *g* представляет собой смычный звук со звонким взрывом. Начало же звука и вся выдержка могут быть глухими, что особенно характерно для говоров К.—Д. Благодаря этому фонема *g* в начале слова может восприниматься иногда как глухое *q*. В балаханском говоре звонким обычно является не только взрыв, но вся вторая половина звучания, отчего реже возникает впечатление глухого звука. При особенно отчетливом произношении возможно озвончение всего звука. В целом для татского языка *g* в начале слова представляет типичный согласный так называемой средней звонкости. Фонологическим и обязательным для него является звонкий конец. Примеры: *gæ̃t* 'тоска', *geĩt̃s* 'ремень', *gæ̃rb* 'могила', *guñši* (К.—Д.), *goñši* (Б.) 'сосед'. При артикуляции *g* активную роль играет как глубоко-задняя часть языка, так и мягкое нёбо. Поэтому фонему *g* можно было бы называть также глубоко-заднеязычным согласным.

В середине слова между гласными *g* озвончается целиком и в зависимости от четкости произношения или аффрицируется в разной степени или спирализуется. Для четкого произношения характерно смычное *g*, но с сильной аффрикацией: «*fæg̃'ir*» 'бедняк', «*ræg̃'æ̃p*» 'масло'. Для обычного быстрого стиля речи характерен щелевой вариант «*fæ̃yir*, *ræ̃yæ̃p*». Аналогично выявляется фонема *g* и в конце слова после гласных: «*bā̃g̃' || bā̃g̃*» 'сад', «*æ̃ræg̃' || æ̃ræg̃ỹ*» 'пот'. В конце слова *g* является глухоконечным, оглушение в зависимости от четкости произношения может распространяться почти на весь звук, что может дать впечатление глухого *x* («*bā̃x*»). Впечатления глухого *q* в исходе не возникает, так как для осуществления смычки в этом положении нужна отчетливость речи, а при отчетливой речи восстанавливается и звонкость.

ФОНЕМЫ ε , h

Фонемы ε и h встречаются в словах арабского происхождения и сохранились по всем говорам, — в говорах К.—Д. в большей степени, чем в говорах Б. и С. Обе фонемы вытесняются из языка: h во всех случаях допускает замену фонемой h ; ε во всех случаях может исчезать: *sææt* 'час', *jætāxt* 'общество', *ilm* 'наука', *næælbæki* 'блюдечко'.

В общем, выявление ε и h , как и качественная их характеристика, аналогичны ε и h таджикских говоров, однако возможной в таджикском языке замены ε фонемой h здесь не встречено. Удвоение же предшествующего гласного здесь также весьма распространено: *bææd* < *bææd* 'потом'.

Фонема ε в татском языке является смычным согласным, но не сильным, могущим спирантизоваться, особенно в положении между гласными.

ФОНЕМА h

Фонема h в татском языке является слабым согласным: она легко подвергается озвончению после гласных (особенно в интервокальном положении), становится очень сонорной и легко исчезает вовсе: *šæær* < *šæhær* 'город', *dæpænj* < *dæhpænj* 'пятнадцать', *χou* < *χoh* 'спроси'. Устойчивым и никогда, повидимому, не исчезающим является h в начале слова или в начале слога после согласного, где оно остается глухим, лишь с возможным озвончением к концу: *hič* 'ничто', *kælhā* 'волы', *hædi* 'слово', 'речь', *hælāk* 'гибель' и т. д. h не исчезает в фонетически слабых для него положениях в тех случаях, если оно входит в состав суффикса (например, в суффиксе множ. числа *-hā* (Б.: *ho*)). Также оно сохраняется в мало употребительных словах (*bæianæ* 'повод', 'предлог') или в тех словах, где его выпадение повлекло бы слишком сильное изменение слова (*nāhā* 'положил' дало бы *nāā* > *nā*).

ДВУХФОКУСНЫЕ $\tilde{s}$, $\tilde{c}$, $\tilde{j}$

Второй фокус образования двухфокусных фонем $\tilde{s}$, $\tilde{c}$ и $\tilde{j}$ — среднеязычный. В соседстве с гласными переднего ряда они достигают очень большой мягкости: среднеязычный фокус доминирует над переднеязычным. В соседстве с гласными заднего ряда или с увулярными согласными второй фокус, если он остается среднеязычным (при четком произношении), значительно ослабляется, отчего ослабляется и впечатление мягкости. В большинстве же случаев вторая щель отодвигается назад, отчего впечатление мягкости тоже значительно ослабляется. Однако настолько, чтобы стать вполне заднеязычным, второй фокус не продвигается, т. е. татское $\tilde{s}$ во всяком положении остается все же мягче русского *ш*.

Фонемы $\tilde{s}$ не засвидетельствовано. У отдельных представителей говора Д. звук « $\tilde{z}$ » появляется как спирантизованный вариант фонемы $\tilde{j}$: «*gæžgún*» 'котел'.

ФОНЕМА v

Фонема v — губо-зубной согласный. В полном стиле речи является таковым во всех фонетических положениях. В быстрой речи в положении между огубленными гласными может становиться губо-губным,

очень сонорным и слабым («sawúk» 'легкий', «kawú» 'сизый'), что приводит к его выпадению, аналогично фонеме *h*. В результате этого возникают дублиеты: *kāu* || *kāvú* 'сизый', *jāáb* || *javáb* 'ответ', *sauk* || *sāvuk* (К.) 'легкий'.

ФОНЕМА *n*

Фонема *n* — перед неязычный носовой. Как это наблюдается и в других иранских языках, перед заднеязычными согласными *k* и *g* становится заднеязычным. Но чаще *n* встречается перед среднеязычными вариантами фонем *k* и *g*: *lɯng* 'нога', *pælæng* 'тигр'. В этих случаях фонема *n* или палатализуется или становится среднеязычной: *lɯn'g* || *lɯ́ng*, *pælæn'g* || *pælǽng*.

СООТНОШЕНИЕ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ СМЫЧНЫХ

Звонкие смычные по своим фонетическим свойствам колеблются по говорам. В говорах Б. и С. звонкие смычные *b*, *d*, *g* не отличаются сколько-нибудь заметно от соответствующих русских, т. е. являются полнозвонкими во всех фонетических положениях. Исключение составляет увулярный смычный *g*, который, как уже говорилось, может быть глухоначальным в начале слова и в середине слова после глухих согласных. Наличие глухого начала лишь в одном смычном согласном, несомненно, связано с отсутствием противопоставляющегося фонеме *g* соответствующего глухого. Глухие смычные *p*, *t*, *k* могут факультативно иметь придыхательность, но придыхательность эта не фонологична и слабо выражена. Звонкие смычные слабее глухих, в исходе они ослабляются еще больше и частично теряют звонкость, однако при отчетливом произношении звонкость восстанавливается.

В говорах К.—Д. все звонкие смычные в начале слова и после глухих согласных в середине слова являются глухоначальными, т. е. согласными средней звонкости. Согласный может иметь лишь глухое начало, но может быть глухим и целиком вплоть до взрыва (хотя это мало характерно для *b*, *d*, *g*, но нормально для *g*), что зависит от отчетливости речи. Обязательным и фонологически наиболее существенным для звонкого смычного оказывается звонкий взрыв. Соответственно этому глухие пары имеют добавочный признак — придыхательность, который усиливает противоположение полузвонких и глухих и является, таким образом, признаком фонологическим. Потеря глухим придыхательности уже влечет за собой возможность смешения его со звонкой парой. Это происходит в положении после глухих щелевых *f*, *s*, *ʃ*, *x*. Глухие смычные в этом положении могут терять придыхательность. Это явление наблюдается сначала в быстрой речи, а благодаря частоте возникновения этих вариантов распространяется и на полный стиль. Лишенные придыхательности *p*, *t*, *k* фонетически отождествляются с *b*, *d*, *g*, которые в этом положении (после глухого) нормально глухие и сохраняют только звонкий конец. В результате, возникают дублиеты для таких сочетаний, как *xd* || *xt*, *ʃd* || *ʃt*, *sd* || *st*, *fd* || *ft*, причем варианты с *d* более употребительны, чем с *t*. Примеры: *gufdi* 'он сказал', *sæxdým* 'я сделал', *ræfdým* 'я ушел', *hæfdād* 'семьдесят', *hæʃdād* 'восемьдесят', *dānisdæ* 'узнавши(й)' и т. д. (фонетически «*gufdi*, *sæxdým*, *gæfdým*, *hæfdād*, *hæʃdād*»).

Таким образом, для говоров К.—Д. мы имеем картину, совершенно аналогичную соотношениям глухих и звонких в татском языке.

В интервокальном положении все звонкие всегда полнозвонки. Как в этом положении, так и в исходе слова они тождественны соответствующим звонким говорам Б. и С.

Выявление в речи остальных фонем (*x, f, s, z, m, r, l, y*) не имеет каких-либо существенных особенностей, по сравнению с другими иранскими языками. *r*, возникшее из *d* после гласных, фонетически ничем не отличается от этимологического *r* (*sær* 'голова' и *vār* 'ветер', *kurē* 'круг', 'шар' и *durāē* 'дым' и т. д.). В настоящее время перехода *d* в *r* вовсе не наблюдается: в современном татском языке *d* устойчиво во всех позициях.

ОБРАЗЦЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ

Тексты I, II, III и IV представляют уточненную фонологическую запись номеров 21, 20, 3 и 15 из «Татских текстов» Б. В. Миллера (Иранские языки, I, 1945) и каждый из них дан в вариантах по трем говорам: дивичинскому, конахкентскому и балаханскому (за исключением IV, записанного только в дивичинском и конахкентском вариантах). Поскольку расхождения в построении фразы и в последовательности рассказа по говорам незначительны, к каждому рассказу дается только один перевод (к последнему его варианту).

Транскрипция отражает фонемный состав слова, как и в текстах, приложенных к другим языкам в этом выпуске. Однако в отдельных случаях в татских текстах обозначаются и варианты фонем, сильно отошедшие от основного звучания фонемы. Так, для говоров К.—Д. обозначаются знаками *ø* и *o* огубленные варианты фонемы *æ* (*dovyst*, *dø(v)yst* < *dævyst*; *nø(v)yš* < *næ(v)yš*), еще не слившейся со следующим *y* в дифтонг.

В качестве дополнения приложены два текста по балаханскому говору, каждый из которых записан у трех лиц для сравнения расхождений в употреблении фонем *o* и *ø* (а также и других расхождений); характерных для балаханского говора. Для удобства все три варианта даны в подстрочном сравнении. 1-й вариант записан от Исмаиловой (32—34 лет), представляющей более традиционное произношение; 2-й от Назарова — студента Бакинского университета (22—23 лет); 3-й от Гусейновой — школьницы лет 14. Оба текста представляют оригинальную запись.

Ударение, как и в талышских текстах, обозначается лишь в тех случаях, когда оно падает не на последний слог.

Для удобства печатания фонема *ä* в текстах передается знаком *a*.

ТЕКСТЫ В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ ПО ГОВОРАМ (I—IV)

I

Дивичи

Селение Дагбиджи (Зейналов)

1. *yæ ra mulla Næsraëddin bæ šæštæ manat yæ dænæ nygæ papax xira-bu*. 2. *hær rast amarægar xæbær basdaran-bu æz y:* «*mulla, papāxæ bæ čæn xiræyi?*». 3. *mulla bæ yiki javab dæ, bæ dytæ dæ, bæ sætæ dæ, di ki ægær bæ hær rasirægar javab tÿ, hælak ambašu*. 4. *mulla vægÿft papāxæ æ sær xišdæn, dovust bæ bazar zæværæ, bæ kufdiræn — kufdiræn*: 5. «*æy jamaçæt, zu bašind, zu-zu kura bašind, bæ filan meidun janışin bæ işmu gaf bæ kutiræ*». 6. *jamaçæt hæji tanist ki molla rast bæ*

kutiræ. 7. rasirægar dovust bæ meidun. 8. bæ meidun un gædæ ædmi kura bu ki, bæ sæær digæ ĵamaǵæt næ mund. 9. Mulla di ki, meidun ædmi pur-u, vægyft papáxæ æ sær xiǵdæn, værma bæ yæ býlyndæ ĵigæ, kufdi: 10. «ĵamaǵæt, iǵmu-æm tanind ki papáxæ bæ sæstæ manat xiram». 11. ĵamaæt payist bæ xænistæn. 12. mulla in ĵyr yæxæ xiǵdænæ varasund æ dæs xæbær asdaragarha.

Конахкент

Селение Офруджа (Шафиев)

1. yæ ra mulla Næsraeddin bæ šæš manat yæ nûgæ papax xirra-by. 2. hær rast amarægar xæbær basdaran-by æz γ: «mulla, papáxæ bæ čæn xirræyi?». 3. mulla bæ yækγ ĵavab dæ, bæ dýtæyγ dæ, bæ sætæyγ dæ, di ki, ægær bæ hær rasrægar ĵavab tγ, hælak imbašγ. 4. mulla vægyft/d papáxæ æ sær xiǵtæn, døvyst bazar zævææ, bæ gufdiræn gufdiræn: 5. «æy ĵamaǵæt, zu bašind, zu-zu kuræ bašind, bæ filan meidun ĵanašin bæ yǵmu gaf bæ gufdiræn». 6. ĵamaǵæt hæčun danist (|| d) ki mulla rast bakræn. 7. rasrægar dovyst (|| d) bæ meidun. 8. bæ meidun un gadæ ædæmi kuræ by ki, bæ šæhær diyæ ĵamaǵæt næ mund. 9. mulla di ki, meidun pur ædæmi-y-γ, væguft (|| d) papaxæ æ sær xiǵdæn, værma bæ yæ býlyndæ ĵigæ, gufdi: 10. «ĵamaǵæt, yǵmu danind ki papáxæ bæ šæš manat xiram». 11. ĵamaæt payist bæ xændystæn. 12. Mulla in ĵyr yæxæ xiǵdænæ vara-sund æ dæs xæbær asdaragarha.

Балаханы

(Назаров)

1. yæ bo molla Næsraeddin bæ šγš manot nûgæ kula xeiræ byrγ. 2. hær rast amarægar æz u pyrſyræ byrγ: «molla, kuláæ bæ čænd xeirei?». 3. molla bæ yætæi ĵavab da, bæ dýtæi ĵavab da, bæ sætæi ĵavab da, bæ čærtæi ĵavab da, deiši ki ægær bæ hær rasirægar ĵavab bædæ, hælak myšæ. 4. molla vodošt kuláæ æ sær xaštæn væ bazóræ sær zafru girixt væ kutræ byrγ: 5. «æy ĵamaæt! zu bišind, zur-zuri kura bišind! bæ flan meidan ĵanašin bæ šumu hædi dæry». 6. ĵamaæt hæč tanystynd ki molla rast kuturæn. 7. rasirægar døvyst bæ meidan. 8. bæ meidan o-gdæ adam kura by ki bæ šær dægæ adam næ mænd. 9. molla di ki meidan por adam-γ, vodošt kula æ sær xaštæn, vormo bæ blandi jægæ, kuti: 10. «ĵamaæt, šumu æm btanind ki kuláæ bæ šγš manot xeirom (|| xeiram)». 11. ĵamaæt posto bæ xænistæn. 12. molla i ĵur yæxæ xaštænæ vorast æ dæs pyrſyrægar(i)ya.

1. Однажды мулла Насреддин за шесть рублей купил новую шапку. 2. Каждый встречный у него спрашивал: «Мулла, за сколько ты шапку купил?». 3. Мулла одному ответил, второму ответил, третьему ответил, четвертому ответил, видит, что если он будет отвечать каждому встречному, — измучается. 4. Мулла снял шапку со своей головы, побежал вниз, к базару, и говорил: 5. «Эй, люди! Торопитесь, соби-райтесь скорее! На такой-то площади наместник к вам слово имеет». 6. Все люди думали, что мулла говорит правду. 7. Встречные побе-жали на площадь. 8. На площади собралось столько народу, что в городе больше никого не осталось. 9. Мулла увидел, что площадь

полна народу, снял шапку со своей головы, поднялся на высокое место и сказал: 10. «Люди, вы тоже знайте, что я купил шапку за шесть рублей». 11. Народ засмеялся. 12. Мулла таким образом избавился от спрашивающих.

II

Дивячи

Селение Дабириджи (Худавердыев)

1. yæ ra mulla Næsrædin æ gunsi xišdæn yæ gæjgun bæ gærd usta, kuti ki: 2. «imruz gæjgun ušmúnæ tin bæ mæn, xuræk byrjynym». 3. gunsi yæ gæjgun da bæy γ. 4. mulla Næsrædin gæjgúnæ bærd, kar xišdænæ di. 5. mulla yæ bala gæjgun naha bæ dæryn æn gæjgun gunsi, bærd, da bæy γ. 6. gunsi xæbær usta: «mulla, in čy gæjgun-γ avardæyi bæ dæryn gæjgun mæ? 7. imu ki bæ tγ yæ gæjgun dæræ birim, tγ bæy mu dýtæræ avardæyi». 8. mulla kuti: «gæjgun šumúnæ tæ bærdæn, gæjgun šumu zænd, avardym bæy šumu». 9. gunsi šar bu, vægýfd gæjgúnæ, naha bæ kinar. 10. dæpanj ruzgæ bægdæ, mulla Næsrædin ama bæ gunsi bæy gæjgun. 11. in safar gunsi bæ razigærivaz kælæ gæjgúnæ da bæ mulla. 12. mulla gæjgúnæ bærd, diyæ navard. 13. gunsi yæ ruz čym dæšd, dγ ruz čym dæšd, di ki mulla gæjgúnæ navard. 14. axir gunsi xištæn raft bæy mulla, kuti ki: «gæjgun mænæ tin». 15. mulla kuti ki: «bastani, birar, čy hist, — gæjgun tγ myrdæy». 16. gunsi kuti: «in čy batæn, yæni gæjgun ænmýrý?». 17. mulla kuti: «pæs gæjgun-iš mizæyγ? hæl bætdæ ki yæ čiz ki zændæyγ æm mýrý-yiš».

Конахкент

Селение Офруджа (Шафиев)

1. yæ ra mulla Næsræddin æ gunsi xišdæn yæ gæjgun bæ gærd usda, gufdi ki: 2. «imruz gæjgun išmúnæ tind bæ mæn, xuræk byrjynym». 3. gunsi yæ gæjgun dæ bæ γ. 4. Mulla Næsræddin gæjgúnæ bærd, kar xištænæ di. 5. mulla yæ kučknæ gæjgun naha bæ dærun æn gæjgun gunsi, bærd, dæ bæ γ. 6. gunsi xæbær usda: «in čy gæjgun-γ avardæyi bæ dærun gæjgun mæn? 7. imu ki bæ tγ yæ gæjgun dæræ birim, tγ bæy mu dýta gæjgun avardæyi». 8. Mulla gufdi: «gæjgun šimúnæ tæ bærdæn, gæjgun šimu zænd, mæn avardym bæri šimu». 9. gunsi šar by, vægýfd gæjgun, naha bæ kinar. 10. dæpanj ruzgæ bægdæ mulla Næsræddin ama bæyan gunsi bæri gæjgun. 11. in sæfær gunsi bæ razigæriyævaz kælæ gæjgun dæ bæ mulla. 12. mulla gæjgun bærd, amma næ avard. 13. gunsi yæ ruz guzæt sæxt, dγ ruz guzæt sæxt, di ki, mulla gæjgun næ avard. 14. axir gunsi xištæni raft bæyan mulla, gufdi ki: «gæjgun mænæ tin». 15. Mulla javab dæ: «basani, birar, čy hist, — gæjgun tγ myrdæy». 16. gunsi gufdi: «in čy bakræn, yæni gæjgun-iš imýrý?». 17. Mulla gufdi: «pæs gæjgun-iš mizæyγ? hæl bæt ki, yæ čiz ki zænd, un čiz inmýrý-yiš».

Балаханы

(Исмаилова)

1. yæ ba molla Næsrædin æ gonši xæštæn yæta gazgun bæ gærz vosta, kuti ki: 2. «imroz gazgun šumuna bdeind bæ mý, xoræk pæzum». 3. gonši yæta miyanæ olči gazgun da bæ u. 4. molla Næsrædin gazgun bærd, kar xæštænæ di. 5. Molla yæta balæjæ gazgun dašt, na úræ bæ dææn gazgun gonši, bærd, da bæ u. 6. gonši pýrsi: «molla, i či gazgun-γ

avardei bæ dææn gazgun mŷ? 7. imu ki bæ tŷ yæta gazgun dæræ birim, tŷ hœzŷm dŷta avardei». 8. molla kuti: «gazgun ſumŷnæ tæ bærdæn, gazgun ſumu zænd, hœzŷm væċiræ avardum bææ ſumu». 9. gonſi gælbæ ſad bŷ, vodaſt gazgun, na bæ yæta kænar. 10. ponzæ roz gŷzæ-ſtængum, bæ(æ)dæ ponzæ ruzgæ molla Næsrædin bâz-æm ama bæyæn gonſi bæææ gazgun. 11. i ſafar gonſi bæ razigæri vadaſt kælæ gazgŷnæ da bæ molla. 12. molla gazgunæ bærd, ama dægæ næ-avard. 13. gonſi yæ roz gŷzæt sæxt, dŷ roz gŷzæt sæxt, di ki molla gazgunæ næ bardæn. 14. axir, gonſi xaſtæn raft bæyan molla, kuti ki: «gazgun mŷnæ bidi». 15. molla ja(v)ab da: «tanistæni bŷrvar, ċi æst, gazgun tŷ myrdæs-ŷ». 16. gonſi kuti: «iſtæ yæni gazgun myrdæs? gazgun-æm mŷmŷ?». 17. Molla javab da: «pæs gazgun-æm mŷzændŷ? hælbæt ki yæ ċiz ki zændŷ, mŷmŷŷ-æm».

1. Однажды мулла Насреддин у своего соседа попросил котел, сказал: 2. «Дайте мне сегодня свой котел, я еды сварю». 3. Сосед дал ему среднего размера котел. 4. Мулла Насреддин взял котел и дело свое справил. 5. У муллы был один маленький котелок, он вложил его в котел соседа, снес и отдал ему. 6. Сосед спросил: «Мулла, это что за котел ты принес в моем котле? 7. Мы ведь давали тебе один котел, а ты теперь два принес». 8. Мулла сказал: «Перед тем как отнести ваш котел, ваш котел родил, теперь я вам и ребенка принес». 9. Сосед очень обрадовался, взял котел, поставил его в ступку. 10. Прошло пятнадцать дней, через пятнадцать дней мулла Насреддин снова пришел к соседу за котлом. 11. На этот раз сосед с радостью дал мулле большой котел. 12. Мулла котел взял, но назад не принес. 13. Сосед день подождал, два подождал, видит, что мулла котел не несет. 14. Наконец, сосед сам пошел к мулле, сказал: «Дай мне мой котел». 15. Мулла ответил: «Знаешь, брат, что случилось, — твой котел умер». 16. Сосед сказал: «Что это значит — котел умер? Разве котлы умирают?». 17. Мулла ответил: «А разве котлы рожают? Конечно, то, что может родить, может и умереть».

III

Дивичи

Селение Зейва (Агаяров)

1. yæta ædami ama bæyan mirza gufdi bæy ŷ ki: «bæy mu kagaz nævŷſ». 2. i mirza javab dæ ki næ midanŷm nævŷidæn bæ-yi ki pay mæn dær bæſæxdæn. 3. u ædami gufdi: «mæn tŷræ bæ hiċ jigæ næ æfursærænŷm ki tŷ pay tŷræ bæhanæ bæſæxdæni». 4. mirzæ gufdi: «gaf tŷ dŷz-ŷ, amma keiki mæn kagaz nævŷŷtŷm, bægdæ mænæ nææræ sæyind ki: 5. biyæ ŷræ xun, bæ-yi ki xæt mænæ hiċ kæſ næ bædanistæn xundæn».

Конахкент

Селение Офруджа (Гусейнов)

1. yæ ædami ama bæyan mirzæ, gufdi bæ ŷ ki: «bæy mæn kægaz nævŷſ». 2. mirzæ javab dæ ki: «mæn næ mudanŷm, bæri-yŷ ki pay mæn dær bæſæxdæn». 3. un ædami gufdi: «mæn tŷræ bæ hiċ jigæ næ æfŷr-særænŷm ki, tŷ pay tŷræ bæhanæ bæſæxdæni». 4. mirzæ gufdi: «gaf tŷ

dʏz-ʏ; amma keiki mæn kægaz nœvʏsdʏm, bæɛdæ bæsæn næɛræ sæyind mænæ ki: 5. biyæ kægázæ xun, bæri-ʏʏ ki xæt mænæ hič kæs næ basan xundæn».

Балаханы

(Гусейнова)

1. yæto mærd amo bæyan mirza væ bæ u kuti: «bæræ mʏ keigaz nœs». 2. i mirza javab do: «mʏ næmtanum bæræy ki po mʏ dær dæræn». 3. i mærd javab do: «mʏ ki tʏræ bæ hič jægæ næxæstynum fostum, bæræy ci heida bæhanæ bardæni?». 4. mirza kuti: «hædi tʏ dʏz-ʏ, amo keiki mʏ keigaz nœstynum, bæædæ mʏnæ gal sændʏnynd ki: 5. biyô úræ bixon, bæræy ki xæt mʏnæ hič kæs næ tanistæn xondæn».

1. Один человек пришел к писцу и сказал ему: «Напиши для меня бумагу». 2. Писец ответил: «Я не могу, потому что у меня болят ноги». 3. Этот человек ответил: «Я ведь тебя никуда не собираюсь посылать, — что же ты такую отговорку приводишь?». 4. Писец сказал: «Речь твоя правильна, но когда я напишу бумагу, меня потом призывают: 5. иди, мол, прочти ее, так как моего почерка прочесть никто не может».

IV

Дивичи

Селение Зейва (Агайров)

1. yæ mærd xískæ šax bar sæxdæyʏ bæ æræbæ. 2. bæ šaxha xískæ vælg ambar biræyʏ. 3. kæalha mærd (ɛ)ajiz biræyʏ, kuftiræyʏ ki šaxhay næ bisændanʏm kæsræn. 4. bæædæ mærd fikir sæxdæy ki, mæn in bæ šaxha biræ vælgháyæ suzunʏm, æræbæy mæn souk bašʏ, danʏm bærdæn. 5. išbiškæy zæræy, naræy bæ vælgha, — šaxha suxdæyʏ kæalha-yiš rʏš bæ sær suxdæyʏ.

Конахкент

Селение Офруджа (Гусейнов)

1. yæ mærd xʏsgæ šax bar saxd bæ (ɛ)æræbæ. 2. bæ šaxha xʏsgæ vælg ambar bʏ. 3. kæalha mærd ɛajiz bʏ, šaxhayæ næ basan bʏrund kæsræn. 4. bæɛdæ (|| bæædæ) mærd fikir saxd ki mæn in bæ šaxha biræ vælgháyæ suzunʏm, ɛæræbæy mæn suvuk bašu, danʏm bærdæn bæ dih. 5. ispičkæ zæ bæ vælgha, — vælgha suxd, šaxha suxd kæalha-yiš suxd.

1. Один человек нагрузил на арбу сухие ветви. 2. На ветвях было много сухих листьев. 3. Волы у человека устали, не могли свезти ветвей. 4. Тогда тот человек подумал: я, мол, сожгу листья на ветках, арба моя станет легкой, и я смогу довести ее до селения. 5. Поднес к листьям спичку, — листья сгорели, ветви сгорели и волы тоже сгорели.

ТЕКСТЫ ИЗ БАЛАХАНЫ В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ ОТ ТРЕХ ЛИЦ (V—VI)

V

И. padša bag dašt. bæ bagban kuturæ bʏrʏ ki: «ki bæ bag dorma,
Н. padša bag dašt. bæ bagban kutræ bʏrʏ ki: «ki bæ bag durmo,
Г. padša bag došt. bæ bagban kuturæ bʏrʏ ki: «ki bæ bag durmo,

- И. bæ u jæza mideim bæ i sært ki u æ my sæta sei mytany xastæn æ
 Н. bæ u jæza midem, bei særti ki u æmy sæta sei mytany xastæn æ
 Г. bæ u jæza mideim, bæ sært ki u æ my sæto sei mytany xastæn æ
- И. myrdæn xastæn bašgæ». yæ roz čupan bæ bag padšah durma. bagban
 Н. myrdæn xastæn bašgæ». yæ roz čoban bæ bag padša durmo. bagban
 Г. myrdæn xastæn bošgæ». yæ roz čoban bæ bag padša durmo. bagban
- И. úræ gæræft væ bæyan padša avard. padša kuti: «zu sæta sei xou
 Н. úræ giræft væ bæyan padšah avard. padša kuti: «zu sæta sei byxo
 Г. úræ gæræft væ bæyan padša avard. padša kuti: «zu sæto sei xo
- И. væ týræ yæbkyšum». čupan kuti: «my xastynum ki bæ kællæ
 Н. væ týræ yæbkyšum». čoban kuti: «my xastynum ki bæ kællæ
 Г. væ týræ yæbkyšum». čoban kuti: «my xastynum ki bæ kællæ
- И. ty yæ balæjæ zænum». padša razi by. čupan bæ kællæ padšah
 Н. ty yæ balæjæ bæzænum». padša razi by. čoban bæ kællæ padša
 Г. ty yæ balæjæ bizænum». padša razi by. čoban bæ kællæ padša
- И. za. padša nim roz æ xastæn raft. padša dyynji xaisiræ xast.
 Н. za. padša nim roz æ xastæn raft. padša dyynji xaisiræ xast.
 Г. zo. padša nim roz æ xastæn raft. padša dyynji xaisiræ xast.
- И. čupan kuti: «báz-æm xastynum ki yæ balæjæ æz u sæxtæ zænum».
 Н. čoban kuti: «bóz-æm xastynum ki yæ balæjæ æz u sæxtæ bæzænum».
 Г. čoban kuti: «bóz-æm xastynum ki yæ balæjæ æz u sæxt zænum».
- И. padša bæ-yí-yæm razi by. amma pytøy rozæ bæ xastæn næ ama.
 Н. padša bëi-yæm razi by. ammo bytyn rozæ bæ xastæn næ ama.
 Г. padša boz-æm razi by. ammo bytyn rozæ bæ xastæn næ amo.
- И. bæædæ tanist ki sæymji xais čupan i yæbšøy, æ tærsi jan xastæn
 Н. bæædæ tanist ki sæymji xais čoban i yæbšø, æ tærsi jan xastæn
 Г. bæædæ tanist ki sæymji xais čoban i yæbšø, æ tærsi jan xastæn
- И. úræ sær da.
 Н. úræ sær da.
 Г. úræ sær do.

У царя был сад. Он сказал садовнику: «Если кто войдет в сад, мы его казним, с тем условием, что он может попросить три вещи перед смертью». Однажды к царю в сад вошел пастух. Садовник его схватил и привел к царю. Царь сказал: «Проси скорее три вещи, и я тебя убью». Пастух сказал: «Я желаю стукнуть разок по твоей голове». Царь согласился. Пастух ударил царя по голове. Царь на полдня лишился сознания. Потом царь спросил второе желание. Пастух сказал: «Я желаю еще раз стукнуть тебя по голове, посильнее того». Царь и на это согласился, и целый день не приходил в себя. Потом он понял, что третье желание пастуха будет такое же, и от страха за свою душу отпустил его на свободу.

VI

- И. yæ roz mulla bæ bag raft. u gælbæ sei ci væ bædæn čuval
 Н. yæ roz molla bæ bag raft. u gælbæ sei ci væ bædæn čuval
 Г. yæ roz mollo bæ bag raft. u gælbæ sei čiræs væ bædæn čuval

- И. rixt. bæy vaxt sæhib bag ama, æ mulla pȳrsi: «injæ ċi sæxtini?».
 Н. rext. bei væxt sæhib bag ama, æ molla pȳrsi: «injæ ċi sæxtini?».
 Г. rixt. bei væxt sæhib bag amo, æ mollo pȳrsi: «inja ċi sæxtini?».
 И. mulla jaab da: «mȳnæ var bæ injæ ængæst». sæhib pȳrsi: «bæs i
 Н. molla ċavab da: «mȳnæ var bæ injæ ængæst». sæhib pȳrsi: «bæs i
 Г. mollo javab do: «mȳnæ var bæinja ængæst». sæhib pȳrsi: «bæs i
 И. meivæyæræ ki ċiræs?». mulla jaab da: «mæ-m hæ úræ fȳkȳr sæxtæ
 Н. meivæyæræ ki ċiræs?». mollo ċavab da: «mæ-m hæ úræ fȳkȳr sæxtæ
 Г. meivæyæræ ki ċiræs?». mollo javab do: «mæ-m hæ úræ fȳkȳr sæxtæ
 И. birum».
 Н. birum».
 Г. birum».

Однажды мулла пошел в сад. Он много всего набрал и насыпал в мешок. Но в это время пришел хозяин сада. Он спросил у муллы: «Что ты здесь делаешь?». Мулла ответил: «Меня ветер сюда занес». Хозяин сказал: «А кто же собрал эти плоды?». Мулла ответил: «Я сам как раз об этом же думал».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3— 5
Белуджский язык	7—77
Вокализм	9—49
Качественная характеристика гласных	9—15
Фонемы <i>a, ā</i>	9—11
Фонемы <i>i, ī, ē</i>	11—13
Фонемы <i>u, ū, ō</i>	13—15
Длительность гласных	15—43
Фонемы <i>a, ā</i>	15—24
Фонемы <i>ī, ē, i</i>	24—35
Фонемы <i>ū, ō, u</i>	35—42
Длительность гласных в односложном слове перед двумя со- гласными	42—43
Белуджский вокализм в целом	43—49
Долгие гласные	43—46
Краткие гласные	46—47
Соотношение долгих и кратких гласных	47—49
Консонантизм	49—59
Щелевые согласные	50—52
Смычные согласные	53—58
Сонанты	58—59
Образцы фонологической записи	59—69
Приложения	69—77
Слова, записанные на кимографе с указанием их значений	69—71
Кимограммы согласных	72—77
Курдский язык	78—103
Вокализм	80—93
Качественная характеристика гласных	80—84
Фонемы <i>ə, ǝ</i>	81
Фонемы <i>i, e</i>	82
Фонема <i>a</i>	82—83
Фонема <i>o</i>	83
Фонемы <i>î, u</i>	83—84
Фонема <i>γ</i>	84
Длительность гласных	84—93
Фонемы <i>i, e, a, o, î, u, γ</i>	84—89
Фонемы <i>ə, ǝ</i>	90—91
Выводы	91—93
Гласные первой группы (<i>i, e, a, o, î, u, γ</i>)	92
Гласные второй группы (<i>ə, ǝ</i>)	92—93
Консонантизм	93—99
Шумные согласные	93—95
Сонанты	95—97
Огубленное <i>x^o</i>	97—98
Верхнефарингальная артикуляция	98—99
Образец фонологической записи	99
Палатограммы согласных и гласных	100—103

Талышский язык	104—121
Вокализм	105—112
Фонема <i>i</i>	105
Фонема <i>e</i>	105—106
Фонема <i>a</i>	106
Фонема <i>ä</i>	106—108
Фонема <i>o</i>	108—109
Фонема <i>u</i>	109—110
Фонема <i>ə</i>	110—112
Консонантизм	112—117
Смычные согласные	112—114
Щелевые согласные	114—116
Сонанты	116
О взаимовлиянии согласных и гласных	116—117
Образцы фонологической записи	117—121
Татский язык	122—147
Вокализм	123—136
Фонема <i>i</i>	124
Фонема <i>æ</i>	124—125
Фонема <i>ä</i>	125—126
Фонема <i>u</i>	126
Фонема <i>γ</i>	126—127
Фонема <i>ei</i>	127—128
Фонемы <i>ou</i> , <i>øγ</i>	128—131
Фонемы <i>o</i> и <i>ø</i> в говоре Балаханы	131—134
О длительности гласных	134—136
Консонантизм	136—141
Фонемы <i>g</i> , <i>k</i> , <i>k</i>	137—138
Фонема <i>g</i>	138
Фонемы <i>ɣ</i> , <i>h</i>	139
Фонема <i>h</i>	139
Двухфокусные <i>š</i> , <i>č</i> , <i>j</i>	139
Фонема <i>v</i>	139—140
Фонема <i>n</i>	140
Соотношение звонких и глухих смычных	140—141
Образцы фонологической записи	141—147

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Г. М. Ибрагимова*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *Н. И. Тарноградская*

РИСО АН СССР № 4720. Пл. № 9—68 В.
Подписано к печати 2/II 1953. М-01611
Бумага $70 \times 108/16$. Бум. л. $4\frac{3}{4}$. Печ. л. 13.
Уч.-изд. л. 12,21. Тираж 2000. Зак. № 286.
Номинал по прейскуранту 1952 г.
8 р. 30 к

1-я тип. Издательства Акад. Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	2 сверху, правый столбец	<i>gētīr</i>	<i>gētīr</i>
21	Раздел „Второй слог“, левый столбец	а	ā
46	15 сверху	(между 5-й и 3-й)	(между 6-й и 3-й)
50	Примеры, левый столбец, 2-е слово	<i>xōrāk</i>	<i>xurāk</i>
54	Подпись к рис. 1	d в слове <i>jōda</i>	ɖ в слове <i>jōda</i>
80	20 снизу	y	γ
112	Таблица, рубрика „боковые“	Звук „l“ помещен под рубрикой „Среднеязычные“	Звук „l“ должен быть под рубрикой „Переднеязычные“
123	6 снизу	eu	eu
136	Таблица, рубрика „верхнефаринг. глухие“		Над знаком (h) должна быть горизонтальная черта, разделяющая „смычные“ и „щелевые“
137	2 снизу	kār	kār
138	2 сверху	о выделении k	о выделении k
140	1 снизу	в татском языке.	в талышском языке.

В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков.